

17 ИЮНЬ 1901

ВОЛОСЫ и УХОДЪ за ними.

ОКРАСКА ВОЛОСЪ растительн. безвредной краской „СЕКРЕТЬ ГАРЕМА“ (порошокъ) въ желаемый цвѣтъ. Р. S. Достигнута возможность снятія темныхъ пятенъ съ волосъ, являющихся результатомъ окрашивания жидкими химическими красками, какъ содержащими ляписъ.

M-LLE DOSS постишъ сезона.

Петроградъ, Николаевская ул., 18.

Брошюра „Секретъ Гарема“ (Уходъ за волосами) высылается за двѣ 10-ти копѣечн. марки. Тел. 229-76.

8Р
1

На складъ Акц. О-ва „БЮХРОМЪ“ поступилъ портретъ Л. Н. ТОЛСТОГО,

напечатанный въ краскахъ.

Размѣръ 49 x 34 см. . . Цѣна 75 коп.

Размѣръ 33 x 24 см. . . Цѣна 35 коп.

Петроградъ, Б. Конюшенная, 5.

15907

„АРГУСЪ“.

Въ конторѣ журнала „Аргусъ“ продаются оставшіеся въ небольшомъ количествѣ КОМПЛЕКТЫ „АРГУСА“ 22 №№ ц. 8 р. Выписывающіе непосредственно изъ главной конторы журнала „АРГУСЪ“— Петроградъ, Б. Конюшенная, 5, за пересылку не платятъ.

К В А С Ъ

Торговый Домъ ЗАКИМАНОВА.

Доставляется къ ВЫСОЧАЙШЕМУ ДВОРУ. ЛУЧШІЙ НАПИТОКЪ во всякое время года: Боярскій, Сухохарный, Яблочный, Московскій бѣлый.

ДОСТАВКА НА ДОМЪ.

Телефонъ № 469-25.

ТРЕБУЙТЕ ВОВЪ ВСѢХЪ РЕСТОРАНАХЪ, ГОСТИНИЦАХЪ и на вокзалахъ.

НАУЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА
САРАТОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

ГИГИЕНИЧЕСКІЙ КОРСЕТЪ

САНИТАСЪ

ИДЕАЛЬНЫЙ ФАСОНЪ

ЕДИНСТВЕННАЯ УСОВЕРШЕНСТВОВАННАЯ ЗАМѢНА
БРЮШНЫХЪ БАНДАЖЕЙ.

Корсетъ бандажъ „САНИТАСЪ“ является настоящимъ спасеніемъ для дамскаго міра, т. к. онъ не только придерживаетъ и стягиваетъ живогъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и придаетъ хорошую фигуру. Поэтому онъ рекомендуется лучш. врачами, гинекологами, терапевтами и хирургами, какъ давно желанный гигиеническ. корсетъ, признанный ими уже въ теченіе 5 лѣтъ для разнаго рода женск. болѣзней, какъ-то: грыжи, болѣзни печени, блужд. почекъ, отвислаго живота, послѣ операціи и родовъ (спеціальн. тема для беремен.). Корсетъ сидитъ плотно, не жметъ и предпочитается поэтому также здоровыми, но чувствительными дамами.

За красоту покроя ручается реноме изобрѣтательницы. Патентованъ во всѣхъ государствахъ.

Петроградъ, Лиговская ул., 55.
пр. Никол. вокз., кв. 1. Тел. 124-57.
ОЛЬГА ПЕКЪ

ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПОДДѢЛОКЪ!

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
КОНЧАЕВЪ и К^о
Гостиный дворъ
129.

Телефонъ 454-53.

ЛѢТНІЯ ТКАНИ

ШЕЛКОВЫЯ, ШЕЛКЪ съ ШЕРСТЬЮ,
ШЕРСТЯНЫЯ и БУМАЖНЫЯ.

НОВОСТИ для КОСТЮМОВЪ и МАНТО
русскія, англійскія и французскія.

ОГРОМНЫЙ ВЫБОРЪ. □ ДЕШЕВЫЯ ЦѢНЫ.

Вы когда родились?

Сообщите мѣсяцъ, въ которомъ Вы родились или интересующая Васъ личность, и мы вышлемъ Вамъ соответствующую книгу, составленную знаменитымъ медиумомъ Миссъ-Хассэ, въ которой Вы найдете полный, точный и подробный анализъ характера, опредѣленіе прошлаго, настоящаго и будущаго съ вѣрнымъ указаніемъ, какъ жить и что дѣлать для достиженія успѣха въ жизни.

БЕЗПЛАТНО прилагается краткій самоучитель гипнотизма, хиромантіи, физиогномики, френологіи, графологіи и астрологіи съ рисунками въ текстѣ. По этой книгѣ Вы узнаете много удивительнаго, новаго и важнаго о себѣ лично, о близкихъ друзьяхъ и знакомыхъ. ■ Книги высылаются по полученіи 50 к. марками въ заказномъ письмѣ (наложеннымъ платежемъ на 30 к. дороже). Адресъ: Варшава, Издательство „Разсвѣтъ“, психо-френологу Х. М. Шиллеру-Школьникову—Центральная, 143.

СОДЕРЖАНИЕ № 4.

	СТРАН
ВОРОНЪ. Разказъ <i>С. Гусева-Оренбургскаго</i> , рисунки <i>В. Сварога</i>	7
ПЛЪННИКЪ. Историческій очеркъ <i>А. А. Дунина</i> , иллюстраціи <i>П. Бучкина</i>	19
УБИЙСТВО ВЪ РЫБНОЙ ЛАВОЧКЪ. Изложено <i>А. С. Гриномъ</i> , иллюстраціи <i>С. Лодыгина</i>	29
ИЗЪ ПЪСЕНЪ О БРАТСТВѢ НАРОДОВЪ. Стихотвореніе <i>С. Маршакъ</i>	35
ДЪДУШКА ПАХОМЪ. Разказъ <i>Сергѣя Гарина</i> , рис. <i>В. Сварога</i>	37
ИНДІЙСКІЯ ВОЙСКА ВО ФРАНЦИ. Замѣтки <i>М. Д.</i>	45
ЧЕМОДАНЫ. Замѣтки <i>А. С.</i> , со снимками <i>Бирсона</i>	49
ЖИВОЕ ДѢЛО. Очеркъ <i>А. З.</i> , снимки для „Аргуса“ <i>А. Федорова</i>	57
РУССКОЙ ВЕСНѢ. Стихотвореніе <i>Д. Цензора</i>	65
ГАЛИЦІЙСКАЯ ТВЕРДЫНЯ. Впечатлѣнія изъ поѣздки въ Перемышль <i>А. Хирьякова</i> , снимки для „Аргуса“ кап. <i>С. Корсакова</i>	67
КЛУБЪ ГОРОДСКИХЪ ДѢТЕЙ. Очеркъ <i>Л. А.</i> , со снимками для „Аргуса“ <i>А. Федорова</i>	73
СМЕРТНОСТЬ ВЪ ПРОШЛЫЯ ВОЙНЫ. Діаграмма	78
ПУШКИНЪ ВЪ ХУДОЖЕСТВЕННОМЪ ТЕАТРѢ. Сообщеніе <i>Александра Бенуа</i> , съ эскизами его декорацій и костюмовъ	81
СМЕРТЬ ГОГОЛЯ (по неопубликованному источнику).. Замѣтки <i>В. Свѣтлова</i>	86
ДѢТИ НА ВОЙНѢ. Наблюденія <i>В. Унковскаго</i> , иллюстраціи <i>И. Гранди</i>	89
У НИХЪ И У НАСЪ (военныя страницы „Аргуса“)	95
ВЕСЕЛЫЯ СТРАНИЦЫ „Аргуса“	99
ПАМЯТИ СЪДОВА. Очеркъ участника экспедиціи <i>П.</i> , съ кино-снимками	105
ДАМСКАЯ СТРАНИЧКА „АРГУСА“	111

Спеціальное приложеніе къ № 4 „Аргуса“:

ДОЛИНА УЖАСА. Новѣйшая повѣсть <i>А. Конанъ д'Сойля</i> , съ иллюстраціями	121
ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

Редакторъ: *Вас. Регининъ*
(Раппопортъ).

Издатель: Акц. О-во „Біохромъ“,
въ лицѣ *П. Е. Кулакова*.

Условія подписки, съ пересылкой: 5 руб.—за годъ, 3 руб.—за полгода.

АДРЕСЪ РЕДАКЦІИ и КЪОНТОРЫ:

Петроградъ, Большая Конюшенная ул., д. 5. Телеф. 224-00.

—Можно къ вамъ състѣтъ?.. (Стр. 17).

Къ разказу „Воронъ“.

Воронъ

РАЗСКАЗЪ

С. ГУСЕВА —

— ОРЕНБУРГСКАГО
РИС.

В. СВАРОГА.

Густые лѣса кольцомъ сжали село Лебединское. Они тянулись къ югу до большой рѣки, гдѣ на границѣ степей разбросался губернский городъ, къ сѣверу же становились совсѣмъ дикими, покрывая отроги горъ. Лебединскому батюшкѣ такъ нравилось это глухое мѣсто, что онъ неоднократно отклонялъ приглашенія на городской приходъ, исходящія отъ самого владыки. Владыка весьма благоволилъ къ нему, ибо они когда-то сидѣли рядомъ на одной скамьѣ въ семинаріи, были дружны, потому пути ихъ надолго разошлись, а теперь снова сошлись въ одной епархіи. Владыка былъ человѣкъ больной, нравомъ добрый, онъ чувствовалъ себя одиноко и чуждо среди духовенства, враждебнаго ему за слабость его характера, не умѣвшаго примѣрять страстей. И владыкѣ очень хотѣлось имѣть возлѣ себя близкаго человѣка. Онъ неоднократно говорилъ лебединскому батюшкѣ.

— Андрюша, переходи ко мнѣ въ городъ!

Но о. Андрей неизмѣнно отвѣчалъ:

— Я старикъ... гдѣ же мнѣ жизнь ломать, и къ городскимъ обычаямъ привыкать. Да и что скажутъ твои протоіереи? Владыка, молъ, пріятелей въ князи выводить.

— Пусть говорятъ!

— Зачѣмъ же гусей дразнить? Да и я человѣкъ дикій, въ лѣсу прожилъ, въ лѣсу и помру. Люблю больно лѣсъ-то, преосвященнѣйшій! Дикость-то люблю... красотаа въ ней Господня! Какъ разстанусь? Ни за что! И попадаю тамъ схоронена.... А къ тебѣ-то, преосвященнѣйшій, и такъ всегда радъ пріѣхать, путь неедалекій. Оно и лучше: еще поселимся рядомъ да и поссоримся!

— Чѣго намъ дѣлать? — печально усмѣхался владыка.

О. Андрей лукаво подмигивалъ.

— ЯЯ ди-и-кій!

На самомъ же дѣлѣ о. Андрей былъ нрава мирнаго, уживчиваго, хотя и чрезвычайно настойчиваго. Онъ прожилъ въ Лебединскомъ сорокъ лѣтъ и прихожанами былъ весьма любимъ. На его глазахъ смѣнилось поколѣніе и выросло о другое. Онъ всѣхъ зналъ по именамъ, даже кошекъ и собакъ. Жизнью былъ прпростъ: лѣтомъ на работѣ ходилъ въ лаптяхъ, зимою въ нагольномъ тулупѣ, зазамѣнявшемъ теплую рясу. Самъ молотилъ хлѣбъ цѣпомъ съ усердіемъ настоящаго крестьянина, самъ возилъ изъ лѣсу дрова. Впрочемъ, хозяйство онъ давно уже забросилъ, тотчасъ послѣ смерти попадѣи, о оставилъ только пчельникъ, ибо очень любилъ возиться съ пчелами.

И жилилъ одиноко.

Дѣти а его давно выросли и разбрелись по свѣту, ту, служили по дальнимъ прихо-

дамъ дяконами и священниками. Мирно протекала въ одиночествѣ жизнь о. Андрея. Въ шестьдесятъ лѣтъ онъ былъ еще крѣпкимъ человѣкомъ, хотя и страдалъ отъ полноты, сдѣлавшей его тяжелымъ на подъемъ. Широкая борода его была бѣла какъ снѣгъ и снѣжную лавину напоминала волнистая грива волосъ, мягко спадавшихъ вдоль щекъ на широкия плечи. Онъ еще сохранилъ свой могучій голосъ, въ который старость внесла пріятные и мягкіе оттѣнки. Проходилъ онъ по селу поступью медленную, то и дѣло вѣжливо приподнимая шляпу на поклоны, любилъ пріостановиться и побесѣдовать, зайти въ домъ къ прихожанину и мирно побалакать за чайкомъ. Бесѣды эти, какъ и всѣ интересы, вращались вокругъ жизни глухого лѣсного уголка, никогда не уходили за дремучую грань лѣсовъ. И здѣсь, въ этомъ кругѣ лѣсовъ, было много о чемъ поговорить. Было даже свое знаменитое „дѣло“, уже семь лѣтъ волновавшее приходъ, словно оно случилось вчера,—„дѣло“ о мужикѣ Селиванѣ, сосланномъ въ каторгу за убійство старости: „дѣло“ было темное, путаное, полное противорѣчій, недаромъ батюшка не вѣрилъ въ вину Селивана, а въ лѣсахъ до сихъ поръ спорили объ этомъ дѣлѣ. За гранью же лѣсовъ находился міръ чуждый, подчасъ пугающій. Люди, уходившіе туда, исчезали, пропадали тамъ или возвращались непонятными, странными, съ запасомъ новыхъ, пугающихъ словъ, осуждавшихъ все привычное. Они приносили съ собой, особенно за послѣдніе годы, слухи, зловѣщіе и таинственные, волновавшие и будоражившіе деревню. Пришли солдаты съ японской войны, и деревня наполнилась рассказами о сказочныхъ маленькихъ людяхъ, жившихъ гдѣ-то на краю свѣта, въ странѣ солнца, подъ властью дракона. Потомъ стали приходить рабочіе, годами пропадавшіе на городскихъ заводахъ. Голодные и озлобленные, они рассказывали о разрухѣ, охватившей всю страну, тамъ далеко за гранью лѣсовъ, гдѣ ширились степи, бѣжали шумные поѣзда по

безчисленными дорогамъ и лежали города и столицы. Мало-по-малу, однако, солдаты занялись своимъ крестьянскимъ дѣломъ, рабочіе же снова разошлись по свѣту въ поискахъ работы. Глухимъ спокойствіемъ повѣяло изъ таинственныхъ далей, лежавшихъ за предѣлами лѣсовъ, изсякли всякіе слухи. Но зато тутъ, вблизи, въ лѣсахъ, возникло, появилось что то новое, непривычное, до такой степени загадочное, что слухи о немъ приняли прямо таки сказочный характеръ. Рассказывали о шайкѣ разбойниковъ, поселившейся въ лѣсахъ, о какихъ-то „лѣсныхъ братьяхъ“, отчаянныхъ, но неуловимыхъ, поставившихъ себѣ цѣлью кому-то за что-то мстить, кому-то помогать и кого-то наказывать. Передавали объ ограбленныхъ помѣщикахъ, о сельскихъ купцахъ, возвращавшихся съ ярмарокъ раздѣтыми. Наконецъ, всѣ слухи опредѣленно сосредоточились вокругъ одной фигуры: предводителя шайки, подъ кличкой Воронѣ. Лѣсныя дебри наполнились сказками о похожденияхъ Ворона. Говорили, что онъ, какъ оборотень, мѣняетъ свои лица. То является купцомъ на сельскія ярмарки, то становымъ или исправникомъ скачетъ на тройкахъ по большимъ дорогамъ съ гикомъ и шумомъ, то нищимъ слѣпцомъ проникаетъ въ помѣщичьи усадьбы или въ дома богачей и вывѣдываетъ все, что ему нужно, чтобы потомъ напасть и безопасно ограбить. И уже опредѣленно говорили, что никогда разбойниками не былъ остановленъ и обиженъ ни одинъ бѣднякъ. Напротивъ, сообщалось много случаевъ, когда неизвѣстные люди являлись въ деревни къ наиболѣе обездоленнымъ, оставляли лошадь или корову, и исчезали.

О. Андрей недовѣрчиво относился ко всѣмъ этимъ слухамъ.

— Розсказни!—говорилъ онъ.

И добавлялъ, посмѣиваясь:

— А повидать бы такого молодца!

Желаніе его исполнилось при обстоятельствегахъ самыхъ неожиданныхъ.

...Однажды осенью, когда въ полномъ расцвѣтѣ стояло бабье лѣто, дни были

тихи и теплы, лѣса красовались въ золотомъ уборѣ, а надъ полями носилась въ воздухѣ паутина, владыка такъ стосковался въ городѣ, что рѣшилъ поѣхать къ своему пріятелю. И вотъ неожиданно передъ крыльцомъ батюшкина дома въ Лебединскомъ остановилась темная архіерейская карета, съ помощью келейника изъ нея съ трудомъ высадился владыка. Батюшка въ недоумѣніи выскочилъ на крыльцо въ одной рубахѣ, подпоясанной ремешкомъ.

— Кого Богъ принесъ?

Увидавъ владыку, сконфузился, но потомъ махнулъ рукою и засмѣялся.

— Ужъ прости, преосвященнѣйшій, что по домашнему встрѣчаю... въ лѣсу живемъ!

Владыка улыбался.

— Ничего, Андрюша. Ты мнѣ сейчасъ напоминаешь древнія времена: бурею. Помнишь, какъ мы съ тобой рыбку удить ходили, на Бѣлую?

— Это и сейчасъ можно попробовать.

— Гдѣ ужъ... при моемъ-то санѣ!

— Ну, а рыбкой то накормлю: такою мнѣ сегодня язя принесли... въ полторы сажени!

— Я вѣдь не надолго.

— Погости, преосвященнѣйшій!

Онъ помогалъ владыкѣ взбираться на крыльцо, почтительно и нѣжно его поддерживая, а въ комнатѣ усадилъ его въ большое мягкое кресло, поближе къ окну. Владыка былъ роста не большого, отъ болѣзни изсохшій, какъ листокъ въ гербаріи. Онъ потонулъ, потерялся въ креслѣ, притаившись въ немъ, какъ ребенокъ и все смотрѣлъ, не могъ насмотрѣться, за окно. Тамъ въ сумеркахъ теплаго вечера, дышавшаго нѣжнымъ ароматомъ, раскинулось багряное царство осенняго лѣса, а надъ лѣсомъ сладко дремлющимъ окомъ казались небеса, подернутыя розовыми красками заката. Когда подали самоваръ и о. Андрей, самолично наливъ владыкѣ чаю, поставилъ передъ нимъ стаканъ съ дружеской почтительностью:

— Вкуси-ко, преосвященнѣйшій!

Владыка вышелъ изъ задумчивости и заговорилъ съ грустью и сожалѣніемъ:

— Нее на своемъ я мѣстѣ, Андрюша.

— Какъ такъ, преосвященнѣйшій?

— Если бѣ не ранняя смерть супруги, сидѣлъ бы я въ такомъ же лѣсу, у рѣчки гдѣ-нибудь, простымъ сельскимъ попомъ... мирно бы жилъ среди простыхъ людей, въ простотѣ христовой. Но не такъ судилъ Господь... Онъ воздвигъ меня на подвигъ трудный... трудный...

Владыка тяжело вздохнулъ.

— Онни не понимаютъ меня!—сказалъ онъ.

— Кто, преосвященнѣйшій?

— Протоіереи-то мои.

О. Андрей сочувственно засмѣялся.

— Наа то они и протоіереи!

— Даа, не понимаютъ, что вѣдь я хочу видѣть всѣхъ въ ризахъ свѣтлыхъ...

Владыка взглянулъ въ лицо о. Андрея своими добрыми глазами.

— Тяжело и говорить объ этомъ, бросимъ... Расскажи ка ты мнѣ лучше о своихъ новостяхъ: какой это тутъ въ вашихъ краяхъ Воронь появился?

— Ужъ и ты слыхалъ о немъ, преосвященнѣйшій?

— Веселье городъ говоритъ.

— Думую, что это сказки.

— Что то ты, что ты... какія сказки! Развѣ-жъ не слыхалъ, что у насъ въ городѣ казенную винную лавку разгромили и сидѣлицу тяжело ранили? Одинъ изъ разбойниковъ арестованъ былъ, а Воронь-тото въ формѣ офицера явился къ начальнику тюрьмы, съ предписаніемъ, и освободилъ товарища... хватились, а ихъ и слѣдъ простылъ!

О. Андрей только покрутилъ головой.

— Ка-а-а-кой!

— Да, и, человекъ смѣлый и находчивый... жаль, что божія дарованія употребляетъ для такихъ недостойныхъ цѣлей. Но скоро сему конецъ наступитъ: нынѣ въ городѣ слыхалъ, что о тайномъ мѣстѣ ихъ провѣдано и ужъ готовится я облава. А взгляни,—прервалъ себя владыка,—какой странный мужичекъ по улицѣ идетъ.

Владыка вглядывался въ сумракъ вечера.

— Должно быть, къ тебѣ, Андрюша.

О. Андрей посмотрѣлъ за окно, но ужъ никого не увидалъ: человѣкъ прошелъ къ воротамъ.

— Не къ тебѣ ли?—сказалъ онъ,— вотъ не во время...

А владыка задумчиво повторялъ.

— Ужасно любопытный мужичекъ... самъ маленький, а борода большая!

— Кто бы это такой могъ быть?

Дверь отворилась, вошла работница.

— Тебя, батюшка, зовутъ.

— Кто такой?

— Нездѣшній какой-то.

— Что же онъ сюда не войдетъ?

— Къ крыльцу просить.

— Ладно, выйду сейчасъ.

Батюшка тяжело поднялся, съ видимой неохотою, налилъ владыкѣ еще чаю, и вышелъ въ темныя сѣни къ дворовому крыльцу. Вечеръ уже совсѣмъ сгустился и быстро переходилъ въ ночь. Въ сумракѣ у крыльца темнѣла тщедушная фигура человѣка, совсѣмъ маленькаго, по виду мальчика, но съ большою черною бородой, странно вздувшейся и топырившейся на груди. Совсѣмъ молодые, странно безпкойные глаза смотрѣли на о. Андрея.

— Кто вы такой и что вамъ нужно?—спросилъ о. Андрей.

Посѣтитель таинственно проговорилъ:

— Соберитесь къ тебѣ, батюшка.

— Куда? Откуда вы сами-то?

— Я нездѣшній. Вчера нанялся въ засыпки къ мельнику. А сегодня онъ захворалъ.

— Какъ! Василій Степанычъ захворалъ? Такой здоровякъ-то! Да вѣдь я его сегодня только видѣлъ, совсѣмъ здоровъ былъ!

— А вотъ вечеромъ захворалъ. Ужъ и говорить съ трудомъ. Боится, что и васъ не дождется, коли вы не поторопитесь.

— Ахъ ты, Боже мой... сейчасъ, сейчасъ. Да почему же лошади нѣтъ?

— Какъ на зло мельничиха въ гордъ уѣхала на лошадяхъ то.

— Не пѣшкомъ же идти... полторы версты!

— Ужъ потрудитесь.

Батюшка вернулся въ комнату въ задумчивости: ужасно не хотѣлось идти пѣшкомъ такую даль, и оставлять на долго гостя. Но тутъ онъ увидалъ за окномъ архіерейскую карету и ему пришла блестящая мысль.

— Преосвященнѣйшій, съѣзжу-ка я на твоихъ коняхъ до мельницы!

— Съѣзди, Андрюша.

— И вернусь поскорѣй.

— Торопись, мнѣ вѣдь надо уѣзжать.

— Нѣтъ, нѣтъ, не пущу сегодня... да еще въ ночь!

— Надо мнѣ.

Однако, когда о. Андрей ушелъ и владыка остался одинъ въ тишинѣ дома, онъ полюбовался еще нѣкоторое время красотою ночи за окномъ, а потомъ погрузился незамѣтно въ сладкій сонъ. Архіерейскій кучеръ, дремавшій на козлахъ кареты, вызвался было самъ лихо прокатить батюшку, но чернобородый рѣшительно заявилъ, что кучеру совсѣмъ незачѣмъ беспокоить себя: онъ повезетъ батюшку самъ и поѣдетъ шажкомъ.

— Лошади и безъ того устали.

Батюшка согласился съ нимъ, приказалъ кучеру идти въ кухню закусить, самъ поспѣшно уѣлся въ карету, а чернобородый взгромоздился на козлы. Крупныя, сытыя лошади пошли рысдой, карета прогромыхала по молчаливой, темной улицѣ и мягко выкатилась за околицу на песчаную дорогу. Ужъ въ небѣ горѣли звѣзды, но ихъ мерцательный свѣтъ не разсвѣвалъ тьмы и въ полѣ, когда же вѣхали въ лѣсъ, тьма такъ сгустилась, что деревья слились въ одну сплошную массу. Нужно было только пробѣжать этотъ лѣсъ, а тамъ рѣчка, а на рѣчкѣ мельница. Вотъ кончился лѣсъ, карета остановилась. Батюшка выглянулъ въ окно, ожидая увидѣть знакомыя очертанія мельницы и широкій плесъ пруда. Но къ его удивленію передъ нимъ раскинулася смутная поляна и онъ тотчасъ узналъ ее и догадался, что находится совсѣмъ въ другой сторонѣ отъ мельницы. Онъ подумалъ, что возница, незнакомый съ мѣст-

ностью, ошибся дорогою. Поспѣшно выбравшись изъ кареты, онъ хотѣлъ объяснить чернобородому его ошибку, но, взглянувъ на козлы, поразился: возница исчезъ. Въ тотъ же моментъ вблизи послышался рѣзкій свистъ, заставившій батюшку вздрогнуть отъ неожиданности, и поспѣшно обернуться. Совсѣмъ за спиной у себя онъ увидалъ высокаго чело-вѣка. Человѣкъ молча смотрѣлъ на о. Андрея и о. Андрей сначала не разоб-ралъ лица его. Ужъ онъ хотѣлъ къ нему обратиться съ недоумѣнными во-просами, какъ вдругъ весь всколыхнулся отъ испуга и жуткаго интереса: лицо незнакомца скрывала черная маска. Она стала еще замѣтнѣе, когда незнакомецъ вѣжливо снялъ шапку и, почтительно склонившись передъ батюшкой, сказалъ мягкимъ, но повелительнымъ голосомъ.

— Вы лебединскій священникъ?

— Ну конечно.

— Отецъ Андрей?

— Онъ самый.

И о. Андрей спро-силъ уже насмѣшливо.

— А васъ позволю спросить: что означаетъ сія мистификація и не по вашей ли волѣ очу-тился я здѣсь, а не на мельницѣ? Не забы-вайте, что при мнѣ Святые Дары...

Незнакомецъ отвѣ-тилъ просто.

— Знаю.

— Съ кѣмъ же это я имѣю честь позна-комиться при столь не-обыкновенныхъ обстоя-тельствахъ?

— Я чрезвычайно извиняюсь, — съ тою же почтительною вѣжли-востью заговорилъ не-знакомецъ, что потре-вожилъ вашъ ночной покой. Но изъ всѣхъ священниковъ, ближ-нихъ и дальнихъ, я могъ обратиться только

къ вамъ, и больше ни къ кому. Я васъ знаю по хорошей молвѣ о васъ. И мнѣ пріятно обратиться къ вамъ. Я самъ человѣкъ невѣрующій. Но вѣру другого уважаю. У меня есть товарищъ, нуждаю-щийся въ напутствіи... онъ умираетъ.

— Но кто же вы? — спросилъ батю-шка.

Незнакомецъ просто отвѣтилъ.

— Я Воронь.

Батюшка услыхалъ шумъ отъѣзжав-шей кареты, обернулся и увидѣлъ, что архіерейская карета съѣзжаетъ съ доро-ги въ чашу лѣса, а на дорогѣ тем-нѣетъ тройка лошадей и тарантасъ. Угадывая его мысли, Воронь объяснилъ, что карета будетъ ожидать о. Андрея въ лѣсу, подъ охраной назначеннаго чело-вѣка, отецъ же Андрей поѣдетъ въ тарантасѣ, а пути будетъ не больше какъ часа два.

— Къ зарѣ будете дома.

О. Андрей поморщился, но ничего

... Лицо незнакомца скрывала черная маска...

не сказалъ, покорно подошелъ къ крытому тарантасу и ужъ хотѣлъ сѣсть въ него, какъ Воронъ остановилъ его и попросилъ разрѣшенія завязать ему глаза.

О. Андрей возмущился.

— А если я не поѣду?

— Вы не можете не поѣхать.

— Почему бы это?

— Потому — что, къ сожалѣнію, на нашей сторонѣ сила, — спокойно отвѣтилъ Воронъ, — къ тому же вы, какъ священникъ, и не имѣете права отказываться отъ приглашенія къ присутствію умирающаго.

Батюшка нашель это резоннымъ.

— Но, по крайней мѣрѣ, не завязывайте глазъ!

— И это невозможно.

— Почему же?

— Мѣсто наше тайное.

— Но если я дамъ слово...

— Слово?

— Да, слово іерея сохранить тайну?

Воронъ нѣкоторое время молча смотрѣлъ въ лицо священника.

— Если бы дѣло касалось только меня одного, — отвѣтилъ онъ, — я бы довѣрилъ вамъ... не какъ іерею, но какъ человѣку: вижу, что вы честны! Но я не имѣю права дѣлать этого ради товарищей.

Батюшка подчинился.

Онъ молчаливо позволилъ завязать себѣ глаза, но передъ этимъ жадно оглядѣлся. Однако, онъ увидѣлъ только трехъ безмолвныхъ человѣкъ, въ маскахъ, подчинявшихся движенію руки своего атамана. И еще увидѣлъ онъ верховую лошадь наготовѣ, подъ сѣдломъ, и подумалъ, что это для Ворона. Но, къ его удивленію, Воронъ сѣлъ съ нимъ рядомъ въ тарантасъ.

Лошади вихремъ взяли съ мѣста.

Это была бѣшеная скачка, тарантасъ кидало и взбрасывало, лошади хрипѣли отъ натуги, а ямщикъ только посвистывалъ на нихъ. Батюшка вначалѣ хватался руками за что попало, чтобы удержаться, потому что его метало въ тарантасѣ, бросало изъ стороны въ сторону, но потомъ онъ почувствовалъ, какъ рука его спутника осторожно про-

никла подъ его руку, слегка сжала, и толчки прекратились. Была въ этой рукѣ какая-то успокоительная сила.

Батюшка потихоньку спросилъ.

— Какъ ваше имя?

— Воронъ.

— Но это только кличка...

Воронъ какъ-то глухо отвѣтилъ.

— Я съ ней умру.

— Вы, — сказалъ батюшка, — повидимому человѣкъ интеллигентный?

— Можетъ быть, — хмуро отвѣтилъ Воронъ.

— Что же васъ привело на этотъ путь?

Отвѣта не было, и батюшка не спрашивалъ.

Кони мчали съ быстротою вѣтра, бурей дышалъ въ лицо батюшки ночной холодный воздухъ, когда они проносились полянами, въ лѣсу же нѣжно и грустно дышалъ изъ чащи запахъ увядающей листвы. Внезапно Воронъ заговорилъ рѣзко и страстно.

— Возмущались ли вы когда несправедливостью? Возмущались ли ею такъ, что вамъ казалось, что вы сходите съ ума отъ ея гнуснаго вида? Теряли ли вы когда вѣру въ человѣка, видя въ жизни всюду одну только его подлость? Хотѣлось ли вамъ когда выбѣжать изъ подъ кровли спокойнаго дома вашего, чтобы кричать гнѣвные, бѣшеные слова, кричать ихъ съ полнымъ сознаніемъ, что они безплодны... безплодны!! Ибо и самыя святыя слова, какія только были сказаны съ сотворенія міра, безплодны! Безплодны!! Міръ все такъ же дикъ и люди все такъ же подлы! И даже святыя слова для лучшихъ изъ нихъ, казалось бы...

Онъ прокричалъ съ глухимъ гнѣвомъ.

— Маски! Маски!

И какъ бы задохнулся отъ волненія.

— Всѣ разбойники въ душѣ! Предатели! Я никому не вѣрю... даже товарищамъ! Желая вѣрить... и не могу. Всѣ передо мной на изнанку, всѣхъ вижу насквозь и страдаю отъ этого. И уже не хочу вѣрить... умру съ невѣріемъ. И, умирая, въ небо взгляну и крикну ему: лжешь!

Кони бѣшено мчали.

О. Андрей съ жаднымъ интересомъ прислушивался къ словамъ своего спутника, чувствовалъ, какъ рука того странно вздрагиваетъ... и ему было жаль этого сильнаго человѣка, такъ внезапно вскрывшаго передъ нимъ свою мрачную душу, — онъ почувствовалъ къ нему невольную симпатію. И когда онъ замолчалъ, о. Андрей сказалъ потихоньку.

— Вы очень несчастны... какъ можно жить съ такимъ невѣріемъ въ душѣ?

Тотъ промолчалъ.

— Вѣдь невѣріе, — сказалъ о. Андрей ужъ какимъ-то отеческимъ тономъ, — и есть источникъ всѣхъ заблужденій, ибо въ немъ отсутствіе Бога.

Воронъ рѣзко отвѣтилъ.

— Я не вѣрю въ Бога!

— Развѣ вы не христіанинъ?

— Давно ужъ нѣтъ!

— Но почему же? Развѣ образъ Христа не самый привлекательный изъ всѣхъ образовъ земныхъ и небесныхъ? Ему ли не вѣрить?

Воронъ проговорилъ съ той же рѣзкостью.

— Укажите мнѣ въ жизни на землѣ хоть одну свѣтлую ризу христову... и я повѣрю!

Онъ замолчалъ.

О. Андрея странно ударило въ сердце отъ сочетанія словъ, уже знакомыхъ.

Онъ тихо сказалъ,

— Какъ вы близоруки!

Но голосъ его прозвучалъ неувѣренно.

— А вашъ товарищъ? — спросилъ онъ погоду.

— Какой?

— Къ которому везете меня... тоже невѣрующій.

— Не знаю. Но онъ просилъ меня. Мой долгъ исполнить его просьбу. Остальное — дѣло его убѣжденій.

Онъ добавилъ глуше.

— Къ тому же я самъ виноватъ въ его болѣзни и, быть можетъ, смерти...

— Какъ?

Воронъ отвѣтилъ холодно и рѣзко.

— Я подстрѣлилъ его!

Батюшка съ ужасомъ вскричалъ.

— За что?!

Но Вооронъ не отвѣтилъ.

Онъ ррѣзко свиснулъ и высвободилъ руку изъ подъ руки батюшки. Кони остановились. Воронъ выпрыгнулъ изъ тарантаса и батюшка слышалъ, какъ онъ сѣлъ на лошадь и ускакалъ впередъ. Кони снова вихремъ помчались. Но ужъ бѣшеная скачка продолжалась недолго. Батюшка, тяжело и смутно задумавшись о странномъ приключеніи своемъ, вдругъ почувствовалъ, что ѣдутъ не по дорогѣ. Кони шли шагомъ. Тарантасъ сильно кренился и колыхался, какъ на морскихъ волнахъ, подъ колесами трещалъ валежникъ.

Остановились.

Кто-то молча взялъ батюшку за руку и помогъ выльзти изъ тарантаса. Но повязки не сняли. Взяли подъ руки и потихоньку повели. Онъ чувствовалъ, что ведутъ его черезъ густой кустарникъ и отъ лица отводятъ вѣтки. Послышался глухой шумъ и скрипъ, словно звякнула цѣпь. Стали сходить куда-то внизъ по ступенькамъ. Батюшка насчиталъ ихъ сорокъ. Пахло затхлостью подземелья и душнымъ тепломъ.

Остановились и сняли повязку.

Батюшка оглядѣлся съ жадной поспѣшностью. Онъ увидѣлъ низкое, обширное подземелье, съ досчатымъ потолкомъ, съ котораго свѣшивались большія, но тусклыя лампы. Мѣстами, какъ кривыя колонны, потолокъ поддерживали древесныя стволы. На стволахъ и на досчатыхъ грязныхъ стѣнахъ висѣла масса оружія, — кинжалы, берданки, револьверы, — и всевозможная одежда, дѣлавшая подземелье похожимъ на уборную циркаа. Нѣсколько большихъ столовъ, съ самоварами и грудами закусокъ на нихъ, скамьи и стулья, да нары вдоль стѣнъ, дополняли убранство этого страннаго жилища. Человѣкъ двадцать, съ масками на лицахъ, молчаливо стояли вдаль. Сѣмь ихъ одеждъ поразила батюшку. Казалось, тутъ въ одной толпѣ были и крестьяне, и чиновники, купцы въ поддевкахъ, толстый, важный становой и молодой офицерикъ.

— Вототъ такъ маскарадъ! — подумалъ батюшка. а.

И громко спросилъ.

— Гдѣ же болящій?

Толпа замаскированныхъ людей переглянулась, колыхнулась и раздвинулась, за нею на нарахъ батюшка увидалъ лежащаго человѣка подъ грудой одежды. Онъ направился къ лежащему, а важный становой бросился расчищать дорогу.

— Пожалуйте, батюшка,—говорилъ онъ.

И шель впереди, какъ церковный староста.

Батюшка нагнулся, взглянулъ при тускломъ свѣтѣ лампъ въ лицо лежащаго передъ нимъ человѣка и вдругъ вскричалъ въ глубокомъ удивленіи.

— Селиванъ... неужели ты?!

Блѣдное, восковое лицо дрогнуло, вѣки съ трудомъ поднялись и мутные, умирающіе глаза взглянули въ лицо батюшки.

— Отецъ Андрей!—прошепталъ онъ.

— Да какъ же ты сюда попалъ? Вѣдь ты...

— Сбѣжалъ!

Онъ сдѣлалъ попытку приподняться, но тутъ же со стономъ откинулся.

— Я зналъ,—заговорилъ онъ съ натугою,—что за тобой поѣхали. И хотѣлъ тебя! Хотѣлъ тебѣ передъ смертью

всю правду сказать: не виновать я въ томъ дѣлѣ, напрасно меня сослали.

— Бѣдный ты мой!—вскричалъ горестно батюшка,—то-то мнѣ все не вѣрилось!

— Да, не виновать... плохо меня судили, несправедливо... не я Марьюшку убилъ! Такъ, попутное дѣло вышло, зашелъ... И знаю, кто убилъ-то!

— Кто?—вскричалъ батюшка.

И нагнулся.

Но умирающій медленно покачалъ головою.

— Богъ съ нимъ... не скажу! А ты напутствуй меня скорѣе... умираю!

Батюшка обернулся къ толпѣ.

— Удалитесь всѣ, буду исповѣдывать.

И, оставшись вдвоемъ съ больнымъ, быстро прочиталъ положенныя молитвы, исповѣдывалъ его и причастилъ. Онъ видѣлъ, что силы быстро оставляютъ больного. Но ему все-таки что-то еще хотѣлось узнать и онъ спрашивалъ.

— Скажешь, кто убилъ то?

— Нѣтъ,—снова покачалъ головою умирающій,—говорю: Богъ съ нимъ. А ты скажи тамъ нашимъ, въ проповѣди скажи: не виновать Селиванъ! А ужъ кого надо, совѣтъ зазреть. Вѣдь семь лѣтъ я каторгу терпѣлъ... за что?! И

*Вотъ такъ маскарадъ, —
подумалъ батюшка*

еще бы пять лѣтъ, да товарищи бѣжать помогли. Пришелъ тайкомъ на родину, куды больше дѣваться? А ужъ тутъ и женѣ давно разводъ дали... и дѣти...

Онъ хрипло вздохнулъ и потянулся.

Батюшка низко нагнулся къ нему.

— А кто такой Воронъ?

Глаза умирающаго странно вспыхнули.

— Воронъ?

Восторженная усмѣшка прошла по лицу его.

— Я никогда не встрѣчалъ такихъ людей, и не видалъ... вотъ оно кто, вотъ онъ какой! И ежели есть на свѣтѣ люди... справедливые... это онъ!

— Но вѣдь онъ, — съ недоумѣніемъ сказалъ батюшка, — вѣдь онъ, кажется...

— Подстрѣлили меня?

— Да. Онъ мнѣ это самъ сказалъ.

— Отъ его пули умираю... вѣрно! И по дѣломъ! Онъ съ насъ клятву взялъ: ни единой капли крови не проливать. А я... когда въ городѣ, въ казенкѣ, деньги отбирали... и сидѣлица вырвалась отъ меня и кричать принялась... не стерпѣлъ, разъярился, ножомъ ее пырнулъ! Вѣдь я... каторжный... порченый! Да оглянулся на атамана... и

никогда лицаца его не забуду! Тутъ онъ и и выпалилъ въ меня...

Онъ вдругутъ радостно разсмѣялся.

— И что жъ ты думаешь? Не успѣли меня захватить, захватить-то съ собой... забрала меня полиція. А онъ... онъ офицеромъ вѣвъ тюрьму явился... и выручилъ меня! я! Вотъ... вотъ...

Селиванъ с смолкъ.

Батюшка я нагнулся къ нему и еще что-то хотѣлъ спросить, но увидѣлъ, что онъ въ безпамятствѣ. Онъ еще долго стоялъ надъ нимъ въ раздумьи, пока комната а мало по малу не напол-

нилась людьми. Батюшка вздохнулъ, перекрестилъ умирающаго и повернулся къ толпѣ.

— Я бы хотѣлъ видѣть атамана,— сказалъ онъ.

Ему не отвѣтили.

Но по движенію толпы онъ видѣлъ, что пошли за атаманомъ, и терпѣливо ждалъ. Толпа раздвинулась и высокій челоѣкъ всталъ передъ батюшкой. Внимательно смотрѣлъ въ лицо ему сквозь отверстія маски и ждалъ, что онъ скажетъ.

— Я хотѣлъ сообщить вамъ что сегодня случайно узналъ,— тихо сказалъ батюшка,— ваше тайное мѣсто открыто и на васъ идетъ облава.

Воронъ вскинулъ голову.

Глаза его вспыхнули удивленіемъ.

Внезапно онъ протянулъ обѣ руки и, схвативъ батюшкину руку, крѣпко сжалъ ее.

— Я могу повѣрить въ челоѣка!— страстно прошепталъ онъ,— я этого не ждалъ!

— Вѣрьте, вѣрьте, — съ порывомъ вскричалъ батюшка, — и да поможетъ Господь вамъ, и вашимъ товарищамъ, найти правильные пути...

Но Воронъ рѣзко прервалъ его.

— Нашъ путь одинъ... месть!!

Передъ огненно-вспыхнувшимъ взглядомъ его, батюшка почему-то смущенно опустилъ глаза, а когда поднялъ ихъ, ужъ не увидалъ его передъ собой. Снова прошелъ онъ сквозь угрюмую толпу молчаливо разступившихся людей. Снова завязали ему глаза, и ужъ онъ безпрекословно подчинился. Снова провели по крутымъ ступенямъ, и черезъ лѣсную чащу, усадили въ тарантасъ.

Снова началась бѣшеная скачка.

...Когда ему развязали глаза, онъ увидѣлъ блѣдный разсвѣтъ. На дорогѣ стояла архіерейская карета, на козлахъ сидѣлъ чернобородый. Карета докатилась до сельской улицы. Тутъ чернобородый слѣзъ, открылъ дверцу кареты и сказалъ, протягивая пакетъ.

— Дальше ужъ сами доѣдете. А это вамъ отъ атамана.

Тутъ батюшка явственно рассмотрѣлъ,

что борода у его возницы поддѣльная, а самъ онъ настоящій мальчикъ. Онъ хотѣлъ было вернуть пакетъ, возмущившись этимъ даромъ отъ разбойниковъ, но увидѣлъ на немъ надпись „для бѣдныхъ“. Внутри онъ нашелъ пять сотенныхъ бумажекъ и долго удивленно качалъ головой.

Опомнися, взглянулъ: вокругъ пустынно.

Возница исчезъ.

Тогда онъ взобрался на козлы и медленно потѣхалъ къ дому, предаваясь размысленіямъ о путяхъ жизни челоѣческой...

...Въ залѣ владыка безмятежно почи-валъ въ креслѣ. Чья-то заботливая рука закутала его теплымъ платкомъ и прикрыла оконный ставень. Онъ проснулся только утромъ, отъ луча солнца, ворвавшагося сквозь распахнутое окно, увидѣлъ кипящій самоваръ, о. Андрея, распивавшаго чай, и улыбнулся счастливой улыбкой.

— Давно такъ сладко не спалъ!

На что о. Андрей задумчиво отозвался.

— А я никогда въ жизни не совершалъ такой интересной требы, какъ въ эту ночь.

Однако, на вопросы владыки онъ не отвѣтилъ ничего опредѣленнаго и перевелъ разговоръ на другіе предметы. Мало по малу онъ развеселился, шутилъ и смѣялся, развлекалъ владыку. Потомъ самолично стряпалъ уху изъ язя, — „по рецепту покойницы-матушки“, — говорилъ онъ. И владыка напелъ уху „безподобно-вкусной“. Только вечеромъ собрался владыка уѣзжать, но никакъ не могъ разстаться съ о. Андреемъ и уговорилъ его ѣхать съ собой.

Выѣхали по зарѣ.

Ужъ проѣхали полдороги и, любуясь на звѣзды, тихо и мирно разговаривали, какъ вдругъ карета остановилась, дверца отпахнулась. Передъ ними стоялъ высокій челоѣкъ съ блѣднымъ лицомъ, энергичнымъ и властнымъ.

— Отецъ Андрей?— сказалъ онъ.

— Я!— отвѣтилъ о. Андрей съ недоумѣніемъ.

Внутри онъ нашелъ пять соенныхъ бумажекъ.

И вдругъ узналъ его по голосу.

— Это вы?!—вскричалъ онъ.

— Да. Я васъ поджидалъ. Тамъ,— онъ указалъ куда-то на чащу лѣса,— все кончено... я одинъ остался. Скоро у васъ будетъ встрѣча, о которой вы говорили. Здѣсь... всюду.

Онъ смотрѣлъ пытливо.

— Можно мнѣ къ вамъ сѣсть?

О. Андрей торопливо подвинулся, освободивъ темный уголокъ кареты.

— Садитесь... скорѣй!

И карета двинулась.

Ѣхали молча.

Епископъ молча смотрѣлъ на неожиданнаго спутника, но ничего не спрашивалъ. В Внезапно раздался топотъ, десятка два всадниковъ остановили карету окруживъ ее кольцомъ. Человѣкъ въ военномъ мундирѣ подошелъ къ каретѣ.

— Кто о ѣдетъ?—спросилъ онъ.

О. Андррей выглянуть въ окно.

— Епископъ Макарій,—отвѣчалъ онъ.

Военный приложилъ руку къ козырьку и отошелъ. Всадники умчались. Карета двинулась дальше. Снова ѣхали въ молчаніи. Внезапно человекъ всталъ, отпахнулъ дверцу.

— Спасибо!—тихо сказалъ онъ.

И съ подножки еще обернулся.

— Прощайте!

Блѣдная, скорбная улыбка прошла по лицу его.

— Вспомните... когда...

Не договорилъ.

На ходу прыгнулъ съ подножки и исчезъ во мракѣ ночи.

Только тогда владыка прервалъ молчанье.

— Это кто?—тихо спросилъ онъ.

О. Андрей молча и долго посмотрѣлъ ему въ глаза.

— Не знаю!—отвѣтилъ онъ.

Владыка приподнялъ брови.

Какъ-то странно усмѣхнулся.

— Ну, и мнѣ не нужно знать,—тихо проговорилъ онъ,—и мнѣ не нужно...

И, все съ тою же усмѣшкой, опустилъ голову и задумался...

С. Гусевъ-Оренбургскій.

*Владыко почивалъ
въ креслѣ...*

ПЛѢННИКЪ.

Историческій очеркъ А. А. ДУНИНА, иллюстраціи П. Бучкина.

I.

Случилось это въ 1789 году, въ царствованіе Екатерины II.

Въ Вологодской губерніи, въ своей вотчинѣ, жилъ помѣщикъ Мѣрковъ, Иванъ Павловичъ, дослужившійся до чина бригадира и вышедшій въ отставку. Рода онъ былъ не древняго и не знатнаго. Предки его служили при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Одинъ изъ нихъ былъ дьякомъ, побывалъ съ посломъ за границей и выучился межевому дѣлу; по возвращеніи въ Москву дьякъ превратился въ боярина и былъ приставленъ царемъ къ приказу о размежеваніи спорныхъ земель. По-тогдашнему, этого боярина, какъ должностное лицо, и при дворѣ, и въ просторѣчьи именовали „мѣрщикомъ“, а затѣмъ именованіе это, какъ фамиліальное прозвище, было пожаловано ему царемъ, и съ тѣхъ поръ и самъ онъ, и все его потомство стали именоваться Мѣрковыми.

Мѣрковъ былъ человекъ суроваго нрава и мрачнаго характера. Какъ помѣщикъ, да еще бывшій въ военной

службѣ, онъ не признавалъ надъ крѣпостными и дворовыми людьми никакой другой власти, кромѣ своей, помѣщицкой, и систематически нарушалъ законы, регулировавшіе отношенія помѣщика къ своимъ и крѣпостнымъ людямъ; высокомерно и издѣвался и даже колотилъ мелкихъ и приказныхъ, наѣзжавшихъ въ его вотчину по дѣламъ службы, а съ крупными изъ нихъ, благодаря всемогущей взяткѣ, умѣлъ улаживать всякія дѣла, даже и такія, которыя могли бы привести и его въ Сибирь.

Такой ѣ же мрачной, какъ и самъ Мѣрковъ, ѣ, была и его усадьба, напминавшаяся укрѣпленный средневѣковой замокъ и нѣмецкаго барона. Особенно жуткимъ ѣ казался огромный каменный домъ, съ ѣ десяткомъ оконъ съ частыми переплетатами, похожихъ на тюремныя или крѣпостныя окна. Домъ стоялъ особнякомъ, ѣ на главномъ господскомъ дворѣ, отдѣленный отъ людскаго двора глубокимъ, наположеннымъ водою ровомъ, съ подъемнымъ мостомъ, а также шедшей по рову, кѣ кругомъ усадьбы, высокой же-

лѣзной рѣшеткою съ массивными дубовыми воротами на каменных столбахъ, увѣнчанныхъ мѣдными орлами. На всѣхъ углахъ дома были зубчатые круглыя башни съ бойницами.

Въ одной изъ башенъ, называвшейся „Медвѣжьей“, сидѣлъ на цѣпи свирѣпый медвѣдь. Цѣпь звѣря, яростно ревавшаго въ постоянныхъ сумеркахъ своей тюрьмы, была проведена наружу, и ее всегда можно было—не входя въ башню—укоротить или удлинить, когда требовалось обуздать звѣря или предоставить ему больше свободы въ движеніяхъ. Въ „Медвѣжью“ башню помѣщикъ сажалъ только такихъ провинившихся передъ нимъ людей, которыхъ хотѣлъ наказать самымъ жестокимъ образомъ. Въ такихъ случаяхъ цѣпь удлинялась: звѣрь шелъ на плѣнника, стараясь схватить его, и уже отъ проворства послѣдняго зависѣло найти себѣ въ башнѣ такое мѣсто, гдѣ бы медвѣдь не могъ достать и загрызть его.

Однако, судя по записямъ церковной лѣтописи, въ которую мѣстный Несторъ, священникъ сельской церкви, занесъ нѣкоторыя дѣянія Мѣркова, изъ страшной башни не всѣ выходили живыми или, по крайней мѣрѣ, не ободранными. Такъ, однажды, по приказанію господина, посадивъ въ башню ключника, егеря, присматривавшій за медвѣдемъ, по оплошности или съ умысломъ спустилъ цѣпь больше, чѣмъ было нужно для того, чтобы „нагнать на ключника холоду“, и несчастный попалъ въ лапы звѣря. Изъ башни вылетѣлъ ужасный, душу раздирающій вопль... Но никто не рѣшился войти туда, и звѣрь, которого всегда держали впроголодь, такъ и съѣлъ ключника, оставивъ отъ него, въ назиданіе другимъ, лишь однѣ кости... Когда Мѣркову доложили, что медвѣдь загрызъ ключника, то онъ съ усмѣшкой замѣтилъ: „Ну, что же дѣлать, ежели загрызъ? Зато будетъ еще лютѣ“.

Другое, не менѣе мрачное, мѣсто на главномъ господскомъ дворѣ представляла такъ называемая „расправа“, одно имя которой заставляло трепетать самыя мужественныя сердца.

Посреди двора, вымощеннаго камнемъ, подъ рѣзнымъ деревяннымъ балдахиномъ, стояло рѣзное же кресло. Возсѣдая на немъ, помѣщикъ—и въ лѣтнюю и зимнюю пору—чинилъ судъ и расправу надъ крѣпостными, отчего мѣсто это и получило въ народѣ названіе „расправы“. Здѣсь, по приговору помѣщика, виновныхъ наказывали розгами, иногда — заставляли на-смерть; дѣвушкамъ отрѣзывали косы, а потомъ ссылали въ другія, дальнія вотчины помѣщика, гдѣ ихъ ставили на скотный или птичій дворъ, или выдавали замужъ за дряхлыхъ стариковъ, идіотовъ, физическихъ уродовъ, а если дѣвушка была красива—отводили прямо въ спальню господина.

Помимо всего этого, Мѣрковъ широко пользовался „правомъ первой ночи“, и новобрачная, если она оказывалась нецѣломудренной, подвергалась не только циническимъ оскорбленіямъ, но и жестокому наказанію.

Таковъ былъ Мѣрковъ, помѣщикъ екатерининской эпохи, владѣвшій тысячами крѣпостныхъ душъ.

II.

Въ описываемое время Мѣркову было лѣтъ подъ 40.

Въ старинной семейной галлерей, сохранившейся до нашего времени въ одномъ изъ частныхъ музеевъ, имѣются два его портрета. На одномъ изъ нихъ Иванъ Павловичъ изображенъ полнымъ блондиномъ, съ пышно напудренными бровями и тупеей въ косичкѣ, въ бригадирскомъ мундирѣ; у него—крупныя черты лица, немного одутловатаго отъ неумѣреннаго употребленія вина (онъ пилъ запоемъ); на другомъ—онъ нарисованъ въ охотничьемъ костюмѣ, съ заткнутымъ за поясъ длиннымъ охотничьимъ ножомъ, съ украшенной драгоценными камнями рукояткою; въ правой рукѣ—арапникъ, въ лѣвой—серебряная цѣпь, на которой прыгаетъ борзая.

Нужно замѣтить,—у Мѣркова была страсть къ охотѣ на крупнаго звѣря—

...Кровь по следу... Капли крупные алаяя... (Стр. 22).

лося, оленя, кабана, медвѣдя; какъ онъ пилъ, такъ и охотился запоемъ: по мѣсяцу и больше. Отчасти эта страсть и привела его, какъ натуру необузданную и жестокую, къ той бѣдѣ, о которой передаетъ народное преданіе.

III.

Осенью, за недѣлю до Кузьмова дня, морозъ покрылъ лѣсныя рѣчки и озера тонкимъ свѣтлымъ ледкомъ и чуть-чуть припушилъ сухимъ снѣжкомъ; замерзшіе камыши, качаемые вѣтромъ, зашептались, зашуршали стеблями, а сороки, перелетая съ дерева на дерево, тревожно застрекотали... Какъ разъ наступила долгожданная пора увлекательной охоты по первой порошѣ.

Выжлятникъ Никешка, ѣздившій въ лѣсъ за смолемъ, доложилъ Мѣркову, что замѣтилъ оленинъ слѣды.

— Оленя прошло большое стадо, господинъ,—разсказывалъ Никешка,—головъ сотни двѣ будетъ... И то стадо волки гнали съ полуночи.

— Какъ же ты о томъ дозналъ, что волки гнали?

— А кровь по слѣду... капли крупныя, алыя...

Иванъ Павловичъ тутъ же приказалъ главному ловчему Кирилкѣ устроить облаву—запереть оленямъ выходъ на границѣ его лѣсовъ и гнать ихъ обратно.

Никешка былъ противъ этого плана.

— Тады, господинъ, волки совсѣмъ оленей перерѣжутъ,—пояснилъ онъ.—Теперь они отъ волка уходятъ, а тады насустрѣчу ему побѣгутъ.

— А какъ же сдѣлать?

— А надо оленя отдѣльно заоблавить, а волковъ то жъ отдѣльно. А когда волковъ заоблавимъ,—надо прогнать ихъ подаль, откуда прибѣгли. Тады олень цѣль будетъ.

Мѣркову понравился совѣтъ Никешки.

Онъ приказалъ немедленно отправить гонцовъ—однихъ по вотчинѣ „сбивать“ и „гнать“ народъ на облаву, а другихъ—по сосѣдямъ съ приглашеніемъ „раздѣлить поле“.

Изъ сосѣдей приглашались трое: Петръ Аникитѣвичъ Худокормовъ, маіоръ въ отставкѣ, Иванъ Леонтьевичъ Лисицынъ, неслужилый дворянинъ, и Егоръ Семеновичъ Брянчаниновъ, отставной сержантъ.

За исключеніемъ Худокормова, имѣвшаго свыше пятисотъ душъ, остальные двое были захудалые мелкомѣстные дворяне, а Брянчаниновъ, кромѣ того, считался еще и калѣкою, безрукимъ челоуѣкомъ (лѣвую руку онъ потерялъ на войнѣ съ турками). Всѣ трое жили просто, одѣвались въ домотканное бѣлье и платье, вѣровали, думали и говорили по-мужицки, съ вѣншней стороны очень мало отличааясь отъ своихъ крѣпостныхъ, и всегда приглашались къ Ивану Павловичу для потѣхи.

Четвертый сосѣдъ, Петръ Дмитріевичъ Воропановъ, отставной полковникъ, силачъ и красавецъ, а по величинѣ своей вотчины и первый богачъ въ округѣ, не получилъ приглашенія.

Воропановъ и Мѣрковъ считались заклятыми врагами. Вражда между этими людьми, жившими ранѣе въ тѣсныхъ добрососѣдскихъ отношеніяхъ, загорѣлась изъ-за пустяковъ—изъ-за карабина, который Воропановъ, какъ охотникъ, облюбовалъ и попросилъ Мѣркова уступить ему; Мѣрковъ же, будучи въ запойномъ состояніи, заупрямился и, задѣтый заживое какимъ то замѣчаніемъ сосѣда, сказалъ, что „весь родъ Воропановыхъ не стоитъ этого карабина“. Воропановъ вспыхнулъ, какъ порохъ.—Весь мой родъ не стоитъ твоего карабина, сударь?!—произнесъ онъ дрожащими губами.—Ну, такъ знай же, что родъ Мѣрковыхъ не стоитъ... не стоитъ хвоста моей водовозной клячи!—Это было неслыханное оскорбленіе. Подумайте: карабинъ, прекрасный англійскій карабинъ и—хвостъ какой-то несчастной клячи! Съ этой минуты между бывшими пріятелями установилась самая жгучая ненависть, требовавшая, по тогдашнимъ дикимъ нравамъ, немедленнаго отомщенія. И, кажется, не было на свѣтѣ такой подлости, на какую они не отразились бы, чтобы донечь другъ

друга. Такъ, съ мѣрковской стороны мужики подстрѣлили воропановскаго жеребца, самаго лучшаго изъ всего табуна, а воропановцы спалили на усадьбѣ Мѣркова два овина съ хлѣбомъ. И каждый изъ нихъ, какъ тать, неусыпно подстерегалъ другого...

IV.

Поздно вечеромъ возвратившіеся гонцы подсакали къ воротамъ господскаго двора, слѣзли съ покрытыхъ пѣною коней, сняли шапки и, ведя коней въ поводахъ, въ смущеніи остановились у главнаго крыльца, ожидая выхода господина.

Почти слѣдомъ за ними ввалились на дворъ, одна за другой, толпы облавщиковъ съ дубемъ, трещетками и свистками. Мужики галдѣли, оживленно жестикулировали, но, по мѣрѣ того, какъ приближались къ крыльцу, замолкали, снимая шапки. Видъ у нихъ былъ возбужденный, даже нѣсколько озлобленный; чувствовалось, что то произошло необычайное... У нѣкоторыхъ лица были окровавлены или покрыты багровыми кровоподтеками, а головы завязаны тряпками, сквозь которыя просачивались красныя пятна крови.

Дверь распахнулась, и на крыльцо вышелъ Мѣрковъ, сопровождаемый дворецкимъ и главнымъ ловчимъ.

И гонцы, и облавщики,—все, какъ одинъ человекъ, рабѣлоно пали на землю.

— Встать!—прогремѣлъ повелительный голосъ помѣщика.

Мужики поднялись. Гонцы, въ рядахъ которыхъ стояли и знакомый намъ Никешка, выступили впередъ.

— Повѣстилъ ли ты Петра Аникитевича?—спросилъ его Иванъ Павловичъ.

— Нѣтъ, — отвѣтилъ, потупившись, Никешка.—Они, господинъ, у Воропановыхъ...

— А ты?—обратился Мѣрковъ къ другому гонцу, молодому парню,—передалъ ли ты наше приглашеніе Егору Семенычу?

Парень усмѣхнулся.

— Идѣтъ-жъ ево, господинъ, передать, када онши на облавѣ у Варапановыхъ...

Мѣрковъ весь какъ то съезжился, позеленѣлъ и уже не спрашивая о Лисицынѣ,—замолчалъ. Тѣ, кого онъ приглашалъ раздѣлить съ нимъ поле,—въ гостяхъ у его злѣйшаго врага!

— А почему люди не на облавѣ?—грозно спросилъ онъ.—Палокъ захо-тѣли! А??

— Господинъ, не погуби!—взмолился Никешка, падая въ ноги.—Опознался я ненарокомъ... то не волки гнали оленя, а воропановская облава...

— Каакъ?—бѣшено рванулся къ нему Мѣрковъ.—На моей землѣ?!

— Наа твоей, господинъ,—горестно отвѣтилъ Никешка, продолжая стоять на колѣняхъ.—А облавщиковъ твоихъ, господинъ, когда они шли лѣсомъ, воропановскіе холопы побили... Вонъ, смотри,—указалъ онъ на избитыхъ мужиковъ.—А двоихъ забили на-смерть...

Мѣрковъ, не сказавъ ни слова, круто повернулся и скрылся въ покояхъ.

Черезъ нѣсколько минутъ онъ вышелъ, вооруженный съ ногъ до головы.

— Изготовить коней!—громко приказалъ онъ.—Людямъ вооружиться дубинами, ккосами, топорами, а тѣхъ, для кого найдутся лишніе карабины, вооружить и карабинами. Захватить веревковъ, да побольше. Взять кремни, огнива и трурутъ. Мы-таки погрѣемъ ихъ!—злорадно о разсѣлся онъ, потирая руки.—Да чтобы у меня все было готово въ одинъ духъ!

Господскій дворъ вмгъ превратился въ военный лагерь. Около двухсотъ мужиковъ и дворни, при свѣтѣ смоляныхъ факеловъ, лихорадочно вооружались, сѣдали и коней, суетились, кричали...

Иванъ Павловичъ поднялся на площадку „Медвѣжей“ башни.

— Расстрави его, да посылите... приказалъ онъ егерю:—да жрать не давай,—понялъ?

— Слушаю, господинъ!

— А пѣць укороти на половину!

— Слушаю, господинъ!

Спустившись на дворъ, гдѣ ловчіе и егеря уже построили въ ряды толпу

...На шею ему накинута веревочная петля...

Онъ повалился и захрапѣлъ... (Стр. 25).

пѣшихъ и вершныхъ облавщиковъ, онъ спросилъ старшаго ловчаго:

— Все ли готово?

— Все, господинъ.

— Коня!

Ему подвели, едва сдерживая, горячаго вороного жеребца. Онъ вскочилъ въ сѣдло и крикнулъ:

— На Воропаново! Съ Богомъ!

V.

Въ глухую полночь Мѣрковъ окружилъ воропановскую усадьбу, сломалъ ограждавшій ее частоколь съ желѣзными зубьями и ворвался въ главный господскій дворъ. Мужики пришибли цѣпныхъ псовъ, захватили людскія избы, перевязали дворню и запалили на гумнахъ хлѣбныя скирды и стоги сѣна.

Воропановъ, разбуженный шумомъ и зловѣщимъ заревомъ пожара, въ одномъ бѣльѣ выскочилъ на дворъ.

— Эй! Кто тамъ? — позвалъ онъ. — Разбой! Пожаръ!

Но едва онъ ступилъ нѣсколько шаговъ, какъ на него обрушился и всей своей тяжестью навалился клубокъ горячихъ человѣческихъ тѣлъ, хватавшихъ его за руки и за ноги. Воропановъ попробовалъ отбиться и, отступая къ дому, въ лоскъ положилъ четырехъ мужиковъ; но ему накиннули на шею веревочную петлю, — онъ повалился и захрапѣлъ.

— Связать! — приказалъ Мѣрковъ. — И прикрутить въ торока!

На крыльцо выбѣжала жена Воропанова, Катерина Платоновна.

Онъ плотно прижался къ стѣнѣ, чтобы звать достать не могъ... (Стр. 26).

— Батюшка! — съ воплемъ повалилась она въ ноги Мѣркову. — Иванъ Павловичъ! Да что жъ ты, родной, дѣлаешь?!

Но мужики толкнули ее въ сѣни.

— Иди, боярыня! Не твое это, не бабье дѣло...

На колокольнѣ ударили въ набатъ.

— Къ дому! — крикнулъ Мѣрковъ. — Живо!

Черезъ нѣсколько минутъ вся банда, увозя плѣнника, скрылась въ лѣсу.

VI.

Мѣрковъ заточилъ Воропанова въ „Медвѣжью“ башню; а чтобы вѣсть объ этомъ не дошла до Петербурга, — пере-

хватилъ всѣхъ гонцовъ, отправленныхъ Воропанихой къ самой государынѣ.

Наслаждаясь муками плѣнника, онъ далъ полный просторъ своей жестокости, распорядившись, чтобы звѣрю не давали пищи и каждый день удлинляли цѣпь на полвершка.

Медвѣдь, томимый голодомъ, бѣшено потрясалъ цѣпью, протягивая къ плѣннику когтистыя лапы, и яростно сверкалъ глазами, налитыми кровью. Воропановъ, человѣкъ съ крѣпкими нервами, уже видавшій всякіе виды на медвѣжьихъ охотахъ, не выдерживалъ этой близости звѣря; чувствуя, какъ волосы на головѣ поднимаются дыбомъ, онъ плотно прижался къ стѣнѣ, гдѣ звѣрь не могъ достать его, и въ такомъ положеніи простаивалъ цѣлыми часами.

Потерявъ надежду сразу добыть плѣнника, звѣрь на нѣкоторое время какъ будто успокаивался, ложился противъ него и съ сердитымъ ворчаньемъ принимался сосать лапу, не спуская глазъ съ своей жертвы.

Плѣнникъ, однако, замѣтилъ, что силы звѣря истощеннаго продолжительнымъ голодомъ, падаютъ съ каждымъ днемъ. — „Когда ослабнетъ, думаю Воропановъ, — тогда, пожалуй, можно будетъ схватиться и въ рукопашную... Авось!“ — Но и Воропанова не баловали, давая въ день ломоть хлѣба и кружку воды; и онъ чувствовалъ, что и его силы такъ же падаютъ, какъ и силы звѣря, ставшаго его палачемъ... Да и что толку, если онъ побѣдитъ? Куда уйдетъ изъ запертой башни, которую день и ночь сторожили егеря?

А, между тѣмъ, цѣпь все удлинялась, и смерть медленно, но вѣрно приближалась къ плѣннику: завтра, по всей вѣроятности, звѣрь достанетъ и растерзаетъ его.

— А, ну, развѣ попробовать, — прошепталъ онъ, зорко слѣдя за Мишкой.

Воропановъ засучилъ рукава рубашки, поплевалъ на ладонь, попробовалъ — устойчивы ли ноги...

— Э! — грустно усмѣхнулся онъ, — не бѣда! Все же равно пропадать...

Онъ сталъ присматриваться — съ какой стороны и половчѣе напасть на медвѣдя врасплохъ, чтобы напугать его и, для успѣха боюрьбы, опутать звѣря его же цѣпью.

Онъ ужже намѣтилъ пунктъ нападенія и приготовился было сдѣлать прыжокъ, какъ дверцы башни безшумно отворилась и на пороогѣ появился Мѣрковъ.

— Какъ твоѣ здоровье, господинъ полковникъ? — раздался насмѣшливый голосъ. — Али мой звѣряга хуже твоей водовозной клячи? Ха-ха!

Воропановъ позабылъ о медвѣдѣ и все вниманіе перенесъ на врага. Глаза вспыхнули и мрачнымъ огнемъ... Что-то съ быстротой молніи сверкнуло въ его мозгу, давъ сильный толчекъ его богатырскимъ мускуламъ, и Мѣрковъ не успѣлъ ахнуть, какъ почувствовалъ, что въ горло ввицѣпились, какъ клещи, двѣ желѣзныхъ руки... Еще мигъ — и онъ стремглавъ полетѣлъ въ лапы звѣря.

Раздался такой же душъ леденящій вопль, какой слышали дворовые, когда медвѣдь ломалъ ключника...

Такъ погибъ Мѣрковъ, помѣщикъ екатерининской эпохи, наводившій на крѣпостныхъ и сосѣдей.

А. Дунинъ.

Всё существо моё пропиталось безбрежной тьмой...

Дѣйствіе въ рыбной лавкѣ

Дѣйствительное происшествіе въ городѣ Зурбаганѣ, пережитое другомъ автора, учителемъ математики Пикъ-Микомъ. ».

Изложено А. С. ГРИНОМЪ, иллюстраціи ѣ С. Лодыгина.

Мои несчастія происходили отъ неумѣренности во всемъ, отъ нерасчетливости въ тратѣ силъ организма, могущаго, какъ всякій бѣшено эксплуатируемый организмъ, давать лишь краткое повышенное состояніе того или другого рода. Законъ реакціи способенъ испытать даже боровъ, долго валяющійся въ грязи, а личность современнаго неврастеника — весьма хрупкая арфа для продолжительныхъ, бурныхъ мелодій. Пользуясь иногда (очень рѣдко) модными шаблонными выраженіями, я могу сказать, что „усталь жить“; слова эти не вполне искренни, но объясняютъ, въ чемъ дѣло. Я сталъ замороженнымъ судакомъ, духовной развалиной, или, что то же, акробатомъ со сломанными ногами. Однако, желанія не угасли, а были (въ силу бездѣйствія) довольно разнообразны.

Весну прошлаго года мнѣ случилось провести въ Зурбаганѣ. Этотъ удивительно живой, южный городъ увеличилъ нѣсколько мой аппетитъ и улучшилъ дыханіе, но лукавая апатичность сдѣлалась, повидимому, постоянной окраской моего духа, и я былъ безсиленъ пожелать даже прекращенія этого состоянія. Все существо мое пропиталось безцвѣтной томностью и безсодержательной задумчивостью. Я могъ часами слушать разные пустяки, не

проронивъ с слова, или сидѣть у окна, съ видомъ ѣ на улицу, зѣвая, какъ мельникъ въ бездѣятельный день.

Старушкака, у которой я снялъ комнату, толстенькая и свѣжая, безъ единого пятнышка на ослѣпительной бѣлизны переднеицъ, безъ конца рассказывала мнѣ гъ о выгнанномъ ею изъ дома пьяницѣ-мужужѣ или семейныхъ дѣлахъ сосѣдей, въ въ которыхъ она открывала качества самаго противоположнаго свойства: или ангельскую доброту, или же самое черное злодѣйство. Слушая болтовню этой ѣ полустарухи, полудамы, я часто, по еяе просьбѣ, помогалъ ей мотать нитки, ѣ, растягивая ихъ на растопыренныхъ палальцахъ. Въ концѣ концовъ, я привыкъ къ этому глупому занятію. — моему бездѣйствующему уму нравилось теченіе безконечной нитки, обходящей вокругъ клубка: здѣсь не надъ чѣмъ было думать и не е о чемъ беспокоиться.

Однажды, въ жаркій полдень я дремалъ у окна надъ книгой, когда въ полуотворенную дверь просунулась сѣдая голова п почтенной женщины.

— Ахъ, гогосподинъ Пикъ-Микъ! — сказала хозяйкака, качая головой: — вотъ ужъ скучно вамъ, какъ посмотрю. Не будете ли вы ѣ любезны помочь мнѣ съ этой голубой ѣ шерстью?

— Это очечень кстати, — шутливо заявилъ я: — идите, идите сюда: — я воспрянулъ духомъ, ѣ, какъ боевой конь.

Полезное занятіе началось. Однако, не успѣли мы смотать десяти саженой шерсти, какъ въ прихожей залился звонокъ, и хозяйка встала.

— Вотъ и угли принесли!—вскричала она тономъ полководца, бросающаго резервы.—Я ему, этому негодяю, глаза выпарапаю. Каково это утромъ обходиться безъ углей, подумайте-ка, господинъ Пикъ-Микъ!

Она отправилась, по своему образному выраженію „выпарапывать“ глаза носильщику, а я положилъ нитки на подоконникъ и закурилъ. Помню, я размышлялъ въ это время о только что прочитанномъ описаніи Фарнезскаго Геркулеса въ книгѣ г-на Лабазейля, и то, что последовало немедленно, не имѣло и не могло имѣть никакого отношенія къ данному состоянію моего ума.

Я услышалъ на каменномъ тротуарѣ, подъ окномъ, торопливый гулъ шаговъ группы людей, свернувшихъ на нашу улицу изъ сосѣдняго переулка. Я ихъ не видѣлъ, они шли быстро и громко переговаривались. Голоса ихъ звучали тревожно и возбужденно. Кто-то скалзаль:—„Не задача вашему отцу, Криссъ; померъ онъ страшной смертью“. — „Только попадись мнѣ убійца!“—вскричалъ (я полагаю) сына Крисса;—„я поступлю съ нимъ, какъ жорновъ съ мукой!“—„И вотъ“,—подхватилъ третій,—„надо же было снять лавку въ такомъ глухомъ мѣстѣ!“—„Кто же зналъ“,—возразилъ второй,—„уголъ Черногорской и Вишневаго сада всегда давалъ пользу. На рыбу тамъ большой спросъ“. — „Дар-бер-гур-бунъ-мумъ...“ шумѣли, уже неясно, голоса, удаляясь. На улицѣ стало тихо.

Поспѣшные шаги, торопливый разговоръ, изъ котораго было совершенно ясно, что на углу улицъ Черногорской и улицы Вишневаго Сада недавно—вѣрнѣе, только-что—произошло убійство, сильно разожгли мое любопытство, вспыхивавшее, за послѣднее время, только отъ неожиданныхъ рѣзкихъ толчковъ, подобныхъ настоящему. Содержаніе разговора точно указывало жертву. Убили хозяина рыбной лавки, какого-то

Крисса, и вотъ, его сынъ спѣшилъ, надо думать, съ товарищами, къ мѣсту преступленія, извѣщенный полиціей о семъ печальномъ событіи. Я съ удовольствіемъ ощутилъ нестерпимое желаніе поглазѣть на трупъ Крисса, вздохнуть атмосферой уличнаго возбужденія, толкаться въ толгѣ зрителей, ахать и охать.

Стараясь не дать угаснуть этому, рѣдкому для меня, проявленію интереса къ человѣческой жизни, я поспѣшно надѣлъ шляпу, взялъ свою трость съ серебрянымъ набалдашникомъ, изображавшимъ кулакъ, и быстро прошелъ на улицу мимо разгоряченной старушки, копавшейся, съ причитаніемъ и бранчивостью, въ кошелекъ. Угольщикъ, видимо, сдаль товаръ и ждалъ за него уплаты. Ни тотъ, ни другая, кажется, не замѣтили моего ухода.

Уголь Черноморской и Вишневаго Сада былъ, дѣйствительно, изрядно глухимъ мѣстомъ, обрѣтаясь среди пустырей, въ самомъ концѣ гавани, населенномъ инвалидами, спившимися матросами, судовыми рабочими и мелкими огородниками. Имя „Вишневый Садъ“ было дано не иначе, какъ въ насмѣшку. Эта кривая улица изобиловала сорными травами и полуразрушенными заборами. Не лучше выглядѣла и Черногорская, выходя однимъ концомъ къ безотрадному пейзажу свалокъ. За дальностью разстоянія пришло было мнѣ въ голову нанять фаэтонъ, но я почему то не сдѣлалъ этого. Шагая, шагая и шагая, появился я, наконецъ, на этомъ углу, гдѣ надъ фасадомъ одноэтажнаго каменнаго дома виднѣлась черная отъ дождей вывѣска, съ зелеными буквами, возвѣщающими, что здѣсь „Рыбная торговля Крисса“.

Двери лавчонки были открыты настежь, у распахнутыхъ половинокъ дверей стояли въ полномъ порядкѣ устричныя корзины. На улицѣ не было ни души. Великое разочарованіе испытать я, когда, подойдя къ лавкѣ, увидѣлъ спокойно сидящаго внутри ея, на табуретѣ хозяина. Въ одной рукѣ держа чашку съ кусками вареной рыбы, тас-

каль онъ изъ этой посуды свободной рукой рыбые мясо, аппетитно соваль въ ротъ и аппетитно проглатываль, время отъ времени гоняя мухъ, стайками бунчавшихъ надъ чашкой.

Рѣшивъ, что разговоръ, слышанный мной подъ окномъ, былъ лишь интересной слуховой галлюцинаціей, я, желая окончательно освѣтить положеніе, вошелъ въ лавку. Хозяинъ, вставъ, выжидательно смотрѣлъ на меня. Произошелъ слѣдующій діалогъ:

Я. Здравствуйте!

Онъ. Мое почтеніе, господинъ!

Я. Эта л лавка Крисса?

Онъ. Она самая, Криссова.

Я. Вы и есть—Криссъ?

Онъ (величаво). Я—Криссъ!

Здѣсь сою мной случился одинъ изъ тѣхъ припадкоу разсѣянности, благодаря которурымъ я не разъ попадалъ въ странныя положенія. Я проникся духомъ этой рыбной лавки, нѣкоторой яркостью ранѣ безразличныхъ для меня впечатлѣній. Глубоко задумавшись разсматривалъ я огромные столы, заваленные тѣлами рыббъ. Тутъ были палтусы, форели, миноги, угри, камбала, сазаны,

Уголъ былъ изрядно глухимъ.

морскіе окуни и много породъ, коимъ я не слыхалъ названія. Хвосты свѣшивались со столовъ, розоватыя, бѣлыя и пятнистыя брюха оканчивались разинутыми щелями жабръ, спины отливали темнозеленымъ золотомъ, червленымъ серебромъ, сталью и красной мѣдью. Солнце кидаясь въ груды оперенныхъ плавниками спинъ, мыло ихъ чешую желтымъ свѣтомъ, похожимъ на одуванчики. За головами самыхъ темныхъ, черныхъ и огромныхъ рыбъ, въ стѣнную щель лился болѣе блѣдный, отраженный свѣтъ двора, и какой то застывшій, выпученный глазъ въ костлявой орбитѣ маячилъ на этомъ свѣту, вспоминая, должно быть, давно угасшій свѣтъ подводнаго міра.

Очарованный лавкой, я почувствовалъ зависть къ Криссу. Мнѣ страшно хотѣлось (хорошо и то, что я сталъ способенъ пожелать хоть такихъ пустяковъ), страшно хотѣлось быть Криссомъ, хозяиномъ рыбной торговли, вѣтъ, какъ онъ, пальцами изъ глянцовой чашки, рубить ослѣпительно широкимъ ножомъ упругіе рыбы хвосты, пачкать чешуей руки и дышать этой причудливой, свѣжей атмосферой, полной запаховъ моря.

— Какой рыбы и сколько? — грубо спросилъ Криссъ.

Я опомнился. Мой блуждающій взглядъ, какъ видно, разбудилъ въ Криссѣ подозрительность. Всякій хозяинъ рыбной лавки имѣетъ право знать, зачѣмъ пришелъ къ нему ничего не говорящій, а лишь тупо и долго осматривающій товаръ, человекъ. Можетъ быть, Криссъ видѣлъ во мнѣ нищаго или переодѣтаго санитарнаго чиновника, или вора.

— Криссъ, издавѣка началъ я: — бывали у васъ когда нибудь сильные капризы, такіе, понимаете — сильные... такіе...

— Что вамъ угодно, наконецъ? — взревѣлъ онъ, подтягивая передникъ. Большая толстогубая голова Крисса склонилась, какъ у козла передъ ударомъ рогами. Онъ близко подступилъ ко мнѣ, выпятивъ грудь. — Идите-ка, молодецъ, проснитесь!

Я зналъ прекрасно, что Криссъ, какъ

лавочникъ, не могъ говорить иначе, и въ то же время сильно досадовалъ, что изъ этого примитивно, цѣльнаго чело-вѣка нельзя вытянуть другого Крисса, такого, который понялъ и оцѣнилъ бы мое, въ концѣ концовъ, весьма похвальное восхищеніе родомъ занятія, имѣющаго прямую связь съ природой, что всегда цѣнно. Собираясь уйти, я только лишь началъ объяснять, какъ могъ популяризе, что лавка и товаръ мнѣ очень понравились, какъ вдругъ, не дослушавъ, принявъ, можетъ быть, мои слова за издѣвательство, Криссъ сильно ударилъ меня по головѣ выше уха.

Я — человекъ смиренный, однако, принимая во вниманіе обстоятельства дѣла: разочарованіе привидѣ живого Крисса, нелѣпость положенія и сильную боль отъ мастерски направленного удара, — счелъ нужнымъ отвѣтить тѣмъ же. Я взмахнулъ тростью: Криссъ бросился на меня, и увѣсистый металлическій набалдашникъ моей палки рѣзко хватилъ его въ лѣвую височную кость. Криссъ постоялъ, съ внезапно остановившимся взглядомъ, секунды три, всхлипнулъ и прохнулся на полъ, тяжело проѣхавъ затылкомъ по ножкѣ стола.

Не зная — живъ Криссъ, мертвъ или же, какъ говорится — полумертвъ, я быстро выглянулъ на улицу, опасаясь свидѣтелей. Только вдали брела нѣкая одинокая фигура, но и она шла не по направленію къ лавкѣ. Естественно, что я былъ сильно возбужденъ и разстроенъ: злобное оживленіе драки еще держало меня внѣ испуга за совершившееся, тѣмъ не менѣе я удалялся, какъ могъ быстро, свернувъ окольными переулками къ центру города. Находу мнѣ пришло въ голову, что теперь разговоръ подъ окномъ, который я слышалъ — или мнѣ показалось, что слышалъ — часъ назадъ, — что подобный разговоръ теперь никакъ нельзя было бы принять за галлюцинацію. Почему я слышалъ именно такой разговоръ, когда Криссъ былъ совершенно здоровъ и неопровержимо живъ? Что, если онъ лежитъ не оглушенный, а мертвый — къ какому порядку сверхъ естественнаго отнесу я въ

— 'Что Вамъ угодно, наконецъ?—
взрѣвътъ онъ.

такомъ случаѣ недавній мой звуковой бредъ? — „Мы еще подумаемъ надъ этимъ“, — сказалъ я, пугаясь необычности происшедшего и свирѣпо косясь палкой по воздуху. Здѣсь бросилось мнѣ въ глаза, что палка лишена набалдашника;

онъ, видимо, отлетѣлъ въ моментъ удара. Странно, в, но это обстоятельство, могущее послужить уликой, скорѣе обрадовало, чѣмъ испугало меня: бѣлый изломъ палочного к конца выглядѣть вѣстью изъ міра реальности; доказательствомъ, что

я не сплю и не боленъ. Однако, поравнявшись съ невысокимъ заборомъ, за коимъ шумѣлъ садъ, я швырнулъ палку туда и, съ глухо тоскующимъ сердцемъ, поспѣшилъ домой.

Когда я помогалъ старухѣ мотать нитки—стулъ мой стоялъ у окна и теперь оставался тамъ же: войдя въ свою комнату, я почувствовалъ большую усталость, но сѣсть на этотъ стулъ мнѣ было противно. Я опасался его. Мнѣ казалось, что у окна должно произойти нѣчто, еще болѣе тягостное и необъяснимое, чѣмъ совершившееся. Пока я стоялъ среди комнаты въ состояніи полного упадка силъ и странной оторванности отъ всего въ мірѣ, какъ бы разсматривая этотъ міръ въ потайную щель,—вошла старушка. Неоконченный мотокъ шерсти висѣлъ на ея рукѣ. На ея разпросы, куда я ходилъ, я, кажется, пробормоталъ что-то про аптеку, забытый рецентъ и, видя ея суетливое желаніе заняться мотней нитокъ—сѣлъ, поборовъ мнительность, на стулъ къ окну. Мнѣ хотѣлось немудрыхъ, механическихъ дѣйствій, способныхъ разсѣять жуткій наплывъ чувствъ. Я взялъ мотокъ и сталъ отпускать нитку.

Тогда, и снова въ полной тишинѣ временно затихшей улицы, услышалъ я, съ ужасомъ и отвращеніемъ передъ непостижимымъ, гулкій, торопливый стукъ шаговъ кучки людей, проговорившихъ на ходу то же, что слышалъ я ранѣе и съ тѣми же интонаціями, какъ повторенную пластинку граммофона: „Не задача вашему отцу, Криссъ, померъ онъ страшной смертью!“—„Только попадись мнѣ убійца! Я поступлю съ нимъ, какъ жерновъ съ мукой!“—„И вотъ, надо же было снять лавку въ такомъ глухомъ мѣстѣ!“ „Кто же зналъ: уголь Черногорской и Вишневаго Сада всегда давалъ пользу. На рыбу тамъ большой спросъ.“—Дальнѣйшій разговоръ, какъ ранѣе, слился въ непроницаемый гулъ, и шаги стихли за поворотомъ.

— Вы слышали что нибудь?—вскричалъ я, хватая старуху за руку.

Мой видъ и вѣроятная блѣдность моя поразили женщину.

— Кого-то убили, кажется,—нерѣшительно сказала она,—что-то болтали сейчасъ подъ окномъ объ этомъ: да нашъ городъ, какъ вы знаете, не изъ тихихъ, здѣсь на каждомъ шагу... Что съ вами, о, что это съ вами?..—вдругъ крикнула она,—вамъ дурно?—но я эти ея слова припомнилъ лишь черезъ нѣсколько минутъ, очнувшись отъ сильного головокруженія, близкаго къ обмороку.

Вечерняя газета мало что новаго принесла мнѣ. Вотъ текстъ замѣтки: „Около трехъ часовъ дня, въ рыбной лавкѣ, что на углу Черногорской и Вишневаго Сада, убитъ рыбакъ Криссъ. Мотивы преступленія неизвѣстны. Деньги и товаръ цѣлы. Смертельный ударъ нанесенъ въ високъ, повидимому, стальнымъ набалдашникомъ палки; набалдашникъ этотъ, имѣющій форму сжатого кулака, поднять тутъ же: предполагаютъ, что онъ сломался въ моментъ удара. Это—массивный стальной предметъ, вѣсомъ около пяти восьмыхъ фунта. Слѣдствіе производится.“

„А propos. Намъ сообщаютъ, что единственный сынъ Крисса, студентъ мѣстнаго университета, узнавъ о смерти отца, пережилъ сильное нервное потрясеніе, осложнившееся интереснымъ психическимъ эффектомъ. Именно: онъ говорилъ пользовавшему его доктору Паульсону (Площадь процессій, 5), что, отправляясь съ товарищами къ мѣсту печальнаго происшествія, не въ силахъ былъ отдѣлаться отъ убѣжденія (впечатлѣнія?), что нѣкогда шелъ уже, въ такомъ же состояніи духа и съ той же печальной цѣлью, по тѣмъ же самымъ улицамъ. Явленіе это, довольно частое и испытанное каждымъ по какому-либо поводу, подробно разработано г. Паульсономъ въ его книгѣ: „Рефлексы сознанія“.

Я постарался, насколько могъ, забыть объ этой исторіи. Паульсонъ умѣло пристегнулъ свое имя къ убійству. Это—реклама. Пріятно видѣть въ запутанной, таинственной сущности нашей жизни—господина, отовсюду вылавливающего рубли.

А. С. Гринъ.

ИЗЪ ПѢСЕНЪ О БРАТСТВѢ НАРОДОВЪ.

КЪ ВЕЧЕРНЕЙ МОЛИТВѢ.

(Изъ Сараджини Наиду *) *).

Время молитвы. „Аллахъ иль Акбаръ!“ —
Зовъ съ минаретовъ далекаго храма.ма.
Призрачно гаснетъ закатный пожарырь.
Въ сладкихъ молитвахъ, о дѣти Ислама,
Души излейте! Аллахъ иль Акбаръ!..ъ!..

„Ave Maria!“ Торжественный хоръ,
Славить въ молитвахъ Младенца и ли Дѣву.
Стройно хвалебному вторить напѣвзву
Колоколами вечерній соборъ...
„Ave Maria!“ доносится хоръ.

„Ahuramazda!“... призывно звеня,
Льются напѣвы священнаго гимна. 1.
Нищъ, на колѣни, о дѣти Огня!
Факелы свѣтятъ тревожно и дымно.ю...
Гимны Авесты несутся, звеня.

„Rama upa!“... Брамины, во храмъ! ъ!
Вѣщимъ и вѣчнымъ внимлите призывывамъ.
Голосъ возвысьте къ нѣмымъ небесаесамъ,
Руки воздѣньте въ забвеньи счастлиливомъ...
„Rama upa!“ Брамины во храмъ!..

С. Маршакъ.

*) Сараджини Наиду — молодая поэтесса Индiи, пишущая на Бенгальскомъ и Англiйскомъ языкахъ. Въ настоящее время Наиду очень популярна и любима въ Англiи.

С. М.

ДѢДУШКА ПАХОМЪ

РАЗСКАЗЪ
СЕРГѢЯ
ГАРИНА

РИС.
В. СВАРОГА

I.

Девяносто лѣтъ минуло въ этомъ году дѣдушкѣ Пахому. Но, еще бодрый, онъ ходитъ безъ помощи другихъ, и только въ ра-
спутицу пользуется палкой.

Самъ варить непритомливый обѣдъ свой.

Былъ когда-то Пахомъ росту высокаго, съ богатырской грудью, но выгнуло время колесомъ спину и плечи свело ближе. Голова у дѣда совершенно голая, и лишь у шеи да около ушей осталась рѣдкая бахрома волосъ.

Живетъ дѣдушка Пахомъ сорокъ лѣтъ безвыѣздно въ родномъ селѣ Ипатовѣ,

недалеко отъ австрійской границы. Имѣетъ пасѣку на двадцать ульевъ, промысляетъ медомъ и тѣмъ кормится. Изба у дѣда, какъ и самъ онъ, пригнувшаяся къ землѣ, словно ошипанная годами птица, съ растрепанной отъ вѣтровъ крышей, кривыми окнами. Но и не требуется для Пахома лучшихъ палатъ; лѣтомъ онъ только на ночь въ избу заходить, а для зимы и эта хороша.

Живетъ Пахомъ вдвоемъ съ Тимошкой,—рыжимъ когда-то котомъ, а теперь звѣремъ неопредѣленнаго цвѣта. Ходитъ котъ повсюду за дѣдомъ: и по селу, и по пасѣкѣ.

Въ Ипатовѣ удивляются. И не тому,

...Ходить коть повсюду за дѣдомъ: и по селу, и по пасѣлкѣ...

что не кусаютъ пчелы Тимошку—попри-
выкли, видно, за столько-то лѣтъ,—а
тому, что не трогаютъ кота сельскіе
собаки.

Лютые есть псы въ Ипатовкѣ; ни
одному животному проходу не даютъ.
А вотъ, какъ завидятъ пахомовскаго
кота,—поджавъ хвосты удираютъ...

И идетъ по селу молва, что охраня-
ютъ кота заклятя Пахома, но не кол-
довскія, не съ помощью нечистой силы,
а благодаря благочестивой жизни дѣ-
душки.

На глазахъ всего села прошла много-
страдальная жизнь пчельника. Былъ
когда-то онъ богатымъ мужикомъ, много-
семейнымъ, имѣлъ нѣсколько домовъ и
лавку. Но прибралъ Господь всю семью
Пахома, погорѣли въ одну ночь зданія;
сдѣлался Пахомъ нищимъ и поселился
на окраинѣ села, на пасѣлкѣ.

Любятъ ипатовскіе обыватели, въ
трудныя минуты жизни, обращаться къ
Пахому.

Терпѣливо выслушаетъ каждого ста-
рикъ, преподаетъ совѣтъ, скажетъ ласко-
вое слово, ободритъ. Идутъ къ нему не
только мужики и бабы со своими горе-
стями, но и мѣстный багушка, и фельд-
шеръ.

Благочестивъ Пахомъ. Ни одной
службы не пропустить. Приходить въ

церковь раньше другихъ; послѣднимъ
уходить. Обходить съ кружкой мірянъ,
собираетъ мѣдяки. Ставить свѣчки у иконъ,
и каждой поклонится въ землю.

А, пока дѣдушка молится, коть Ти-
мошка сидитъ на паперти, зажемуясь,
и ждетъ.

И никто не трогаетъ тихаго звѣря.

Любятъ дѣдушку Пахома ребятишки.
Бѣгаютъ лѣтомъ на пасѣлку, ждутъ пока
дѣдъ освободится, сядетъ на самодѣль-
ную скамейку. Расположатся тогда около
по травѣ на животахъ. Разинутъ рты
и слушаютъ.

Разсказываетъ Пахомъ, не спѣша и
складно, о томъ, какъ живутъ люди на
свѣтѣ, какъ вѣчно борются добро со
зломъ, и что изъ этого выходитъ.

Учить молодыхъ слушателей любить
родину,—беречь свое гнѣздо...

Примѣромъ беретъ пчелоку.

— Вотъ забираю я у нихъ медъ...
разрушаю улей... На первый взглядъ:
чего имъ горевать?.. На пасѣлкѣ пустыхъ
ульевъ много, и есть и лучше и новѣе...
Нѣтъ, тянетъ ихъ все-таки въ старое,
разрушенное гнѣздо, несутъ туда со-
ринки, выбрасываютъ мертвыя тѣла...
опять строятъ... созидаютъ!..

— Почему же, дѣдушка?...—раздается
чей нибудь робкій вопросъ.

— Да потому, миленькій, что въ ста-

Наканунъ объявленія войны дѣдъ видѣлъ знаменіе...

ромъ то ульѣ, онѣ всѣ радости своего существованія постигли! Здѣсь имъ каждый уголокъ, каждая выбоинка въ сотѣ дорога по воспоминаніямъ! Сроднило ихъ съ этимъ ульемъ и страданіе, и горечь разочарованія!

Дѣти удивляются.

— Да неужто, дѣдушка, пчелки все чувствуютъ? Развѣ онѣ человѣки?

— Не только всякая тварь, созданная Господомъ, но и каждая былинка живетъ и все переживаетъ! Конечно, не такъ, какъ мы грѣшные, а по своему... какъ положено ей отъ Создателя!.. Вотъ почему не надо ничего трогать: ни человѣка, ни животное, ни цвѣтокъ, растущій въ полѣ... ни дерева!

Зимой, въ долгіе вечера, дѣдушка рассказываетъ дѣтямъ про то, что когда-то самъ читывалъ: про древнихъ русскихъ богатырей, про святыхъ сподвижниковъ и про то, какъ созидалась великая Русь. И опять сидятъ съ разинутыми ртами ребятишки и долго послѣ не

могутъ заснуть въ своихъ избахъ, а въ снахъ своихъ воюютъ съ врагами родины...

Быстро бѣгутъ дни, смѣняая короткія и длинныя ночи... Ходитъ солнце по небу и то — яркое, пышащее огнемъ, ласкающее зеленныя травы и листву, то, бросаетъ блѣдные лучи на бѣлые снѣга или прячется за метельныя тучи...

И вдругъ грянула война.

Зашевелилось все въ Ипатовкѣ; зашевелились мужики, заголосили бабы... Потянулись къ уѣздному городу подводы съ будущими воинами, погнали лошадей на мобилизацію.

А на канунѣ объявленія войны дѣдъ Пахомъ видѣлъ знаменіе.

Любилъ онъ по лѣтнимъ ночамъ смотрѣть въ небо. Смотритъ, бывало, Пахомъ на далекія звѣзды и улыбается...

И на этотъ разъ смотрѣлъ онъ вверхъ и вдругъ увидѣлъ, что бѣлый свѣтъ врывается откуда то въ темноту звѣздной ночи. Подумалъ было Пахомъ, что

..Заинтересовался, что будет дальше..

померещилось, но свѣтъ становился все ярче, освѣщая одно только мѣсто. Затѣмъ появились не то клубы дыма, не то облака... Были они сначала безформенны, но вотъ стали облекаться въ человѣческія фигуры... И увидѣлъ Пахомъ, какъ двѣ группы людей, оди— въ видѣ русскихъ витязей и другіе— въ остроконечныхъ каскахъ, ведутъ на небѣ битву... А кругомъ мелькають быстрыя, какъ молніи, длинными лентами, огненные фразы... Не могъ разобрать ихъ Пахомъ—зрѣніе не позволяло...

Заинтересовался дѣдушка и внимательно сталъ слѣдить, что будетъ дальше...

Но облака опять потеряли свои формы и стали расплываться густыми массами.

И когда растаяли— на ихъ мѣстѣ засіялъ опредѣленный крестъ, испускающій свои лучи во все стороны...

На другой день пришли къ Пахому и сказали о войнѣ.

Улыбнулся дѣдушка, но ничего не отвѣтилъ...

II.

Черезъ мѣсяцъ австрійцы съ нѣмцами входили въ Ипатовку.

Сначала прибѣжали съ поля мужики и стали кричать, что видѣли непріятельскій разъѣздъ. Было извѣстно въ Ипатовкѣ о звѣрствахъ врага, и потому мигомъ опустѣло село. Разбѣжались все по окрестнымъ лѣсамъ, остались лишь старики, старухи да батюшка съ причомъ.

Остался и дѣдушка Пахомъ съ Тимошкой.

Черезъ часъ промчались селомъ казаки, кричавшіе оставшимся, что непріятель близко, но чтобы не боялись, ибо русскіе скоро его изъ Ипатовки выбьютъ.

А къ вечеру влетѣлъ на село непріятельскій разъѣздъ. Состоялъ онъ изъ венгерскихъ гусаръ и нѣмецкихъ драгунъ. Командовалъ разъѣздомъ нѣмецкій ротмистръ— высокій, жилистый, съ холодными сѣрыми глазами и щетинистыми усами.

Первымъ долгомъ собралъ онъ на главную улицу всехъ оставшихся и сталъ

требовать денегъ и цѣнныхъ вещей, а затѣмъ разослалъ солдатъ по избамъ.

Пришли солдаты и къ Пахому, на пасѣку.

Застали дѣдушку около ульевъ.

Одинъ хорошо говорилъ по русски. Подошелъ вплотную къ работавшему старику и, грубо взявъ Пахома за плечо, крикнулъ:

— Эй, старый чортъ! Ты что здѣсь дѣлаешь?

Пахомъ оставилъ работу. Посмотрѣлъ спокойно на пришедшихъ.

— Работаю, вотъ тутъ... съ пчелками!

— Подавай, что у тебя есть! Ну, живо!

— Да ничего у меня нѣтъ... подавать-то нечего! Вотъ меду... могу!

Залопоталъ что-то по своему съ товарищами солдатамъ. Засмѣялись все, а затѣмъ первый оттолкнулъ дѣдушку:

— Проваливай отсюда. Сами возьмемъ!

Отошелъ Пахомъ въ сторону и съ болью сталъ ожидать разгрома своей пасѣки.

Но только расщепили прикладами первый улей, какъ поднялись рои пчелъ изо всехъ, покрыли тучами лица и руки дерзнувшихъ... Заорали благимъ матомъ солдаты и бросились наутекъ, преслѣдуемые пчелами...

А одинъ, находу, замѣтивъ дремавшего на травѣ Тимошку, прикололъ кота штыкомъ...

Убѣжали. Дѣдушка бросился къ коту. Тимошка судорожно дрыгаль по травѣ лапками, распластанный, околѣвающій... Разорвалъ рубаху на себѣ Пахомъ, хотѣлъ было сдѣлать другу перевязку, чтобы унять бѣгущую ручьемъ кровь, но увидѣлъ, что потухають кошачьи глаза... Взялъ Тимошку дрожащими руками, прижалъ къ старческой груди и побрелъ съ нимъ къ скамейкѣ.

Не успѣлъ дойти— лизнулъ Тимошка слабымъ языкомъ руку Пахома и околѣлъ. Дѣдъ заплакалъ. Смотрѣлъ влажными глазами въ далекое небо, но не укорялъ, а только шепталъ о полномъ теперь своемъ одиночествѣ...

Положилъ бережно кота на лавку. Пошелъ къ пчелкамъ. Изъ села доно-

сились выстрѣлы, слышались крики... Но Пахома это не волновало,—его собственное горе было слишкомъ велико.

Плача тихими, старческими слезами, еле передвигая ноги, пошелъ дѣдушка къ своей избѣ, долго возился подъ навѣсомъ и вернулся на пасѣку съ лопатой. Сталъ рыть землю на лужайкѣ, между двумя березами... Вырылъ ямку въ полъ-аршина глубины, положилъ въ нее Тимошку, собралъ съ пасѣки мертвыхъ пчелокъ, сколько сумѣлъ найти, бросилъ и ихъ въ ямку.

Засыпалъ землей.

И опять сталъ смотрѣть въ небо долгимъ, влажнымъ взглядомъ.

III.

Наступила ночь, темная, южная, звѣздная... До позднихъ часовъ гудѣли на селѣ голоса опившихся въ винной лавкѣ враговъ... А затѣмъ замолкли...

Тихо побрелъ на село дѣдушка Пахомъ, и его сгорбленная фигура, бредущая ощупью, казалась въ темнотѣ страннымъ чудовищемъ, прилетѣвшимъ изъ невѣдомыхъ странъ. Шелъ старый, прижимаясь къ покинутымъ избушкамъ, глядѣвшимъ на него сейчасъ зіяющими дырами разбитыхъ оконъ.

Подъ ноги попадались какія то вещи, остатки мебели, трупы собакъ и еще чьи-то тѣла, и Пахомъ осторожно обходилъ все это, нащупывая палкой дальнѣйшую дорогу...

Такъ обошелъ онъ все село, будто вымершее, и черезъ полчаса уже зналъ, что нѣсколько неприятельскихъ солдатъ ночуетъ въ дровяномъ сараѣ земской школы. Увидѣлъ Пахомъ, что здѣсь же сложены въ штабели деревья, заготовленные на дрова. Сталъ таскать ихъ къ сараю, складывая неторопливо у входа. Было тяжело и не по силамъ волочить длинные стволы, но Пахомъ дѣлалъ это не спѣша, съ отдыхомъ...

Чуть занимался въ небѣ разсвѣтъ. Пахомъ стоялъ около груды деревьевъ, завалившихъ выходъ изъ сарая, перемѣшанныхъ съ сухимъ хворостомъ и соломой. Вытиралъ съ лица потъ подоломъ рубахи. Поднялъ голову къ блѣднѣющему небу, словно испрашивая у него согласія, а затѣмъ, вынувъ изъ штановъ спички, поджегъ съ разныхъ сторонъ этотъ костеръ...

Отошелъ въ сторону; сталъ наблюдать. Видѣлъ, какъ поползли короткіе языки

Заорали близкимъ матомъ и бросились на утекъ..

по сухому дереву, какъ слились въ море огня, охватившее сонный сарай ползучими, красными змѣями...

Розовѣлъ грядущій день. Бѣжали послѣднія ночныя облака за горизонтъ, шевелились травы, а къ просыпающему небу тянулись громадныя клубы дыма насыщенные огнемъ и искрами...

Изъ сарая неслись дикіе вопли и вой; бѣжали къ нему остатки неприятеля, ночевавшего въ другихъ мѣстахъ.

А дѣдушка Пахомъ стоялъ въ сторонѣ, смотрѣлъ на небо, улыбался и шепталъ:

— За Тимошку... за пчелокъ! Погибайте, подлые! За нихъ отомщаю... за нихъ!

Стали тушить пожаръ, но сарая не спасли... Сгорѣлъ онъ со всѣми находившимися. Увидѣли Пахома. Ротмистръ указаль на дѣдушку пальцемъ, и на Пахома навалилось трое дюжихъ солдатъ, быстро скрутившихъ старику руки. Пахомъ не сопротивлялся и пошелъ, подталкиваемый прикладами, куда-то, пока не привели къ избѣ одного крестьянина, ушедшаго на войну. Она была пуста, но неостывшіе еще пуховики говорили о недавнемъ ночлегѣ.

Старикъ увидѣлъ большой столъ, на которомъ въ безпорядкѣ валялись связки баранокъ, стояли банки съ вареньемъ и головы сахару.

Дѣдъ прижался къ стѣнѣ, а по бокамъ стало двое гусаръ съ обнаженными саблями. Злобно смотрѣли они на старика, и тотъ все ждалъ ударовъ. Но солдаты не трогали.

Пахомъ стоялъ и покорно ждалъ своей участи. Слышалъ звонъ шпоръ въ сѣняхъ и гулкiе шаги,

Вошло нѣсколько офицеровъ. Высокій ротмистръ сѣлъ за столъ посрединѣ, остальные рядомъ. Ротмистръ крикнулъ что-то стоявшему у порога солдату. Тотъ скрылся, и черезъ минуту вошло въ избу еще нѣсколько, съ ружьями. Привели двухъ бабъ. Пахомъ узналъ въ нихъ мѣстныхъ вдовъ, матерей ушедшихъ на войну крестьянъ.

Пришелъ солдатъ, говорившій порусски, и сталъ переводчикомъ. Обвинялись бабы въ томъ, что одна скрыла отъ солдата десятокъ яицъ, а вторая, у которой другой солдатъ отнялъ кашемировой платокъ, плюнула грабителю въ лицо. Она была за это избита, о чемъ говорили разбитое ухо старухи и громадный синякъ подъ лѣвымъ глазомъ. Переводчикъ объяснилъ ей, что, плюнувъ солдату въ лицо, она этимъ оскорбила всю непріятельскую армію и потсму подлежить смертной казни.

Бабы на вопросы не отвѣчали. Одна все плакала, укрывши лицо въ концы головного платка, а другая, плюнувшая

солдату въ лицо, презрительно улыбалась.

Послѣ допроса, бабъ вывели и подвели Пахома. Дѣдушка еле стоялъ на ногахъ, но собралъ послѣднія силы и подошелъ къ столу. На него глядѣло нѣсколько паръ злобныхъ глазъ, и если бы даже не зналъ Пахомъ, что ожидаетъ его на разсвѣтѣ,—прочелъ бы сейчасъ свой приговоръ на этихъ, искаженныхъ безпутной ночью, лицахъ..

— Это ты поджегъ сарай съ солдатами?—услышалъ онъ вопросъ.

— Да, я... зачѣмъ таить!

— Почему же ты это сдѣлалъ?

Старикъ молчалъ. Хотѣлъ было сказать про Тимошку и пчелокъ, но мелькнула въ слабѣющемъ мозгу мысль: „а не все ли равно? Когда нибудь помирать нужно!“

— Отвѣчай же!

— Война теперь...—хитро уклонился старикъ

Переводчикъ передалъ отвѣтъ дѣда. Еще суровѣе сдвинулись брови у ротмистра. Опять залопотали офицеры по своему. Затѣмъ засмѣялся нехорошимъ смѣхомъ ротмистръ, подхватили остальные... Высокій махнулъ рукой, и Пахома поволокли изъ избы.

Еще не вставало солнце, но кропили уже лучи его голубую высь... Поднимался сизый туманъ надъ полями и падалъ алмазной росой на пахучія травы.

Къ Пахому, брошенному часъ назадъ въ пустой хлѣвъ, просунулась грубая солдатская рука и выволокла дѣда на волю. Прикладами подняли съ земли, скрутили опять назадъ руки и повели.

Дѣдушка плелся безъ шапки, въ разорванной рубахѣ между двухъ солдатъ и видѣлъ сѣрую спину идущаго впереди и пару каблукъ, дробно постукивающихъ о землю. Онъ не чувствовалъ ни усталости, ни боли отъ побоевъ, а была тишина на его душѣ и полное безразличіе. Изрѣдка поднималъ онъ лысеющую голову и смотрѣлъ, по привычкѣ, на небо, въ которомъ загорались утреннія зори...

Улыбался Пахомъ встаетому солнцу.

Привели на пустырь, за овинами. И вдругъ услышалъ Пахомъ чей то подавленный плачь. Обернулся. Увидѣлъ справа бабу, скрывшуюся десяткомъ лицъ. Ее волокли по землѣ двое гусаръ, а она упиралась ногами въ землю, жалобно всхлипывала и причитывала:

Пахомъ сказалъ тихо плачущей бабѣ:
— Не плачь, Матвѣевна! Вѣдь все равно не помилуютъ! Встрѣть же свой смертный часъ достойно!

— Только трусость свою показываешь! — вмѣшалась вторая баба, — да слезами своими враговъ забавляешь!

Изъ сарая неслись ошкіе вопли и вой...

— Дѣточки мои! Миленькія! Спокоинули вы мать свою старую... некому за нее заступиться!

Увидалъ Пахомъ и вторую. Та шла крупными мужицкими шагами, и не было слезинки въ глазахъ, а лежала на лицѣ печать презрѣнія...

Поставили троихъ у забора, лицомъ къ солдатамъ... Стали ожидать офицера.

Пахомъ посмотрѣлъ впередъ. Шесть солдатъ столпились въ кучу, смотрѣли на пригооворенныхъ и пересмѣивались. И звонко постукивали прикладами о землю.

Плачущая баба затихла. И стояли трое, ожидая своей участи, мучаясь задержкой.

— Хооть бы порѣшили скорѣй! — злобно

прохрипѣла молчаливая и вдругъ крикнула на весь пустырь:

— Эй вы, басурманы проклятые! Стрѣляйте скорѣй, чего комедь то ломаете?! Эхъ вы, храброе войско на стариковъ и старухъ!

Солдаты не поняли, но засмѣялись. Стали перемигиваться и шутя цѣлиться...

И вдругъ произошло необыкновенное: кто то прибѣжалъ на пустырь, растерянный и запыхавшійся, крикнуть что то солдатамъ и тѣ, вмѣсто того, чтобы стрѣлять въ обреченныхъ, схватили свои ружья и убѣжали...

Не поняли ничего ни Пахомъ, ни бабы... Стояли недоумѣвающе и смотрѣли другъ на друга... А затѣмъ услышали выстрѣлы, крики, ржаніе коней...

— Господи Иисусе! — перекрестился Пахомъ...

Побѣжалъ дѣдушка мелкой рысцой съ пустыря... Обогнали его бабы... И наткнулись трое на селѣ на невиданное зрѣлище: несся по улицѣ ураганъ изъ людей и лошадей, — взявши пики на перевѣсъ мчались казаки... Пустился было наутекъ вскочившій на коней непріятель, но докатилась до него ка-

зацкая волна и началась превеликая сѣча...

Пахомъ видѣлъ, какъ настигъ высокого ротмистра молодой казакъ съ серьгой въ ухѣ и въ шапкѣ на бекрень, какъ пригнулся трусливо ротмистръ къ сѣдлу, вытянувъ впередъ, по дѣтски, руки... Но блеснула на солнцѣ казацкая сталь, и покатиалась нѣмецкая голова съ щетинистыми усами въ кававу...

Всѣхъ перерубили, никто не ушелъ...

Лежалъ дѣдушка Пахомъ, не перенесшій пережитого, на чистомъ снѣгѣ около избы, ласково улыбался толпившимся кругомъ казакамъ и плакалъ отъ радости, что умираетъ среди своихъ. Тихо текли послѣднія слезы по морщинистымъ щекамъ, а губы шептали:

— Взыскалъ Господь... за Тимошку... за пчелокъ!..

Поглядѣлъ на небо потухающими глазами, увидалъ въ немъ, сквозь пелену смерти, крестъ, испускающій лучи, глубоко вздохнулъ и умеръ...

Сергій Гаринъ.

ИНДИЙСКІЯ ВОЙСКА ВО ФРАНЦІИ.

Замѣтка М. Д.

Снимки И. И.

Много чудеснаго разсказываютъ о бронзовыхъ войнахъ призванныхъ изъ далекой Индіи, сражаться съ бѣлокуроими, холодными тевтонами, могущими впрочемъ, поспорить съ ними, въ хитрыхъ уловкахъ и безпощадной жестокости...

Англійскіе и французскіе корреспонденты, наперерывъ сообщаютъ объ ихъ изумительномъ безстрашии и невѣроятной ловкости... Не такъ давно, напримеръ, индусы внезапно напали на нѣмецкій отрядъ, предварительно придушивъ часового не успѣвшего произнести ни звука и пригвоздивъ къ землѣ спящихъ солдатъ, ихъ же собственными штыками!..

Ничто въ мірѣ не способно поколебать безстрашіе индусовъ. Они не боятся, ни ручныхъ бомбъ, бросаемыхъ съ

аэроплана, ни разрыва у самыхъ ногъ грандіозной гранаты, выпущенной изъ осаднаго орудія. ни настойчивыхъ атакъ безчисленной пѣхоты, ни рубки кавалеріи...

Ихъ собственная кавалерія несется вихремъ, въ пѣшемъ строю они идутъ стѣной и не имѣютъ себѣ равныхъ при рукопашныхъ схваткахъ. И они всѣ беззавѣтно храбры и въ высшей степени воинственны, къ какой бы расѣ или кастѣ не принадлежали.

Воинами они рождаются въ своихъ родныхъ горахъ и съ дѣтства приучаются владѣть ружьемъ и саблѣй. Во всемъ этомъ у нихъ много общаго съ нашими казаками.

Быть солдатами, индусовъ не принуждаютъ: они идутъ на службу по собственной волѣ и даже въ мирное

Обозъ индусскихъ войскъ на Западномъ фронтѣ.

время, командиры полковъ стоящихъ въ Индіи, осаждаются просьбами туземцевъ принять ихъ въ строй и индусы бываютъ не на шутку огорчены, когда имъ отказываютъ по недостатку вакансій.

Сики, Пенджабцы и Гурхасы, составляють главную силу арміи. Шикари прекрасные солдаты, видные, рослые, неуступающіе по внѣшнему виду, нашей гвардіи. Въ-

рують они въ Вишну и Сиву, не употребляютъ спиртныхъ напитковъ и не курятъ. Названіе ихъ произошло отъ стариннаго слова Singh—львы. Племя Гурха имѣетъ много общаго съ японцами какъ по внѣшнему виду, такъ и по воинскимъ достоинствамъ.

Раненые индусы.

Они единственные изъ индійскихъ войскъ, не носящихъ тюрбановъ. Пенджабцы носятъ особые тюрбаны, такъ называемые kullah, вродѣ, конической формы беретовъ. Гурхасы носятъ круглыя шапки надвинутыя на ухо, что имъ придаетъ особенно лихой видъ. И тутъ улавливается сходство съ нашими казаками!..

Гурхасы очень характерная раса и по вѣрности прися-

гѣ, они составляютъ очень полезное войско и для мирнаго времени. Во время возстанія Сипаевъ, они показали свою преданность англичанамъ.

Индусскіе полки формируются по племенамъ и принадлежности къ одной религіи.

М. Д.

Раненые Сики читають извѣстія съ войны.

ИХЪ МАСКАРАДЪ.

Рис. Л. М.

Французскій художникъ со словъ очевидца изобразилъ импровизированный „маскарадъ“ прусскихъ рыцарей, поджегшихъ въ одномъ изъ завоеванныхъ городковъ дома, для иллюминаціи и разграбившихъ бѣлошвейный магазинъ, чтобы уустроить своеобразный „костюмированный балъ“: въ дамскихъ сорочкахъ и корсетахъ...

*Этот снимок был произведен корреспондентом большой газеты, находившимся во время взрыва
в нескольких ярдах от дома. Таковы разрушения, производимы одним снарядом и поэтому
легко вообразить, что могут сделать несколько бомб!..*

*Разрывъ снаряда изъ 12 дюймового полевого орудія австрійцевъ.
Орудіе это было захвачено русскими.*

Замѣтка А. С., со снимками Г БИРСОНА.

Видѣли ли вы когда-нибудь, какъ разрываются бомбы?.. Если не видѣли, то предлагаемая ниже статья васъ заинтересуетъ и дастъ понятіе о томъ, что чувствуютъ наши братья, живущіе подъ непрерывнымъ огнемъ снарядовъ...

Во время большой битвы, происшедшей близъ одной фламандской деревушки, непрерывно на нее сыпались, въ теченіе двухъ дней и двухъ ночей, снаряды по тридцати въ минуту!..

Это даетъ понятіе о томъ, какую роль играетъ артиллерія въ настоящей войнѣ. И во время этого кошмарнаго града, изъ восьмидесяти тысячъ бомбъ, смертей было сравнительно немного...

Бомбы всякій разъ „твердятъ“ солдату, что бѣжать отъ нихъ, значитъ облегчить ихъ страшное дѣло: гораздо лучше просто не слѣша выйти изъ опасной зоны, то есть изъ подъ обстрѣла. Но конечно, когда бомбы попадаютъ непрерывно въ определенное мѣсто, на примѣръ, въ батарею, то, конечно, надо удалиться и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше.

Лучшій учитель—первая бомба. Пролетая мимо, она производитъ нѣчто вродѣ стenanія или вопля, потомъ разрывается, и на мѣстѣ ея разрыва обра-

зуется глубокая воронка, отъ которой во всѣ стороны летятъ осколки обыкновенно довольно большого размѣра, вполнѣ способные, если не убить, то тяжело ранить...

Если боольшіе снаряды падаютъ прямо на землю, то кверху летитъ столбъ пыли, смѣшанной съ чернымъ маслянистымъ дымомъ, но если они не упадутъ прямо на войска или артиллерію, то большого вреда они не приносятъ, такъ какъ мягкій грунтъ отнимаетъ у нихъ силу. Падающая же на шоссе или мостовую, они приносятъ гораздо больше урона...

Слѣдить, за полетомъ „чемодановъ“ вовсе не представляетъ такой опасности, какъ это кажется съ виду. Тяжелыя орудія не такъ то быстро мѣняютъ направленіе выстрѣловъ. Они могутъ удлинять и укорачивать разстояніе по желанію, но направленіе обыкновенно устанавливается на извѣстный періодъ.

Часто можно находиться подъ бомбами въ совершенной безопасности, внимательно слѣдя за ихъ полетомъ и разрывомъ...

Чтобы разрушить какое-нибудь строеніе или линію домовъ, требуется очень большое количество снарядовъ. Съ перваго взгляда кажется несомнѣннымъ,

Разрушеніе, произведенное „чемоданомъ“ въ одной изъ осажденныхъ крѣпостей. Чулунная покрывка форта была снесена въ сторону, и картина напоминаетъ мѣстность, разрушенную землетрясеніемъ...

Яма, вырытая разорвавшимся снарядомъ на улицѣ одного города во Франціи, во время бомбардировки.

что такой громадный снарядъ вполне способенъ разрушить домъ до самаго основанія. Но это вѣрно въ отношеніи развѣ только крупнѣйшихъ „чемодановъ“, болѣе же мелкіе снаряды требуются для этого въ значительномъ количествѣ.

Истребленіе такихъ историческихъ памятниковъ, какъ Реймскій Соборъ объяснено скорѣе пожарамъ, производимымъ снарядами, чѣмъ разрушительному ихъ дѣйствію.

Снаряды иногда падаютъ чрезвычайно оригинально. Я знаю случай, когда въ одномъ изъ осажденныхъ городовъ бомба упала въ частный домъ, въ которомъ кампанія, состоявшая изъ четырехъ человѣкъ, сидѣла за круглымъ столомъ и играла въ карты. Бомба разорвалась надъ столомъ, причемъ всѣ четверо были убиты, а карты остались лежать на нетронутомъ столѣ... Игнали чѣмъ вистъ и только что была начата таля; козырями были черви... Въ другой домъ, гдѣ находилась женщина съ ребенкомъ и лежало двое раненыхъ, снарядъ проникъ сверху... Двое раненыхъ и женщина были убиты наповаль, а ребенокъ остался живъ... Кромѣ него, осталась живой еще золотая рыбка, спокойно плававшая въ бокалѣ на столѣ!.. Одинъ изъ такихъ случаевъ разсказанъ въ № 1 „Аргуса“, подъ названіемъ „Чудесное на войнѣ“...

Если прослѣдить за дѣйствіемъ снарядовъ, — поневолѣ становишься завзятымъ фаталистомъ.

Гораздо больше впечатлѣнія производитъ на человѣка послѣдствія разрыва снаряда, чѣмъ самый его разрывъ. Дороги всѣ исковерканы воронками, широкими и глубокими, и ѣзда по нимъ становится совершенно невозможной. Такое же

грустное впечатлѣніе производить дома, изрѣшенные снарядами... Вотъ что записать одинъ корреспондентъ, прѣхавшій въ городъ, который бомбардировали нѣмцы въ теченіе нѣсколькихъ дней и продолжали бомбардировать и въ его присутствіи:

„Весь городъ въ огромныхъ дырахъ, почти симметричныхъ, величиной въ десять, двѣнадцать футовъ въ діаметрѣ и около шести футовъ глубины. Нѣкоторые снаряды попали въ дома и, продѣлавъ въ каменныхъ стѣнахъ совершенно круглыя отверстія, буквально вымели изъ нихъ всю обстановку черезъ потолокъ или окна... Двери, отворившіеся внутрь, были выброшены на улицу точно пинкомъ ноги какого-нибудь нетерпѣливаго гиганта. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ вся передняя часть домовъ была снесена и видѣлась внутренность, какъ это бываетъ въ кукольныхъ домахъ для дѣтей...

Нѣкоторые дома наоборотъ, кажутся совершенно цѣлыми, но войти въ нихъ невозможно, такъ какъ внутренности не существуетъ и лѣстница начинается прямо со второго этажа!..

На однихъ улицахъ дома совсѣмъ уничтожены, на другихъ—только частью. Нѣсколько крышъ сплошь покрыты пухомъ изъ перинъ, такъ какъ снарядъ пролетая захватилъ ихъ и добросовѣстно вытрясъ на крыши ихъ содержимое. На каждой улицѣ оказывалось что-нибудь новое,—такъ одинъ разрушенный домъ представлялъ собою смѣшанную массу кирпича и остатковъ обстановки, а на нетронутомъ уступѣ стѣны спокойно висѣло пальто и шляпа владѣльца квартиры, въ такомъ видѣ, какъ онъ оставилъ ихъ, придя домой!..

Нѣкоторые части домовъ съ тихимъ, угрожающимъ шумомъ рушились на моихъ глазахъ.

Но самый ужасный видъ представляли собою церкви, на которыхъ, главнымъ образомъ, сосредоточивался огонь германцевъ... У одной крыша была сожжена и тонкая башня склонилась внизъ; на ея остаткахъ висѣли старые колокола, другіе, упавъ внизъ въ без-

порядкѣ и съ отбитыми краями, лежали на полу. Тамъ и сямъ я наткался на остатки разбитыхъ статуй святыхъ и разрушенные алтари.

Вездѣ, въ всѣхъ странахъ, гдѣ пронесся смерчъ войны, въ Бельгіи, Франціи, Германиіи, Сербіи и Россіи, бомбы во всѣхъ видахъ несли съ собой разрушеніе. Оотъ одного авіатора мнѣ удалось услышать фразу:—„она таяла съ каждымъ днемъ на нашихъ глазахъ!.. Онъ говорилъ такъ про деревню, которую обстрѣливали обѣ стороны.

Интересно припомнить мои собственные впечатлѣнія подъ самымъ тяжелымъ огнемъ. Каждые пять снарядовъ убивали и ранили человѣка; я вель тогда записки во время самой бомбардировки.

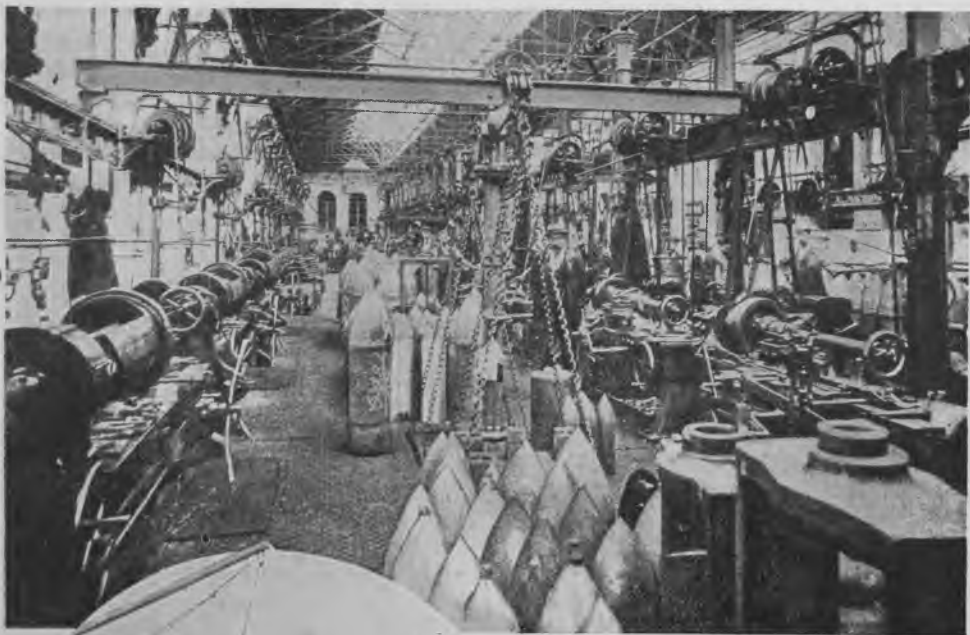
Вотъ отрывки изъ этихъ записокъ:

„Выстрѣлы слышались со всѣхъ сторонъ. Главное вниманіе вражеской артиллеріи направлено въ сторону батарей, расположившихся вблизи деревни, но часто снаряды попадаютъ и въ самую деревню.

Только что прибыла новая батарея и расположилась на главной улицѣ. Артиллеристы очень веселы. Надъ нашими головами пронесся аэропланъ „Таубе“ и въ воздухѣ повисли двѣ спирали дыма. Скоромы узнали и о результатахъ: одна бомба разорвалась на черепичной крышѣ церкви и тамъ образовалось облако красного дыма, вторая попала наа домъ и сразу же поднялся столбъ желтаго дыма, третья унала въ середину батареи и въ результатѣ шесть лошадей убито и передокъ пушки залить кровью, а поперекъ своего орудія лежалъ убитый наповаль артиллеристъ...

Всѣ артиллеристы двинулись съ своими пушками ближе къ намъ и на мѣстѣ остался только опрокинутый передокъ и куча мертвыхъ лошадей. Артиллериста перенесли во временный госпиталь, но (было уже все кончено.

Но веселость артиллеристовъ отъ этого ничуть нее пострадала. Одинъ изъ нихъ, сидѣвшій на передкѣ въ то время, когда на него упалъ снарядъ, отправился теперь за своимъ походнымъ мѣшкомъ,

*Мѣсторожденіе англійскихъ бомбъ,
отдѣленіе Вульвичскаго арсенала.*

Снаряды грузятъ на военное судно.

оставленнымъ на мертвой лошади. Онъ вернулся съ мѣшкомъ въ рукахъ, запачканныхъ кровью. Потомъ, немного поздиѣ, онъ снова отправился туда же съ двумя лошадьми и привезъ передокъ. Нѣсколько стрѣлковъ пришли въ деревню и теперь посылались сюда

больше сигналовъ и больше выстрѣловъ... Артиллерійскій офицеръ, рядомъ со мною, раненъ въ голову осколкомъ шрапнели и весело кричить, приказываетъ своему денщику подать ему дорожный несесерь. Потомъ онъ самъ перевязываетъ себѣ рану. Отъ строеній вблизи церкви остались одни воспоминанія, — крыши нѣтъ ни одной. Дальній конецъ деревни въ развалинахъ, но еще къ счастью до сихъ поръ не было пожара. Наша артиллерія отвѣчаетъ яростнымъ огнемъ, но непріятельскіе снаряды сыпятся одинъ за другимъ...

Раненъ велосипедистъ, раненъ полковникъ, ранена деревенская старуха, которую, несмотря на увѣренія, что ей не больно усаживаютъ съ ея мужемъ въ телѣжку и выпроваживаютъ вонъ изъ деревни. Кто знаетъ, найдутъ ли они что-нибудь здѣсь, когда вернутся домой?.. Завтракалъ сейчасъ съ офицерами въ уцѣлѣвшемъ домѣ. Настроены всѣ пре-

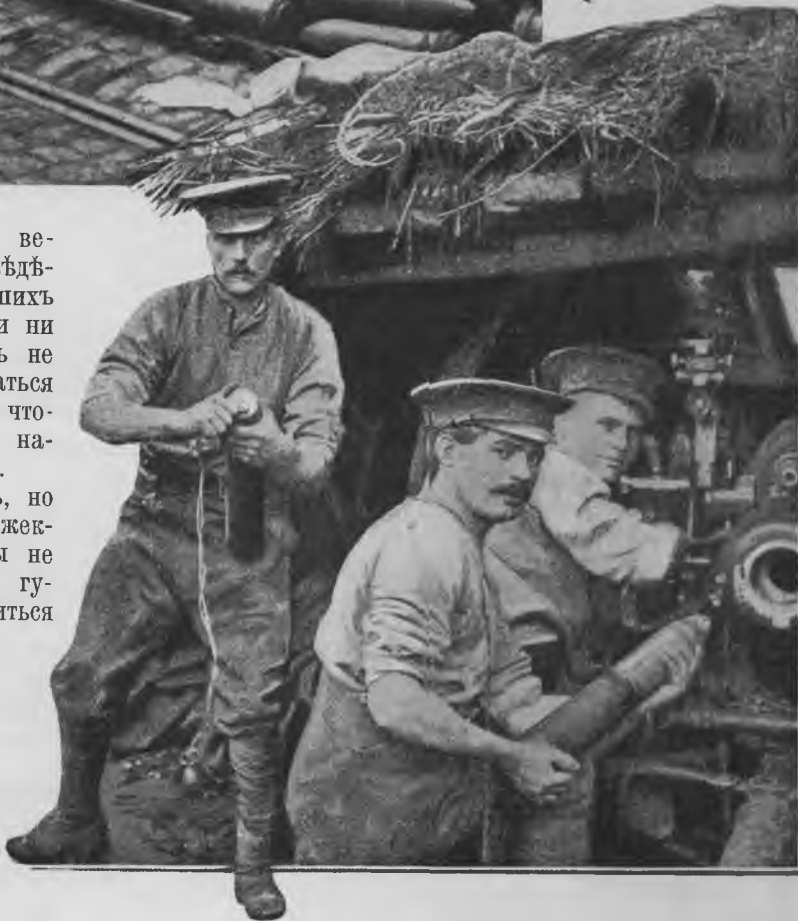
красно и завтракъ былъ превосходенъ, достали цыплятъ и картошки.

Попаданія въ батарею становятся все чаще. Привязной воздушный шаръ позади германскихъ ли-

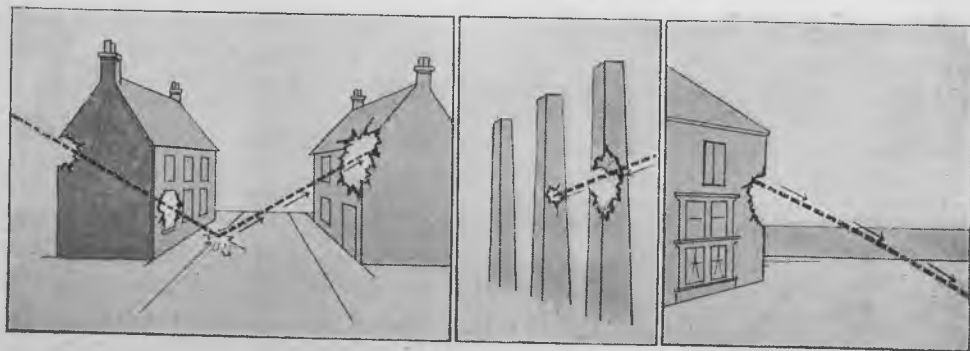
Пилоты для кайзера!.. Снаряды на набережной во Франціи, приготовленные для отправки на фронтъ.

ній даетъ имъ великолѣпныя свѣдѣнія насчетъ нашихъ расположеній, и ни одинъ человекъ не можетъ показаться посреди улицы, чтобы въ него не начали стрѣлять...

Настала ночь, но при свѣтѣ прожекторовъ снаряды не переставали съ гуломъ проноситься мимо насъ. Наша батарея отвѣчала точно нехотя и потому по приказанію полковника замолкла. Солдаты собрались въ какомъ то подвалѣ, при тащили туда найденный гдѣ то грамофонъ и

Бомба наготовѣ къ путешествію!.. Снимокъ показываетъ внутренность батареи на передовыхъ позиціяхъ. Сверху блиндажъ прикрытъ сухой травой и незаметенъ даже для авіаторовъ. Артиллеристы вкладываютъ снарядъ въ пушку, а солдатъ нальво приготовляетъ шрапнельную бомбу.

На первомъ рисункѣ снарядъ, пронизавъ насквозь маленькій домикъ, ударился въ мостовую, а оттуда въ стѣну противоположнаго дома, идѣ и изсякла его сила. На второмъ рисункѣ показано, какъ бомба, пролетѣвъ черезъ фабричную дымовую трубу, застряла въ слѣдующей. На третьемъ рисункѣ представленъ полетъ снаряда, направленнаго въ маякъ въ Гартпуль. (Англія). Но бомба, пролетѣвъ мимо маяка, попала во второй этажъ частнаго дома, идѣ и убила двухъ женщинъ.

вполнѣ счастливы. Офицеры пишутъ письма.

Ночь была бурная и бушевавшій вѣтеръ мѣшалъ спать, хотя нѣмцы и сохранили намъ крышу надъ головой.

Едва взошло солнце, какъ вражескія батареи снова принялись за работу. При солнечномъ свѣтѣ разрывъ снарядовъ очень красивъ, особенно когда снаряды падаютъ на черепичную крышу и оттуда поднимается красноватое облако...

Снаряды задѣли домикъ, отстоявшій отъ деревни въ сорока ярдахъ, и сѣноваль, отъ котораго только что отошелъ поѣздъ Краснаго Креста, ночевавшій тутъ...

Одна изъ бомбъ упала въ прудъ, изъ котораго солдаты брали воду, что они впрочемъ и продолжали дѣлать, едва обративъ на нее вниманіе!..

Авиаторы говорятъ, что наша деревня похожа на кусокъ сыра... Непонятно, какъ могутъ тутъ передвигаться люди и орудія.

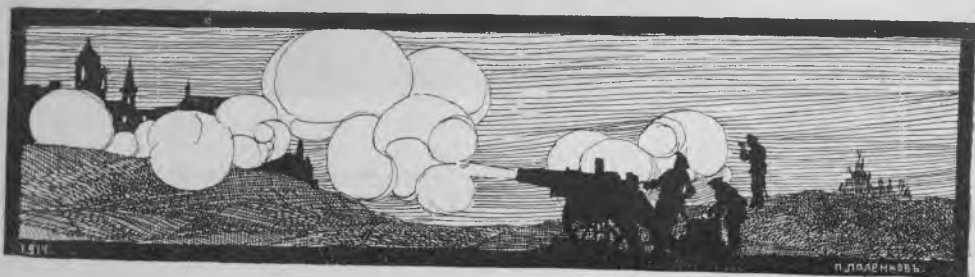
Подойдя къ одной изъ воронокъ, сдѣланной снарядомъ, я убѣдился на дѣлѣ,

насколько бесполезно прятаться отъ бомбъ. Солдатъ залѣзъ въ воронку, чтобы не очутиться подъ выстрѣломъ, и яма была настолько глубока, что онъ вошелъ въ нее почти весь, видна была только голова, которую и снесла ему съ плечъ пролетающая мимо бомба!.. Туловище такъ и осталось стоять приклоненное къ стѣнкѣ...

Но если знать навѣрно направленіе снарядовъ, то спастись на нѣкоторое время легко въ любомъ домѣ или даже сѣноваль.

Въ городахъ теперь въ большомъ ходу погреба. Первое время было странно войти въ подвалъ покинутого на время бомбардировки дома и неожиданно найти владѣльцевъ дома, ведущихъ въ погребѣ повседневную жизнь при свѣтѣ свѣчей и лампъ...

Артиллерія играетъ громадную роль въ нынѣшней войнѣ. Въ одинъ изъ моментовъ войны французскій главнокомандующій сказалъ:

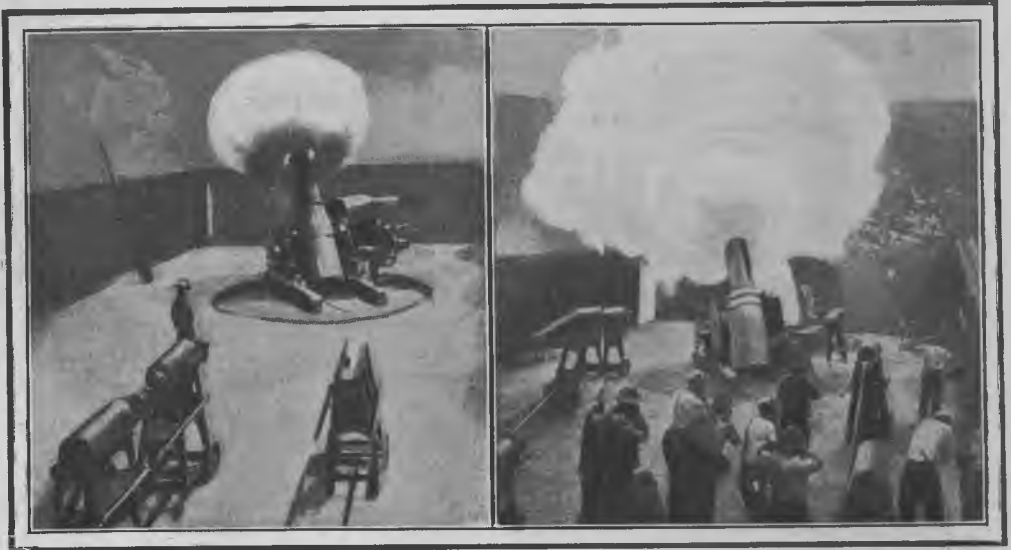
— Теперь ежедневно пушки союзников выбрасывают до двадцати пяти тысяч снарядов... Но мы тогда только дождемся успѣха, когда ихъ число увеличится до восьмидесяти тысячъ!...

Артиллеристы испытываютъ жгучее удовольствіе, разрушая непріятельскія батареи. Я присутствовалъ разъ при томъ, какъ одинъ французскій артиллерійскій капитанъ одну за другой разстрѣ-

они совершенно прямо, потомъ теряются и изъ виду, и только отдаленный грохотъ, показываетъ мѣсто, гдѣ онѣ упали...

Иногда на насъ, ввидѣ разнообразія, летѣлъ ; дождь шрапнелей, гораздо болѣе убійственный...

Въ общемъ надо признать, что огонь большихъ снарядовъ болѣе шумливъ, чѣмъ опасенъ, и къ нимъ скоро привы-

Два момента выстрѣла изъ пушки новѣйшей системы.

ливалъ непріятельскія пушки, очень искусно скрытыя въ зелени. Но пушки самого капитана помѣщались на вершукѣ средневѣковой башни, и для него препятствій не существовало!.. Но зато, сколько вытерпѣла несчастная башня... Вся земля вокругъ нея была изрыта нѣмецкими снарядами и сама она такъ изрѣштена ими, что, навѣрно, рухнула бы, будь она современной!.. Съ площадки наверху мы видѣли, какъ прямо на насъ летѣли вражескія бомбы, направленныя въ траншеи у подножія башни. Курьезно видѣть, какъ летать

каешь, и, и грозный шумъ ихъ разрывовъ переставаетъ дѣйствовать на нервы.

Ружейный огонь куда болѣе опасенъ, во-первыхъ, потому, что пушку заряжаютъ вдали отъ васъ, а разъ слышится ружейный залпъ, то это значитъ, что врагъ близко, цѣлится въ определенную избранную мишень, быть можетъ, въ васъ!.. Но совершенно правъ и тотъ доброволецъ, который говорилъ:

— Нѣ все ли равно, изъ чего быть убитымъ—изъ пушки или изъ ружья, разъ можно остаться живымъ!..

А. С.

Въ складахъ Комитета постоянно находятся цѣлыя горы обуви,—сапогъ, валенокъ, калошъ, которыхъ ежедневно раздаютъ по нѣсколько сотъ паръ.

Къ очерку „Живое Дѣло“.

Въ приемной Комитета писаря проверяютъ пришедшихъ изъ юггородскихъ лазаретовъ и госпиталей солдатъ и распределяютъ ихъ по ихъ ведомостямъ къ отправкѣ на позиціи, на поправку, на родину и въ чистое увольненіе. ие.

ЖИВОЕ ДѢЛО.

Очеркъ А. З. Снимки для „Аргуса“ А. А. Федорова.

Если техническія усовершенствованія современной войны поражаютъ насъ своей дьявольской губительностью и если эта война является единственной по своимъ ужасамъ, то мы можемъ искать утѣшеніе въ томъ, что эта же техника усовершенствовала дѣло и средства подачи помощи, и жертвы войны уже не испытываютъ тѣхъ лишеній и страданій, какія выпадали имъ въ прежнія времена. Съ каждой войной помощь раненымъ дѣлается полнѣе и активнѣе и въ настоящее время доведена, кажется, до послѣдняго предѣла гуманности и технического совершенства. До безсмертнаго Дюнана, который сумѣлъ создать учрежденіе Краснаго Креста,

положеніе раненыхъ въ бою было ужасно: кое-гдѣ разбросанные врачебные пункты обслуживались однимъ—двумя врачами съ неумѣльными помощниками. Ухода за ранеными и не было. Ихъ сносили въ кучи, переревязки дѣлались простыми тряпками, съ операций производились тупыми ножами, о хлороформѣ не имѣли понятія. Современное открытіе, антисептика еще не была достояніемъ хирургіи, и раненые, оперируемые, погибали почти и все отъ зараженія крови. Теперь уже и объ этомъ нѣтъ и помину. При современной войнѣ мы видимъ цѣлыя кадры докторовъ, фельдшеровъ, сестеръ милосердія, санитаровъ, усовершенствованныя носилки, усовершенство-

Въ складахъ Комитета постоянно имѣются груды шапокъ, брюкъ, разнаго бѣлья, которыми надѣляются ежедневно нѣсколько сотъ человѣкъ.

ванные повозки, питательные пункты, врачебная помощь на самыхъ мѣстахъ боевъ и, наконецъ, эвакуація раненыхъ, доведенная до полного совершенствованія: санитарные поѣзда со всѣми удобствами подходятъ почти къ мѣсту боя *), раненаго больного постепенно отвозятъ все дальше и дальше отъ мѣста сраженія, а ближайшіе лазареты уже обслуживаютъ новыхъ. Операции не имѣютъ смертельнаго исхода, ампутаціи рѣдки—и безногихъ, безрукихъ все рѣже и рѣже встрѣчаетъ мирный обыватель. И правительство, и общество прилагаютъ всѣ усилія къ тому, чтобы смягчить ужасы войны и, если насъ поразила картиною бѣдствій послѣдняя японская война, то въ то же время она просвѣтила насъ въ дѣлѣ помощи раненому и при современной

войнѣ мы уже не видимъ тѣхъ бѣдствій, которыя приноситъ война. Все, чѣмъ можно смягчить страданія раненаго,—нѣжная любовь и вниманіе, послѣднія открытія науки, послѣднія техническія усовершенствованія—все примѣнено къ дѣлу помощи. Современное общество къ сожалѣнію еще недостаточно освѣдомлено о всѣхъ заботахъ, которыя прилагаютъ у насъ въ настоящую войну къ раненымъ воинамъ, а между тѣмъ для общественнаго самосознанія это необходимо. Широкое знакомство съ постановкою у насъ дѣла помощи раненымъ смягчило бы тѣ картины ужаса, которыя рисуетъ наше воображеніе, и всѣ, имѣющіе родныхъ и близкихъ на войнѣ, съ меньшимъ трепетомъ думали бы объ ихъ участи. Насколько внимательны заботы о раненыхъ и больныхъ солдатахъ и какъ далеко онѣ простираются,—нагляднымъ примѣромъ можетъ служить

*) См. статью „Чудо поѣздъ“ Аргусъ № 3.

благотворительная дѣятельность Великой Княгини Маріи Павловны, устремленная на то, чтобы снабжать вольной одеждою нижнихъ чиновъ, увольняемыхъ на родину изъ всѣхъ безъ исключенія лѣчебныхъ заведеній. Государь Императоръ поручилъ это дѣло ей заботамъ и она приложила къ нему все свое вниманіе.

Въ Петроградѣ особенно ярко выступаетъ дѣятельность основаннаго ею для этой цѣли комитета, и присмотрѣвшись къ его животворной дѣятельности можно сразу оцѣнить, какую громадную пользу приноситъ онъ всѣмъ, пострадавшимъ за родину.

Дѣятельность его сосредоточена при сортировочномъ госпиталѣ въ концѣ Калашниковскаго проспекта. Трогательна своей задушевностью и порази-

тельна своими размѣрами картина дѣятельности этого пункта. Изъ всѣхъ лазаретовъ и госпиталей Петроградскаго округа, а также и съ пунктовъ распредѣленія—сюда стекаются всѣ тѣ, которые послѣ лѣченія признаны совершенно негодными къ военной службѣ и подлежащими отправкѣ на родину, а также тѣ, которыхъ отсылаютъ на родину на время для поправки. Еще въ прошлую войну всѣ эти герои уходили домой въ своемъ поношенномъ казенномъ платьѣ, неерѣдко походившемъ на лохмотья, въ разорванныхъ сапогахъ, зачастую, беезъ бѣлья, не говоря уже о томъ, что въ матеріальномъ отношеніи положеніе ихъ всѣхъ было безнадежно. Комитетъ подъ покровительствомъ Великой Княгини Маріи Павловны устранилъ это бѣдствіе. Съ ранняго утра толпами приходятъ изъ лазаретовъ и госпиталей

Цѣлыми штабелями сложены на складъ нижнее бѣлье, носки, чулки и шарфы, расходъ которыхъ ежедневно пополняется свѣжимъ запасомъ.

Во врачебной Комиссии происходит освидетельствование выздоравливающего, и Комиссия тут же решает, к какой отнести категории того или другого—одних посылают снова на позицию, других—в слабые команды, временно на родину для поправки и в чистый отпуск.

Идущим на родину для поправки и советам в отставку раздается одежда.

освобожденные от службы солдаты, недавніе герои передовыхъ позицій. Ихъ немедленно сортируютъ на подлежащихъ отправкѣ на родину временно и окончательно. Послѣ этого тотчасъ приступаютъ къ снабженію ихъ бѣльемъ и одеждою.

Въ особомъ помѣщеніи расположены громадныя склады комитета, и чего нѣтъ въ этихъ складахъ! Груды наваленной обуви: тутъ и валенки, и крѣпкіе сапоги, и огромныя высокіе сапоги изъ бурки, и галоши. Рядомъ цѣлыми штабелями лежатъ теплыя фуфайки, егерское бѣлье: простое бѣлье, а дальше шапки, рукавицы, шарфы, полушубки, пальто, овчинныя шубы. Полное снаряженіе, кончая палкою и костылемъ для увѣчнаго воина. Солдатъ распредѣлили, записали, поставили въ очередь и, по мѣрѣ вызова фамилій, они идутъ другъ за другомъ къ складамъ, гдѣ имъ

подъ присмотромъ офицеровъ и представителей отъ попечительства, начинаютъ раздавать одежду: носки, кальсоны, рубаашку, сапоги, брюки, пиджакъ или теплую жилетку, а потомъ пальто, тулупъ или шубу. смотря по степени отдаленности отъ Петрограда.

Захвативъ все приданное въ охапку, уходятъ солдатики въ сосѣдній громадный залъ и здѣсь начинается ихъ переодеваніе: солдатикъ снимаетъ съ себя сѣрую шинель, рваные сапоги, грязное бѣлье и одѣвается во все чистое и новое, преобразовываясь совершенно въ чисто одѣтого и тепло обутого. Онъ снабженъ во всемъ: если ему для раненой ноги нужна палка или костыль, то и они даются ему изъ хорошаго, прочнаго матеріала.

Послѣ этого онъ идетъ на провѣрку и осмотръ, гдѣ ему дадутъ списокъ его вещей и направляютъ дальше.

Передъ тѣмъ, какъ поступить для осмотра въ Комиссію, каждый прибывшій раненый долженъ быть гладко остриженъ и вымытъ. Въ огромной ванной комнатѣ у окна на табуреткѣ происходитъ непрерывная стрижка, по 300—400 головъ въ день.

Мало снабдить отъѣзжающаго на родину одеждой,—ему надо оказать еще и матеріальную помощь, и помощь въ содѣйствіи къ полученію пособія изъ Комитета о раненыхъ. Для того, чтобы получить

получивъ его свидѣтельство, снимаетъ копію, прилагаетъ ее къ прошенію и посылаетъ въ Комитетъ о раненыхъ.

Пройдя комнату, гдѣ солдатъ подписалъ свое прошеніе, онъ идетъ въ

Въ особой залѣ происходитъ проверка полученной вольной одежды и переодѣваніе. Солдатъ сбрасываетъ съ себя форменную одежду, которую складываютъ и убираютъ для нуждъ войскъ, и тутъ же переодѣвается вольнымъ человѣкомъ.

это пособіе онъ долженъ представить копію свидѣтельства о степени его раненія; копіи этой дожидаться долго. Комитетъ приходитъ и въ этомъ дѣлѣ на помощь солдату: передъ отправкою, для него составляется прошеніе, которое онъ подписываетъ, а Комитетъ уже отъ себя,

слѣдующую, гдѣ ему выдаютъ пропускъ на проѣздъ и деньги сообразно разстоянію его проѣзда по расчету 46 коп. на день. Но этого мало—нужна кромѣ этого еще какая нибудь сумма на обезпеченіе первыхъ дней его пріѣзда. И Комитетъ выдаетъ каждому солдату ту

Все кончено. Снабженный прогонными деньгами и пособием, и переодетый в вольную одежду, бывший солдатик готовится к отправке на родину и ожидает только проверки своих документов.

Вымытые и остриженные солдаты, приведенные из всех госпиталей и лазаретов, сидят под наблюдением сестрицы в ожидании вызова в Врачебную Комиссию для осмотра.

или иную сумму въ зависимости отъ его положенія. Надо прибавить къ этому, что солдатамъ, уѣзжающимъ на родину, тамъ же выдаетъ пособие и Общество Русскихъ Заводчиковъ.

Процедура окончена. Солдаты одѣты, обуты, снабжены проездными билетами и небольшою суммою денегъ. Послѣ этого ихъ развозятъ по вокзаламъ постепенно — болѣе слабыхъ на моторахъ, а болѣе сильныхъ на трамваѣ, путь котораго проложенъ специально отъ самаго помѣщенія комитета до Варшавскаго вокзала, мимо Николаевского.

* * *

Такова дѣятельность Комитета. Чтобы оцѣнить его работу, надо прибавить, что онъ успѣваетъ ежедневно одѣть, обуть и отправить нѣсколько сотъ человѣкъ! Сколько здѣсь кладется и труда энергіи, можетъ себѣ представить каждый.

Каждый солдатъ, словно ребенокъ, радуется новой одеждѣ и нерѣдко случается, что такой шубы, такихъ сапогъ, такого бѣлья этотъ герой не видалъ во всю свою жизнь. Быстро его ведутъ дальше, гдѣ онъ подписываетъ прошеніе въ комитетъ о раненыхъ; дальше — получаетъ деньги и уже, готовый къ отправкѣ, ждетъ своей очереди сѣсть въ автомобиль или на трамвай.

Едва отправили ихъ, какъ идетъ чистка помѣщенія и заготовка вещей для слѣдующихъ.

Наступаетъ завтра и, словно волны въ прибой, катятся къ нимъ новыя партіи изъ лазаретовъ и госпиталей. И такъ цѣлые сутки. А кромѣ снабженія одеждой за время отъ ихъ прихода до времени ихъ ухода имъ всѣмъ надо дать помѣщеніе, размѣстить по койкамъ, напоить, накормить, а иногда оказать и временную медицинскую помощь. И все это дѣлается быстро, ровно. Огромная машина въ тысячу колесиковъ приво-

дится въ движеніе какимъ-то невидимымъ колесомъ.

Такъ работаетъ Петроградскій пунктъ этого Комитета. Но такіе пункты раскиданы по всей Россіи. Порученное Великой Княгинѣ Маріи Павловнѣ, это дѣло охватываетъ всю Россію и въ главныхъ городахъ находятся пункты, подъ вѣдѣніемъ губернаторовъ или воинскихъ начальниковъ. И уже въ настоящее время нельзя увидѣть ободраннаго, почти нищаго инвалида, какихъ мы видѣли послѣ Японской войны. Одѣтые, обутые, снабженные всѣмъ необходимымъ, они всѣ чувствуютъ гордое удовлетвореніе въ сознаніи, что Царь и общество по возможности вознаградило ихъ за боевую страду.

А. З.

Солдатикъ, получившій вольную одежду, собирается идти въ залъ для переодеванія.

Русской веснѣ.

Стих. Д. Цензора.

Родная русская весна,
Ты вновь ярка зеленой нововью.
Но въ этотъ годъ ты крещена
Враждой, отвагою и кровью.

Теперь въ ласкающихъ очахахъ
Горитъ мятущееся пламя, ,
Звенишь кольчуга на плечахъ,
Въ рукѣ воинственное знамя.

Отбросивъ тонкую свирѣль,
Забывъ мечты для грозныхъ боевъ,
Ты кличешь кличъ, и буйный хмель
Туманишь головы героевъ .

И только нѣжные цвѣты,
Что неизмѣнно жизни милы,
И въ этотъ годъ приносишь ты
На безызвѣстныя могилы!

Дмитрій Л. Цензоръ.

На улицахъ Перемышля черезъ шесть часовъ послѣ взятія его русскими войсками.

Площадь въ Перемышль. Направо—полотно желѣзной дороги.

На одной изъ улицъ Перемышля.

ГАЛИЦІЙСКАЯ ТВЕРДЫНЯ.

Впечатлѣнія изъ поѣздки въ Перемышль А. ХИРЬЯКОВА.

Спеціальные снимки для „Аргуса“ капитана С. Корсакова.

Девятого марта прилетаютъ жаворонки.

Вмѣстѣ съ жаворонками въ этотъ день прилетѣла вѣсть о взятіи Перемышля.

— Если бы подъ стѣнами Перемышля собрались всѣ арміи Европы, онѣ все-таки ничего бы не могли сдѣлать и не взяли бы крѣпости, — говорилъ одинъ австрійскій офицеръ.

Эти слова въ устахъ австрійскаго офицера могли быть приняты, какъ хвастовство. Но они вполне гармонировали съ рѣзкимъ отвѣтомъ коменданта Перемышля на предложеніе сдать крѣпость, сдѣланное въ началѣ осады. Австрійцы глубоко вѣрили въ неприступность Пере-

мышля, и, надо правду сказать, у нихъ было достаточно оснований для этой вѣры.

И все-таки девятого марта изъ Перемышля выѣхали съ обычными бѣлыми флагами парламентары и явились въ ставку генерала Селиванова съ предложеніемъ обсудить условія, на которыхъ можно сдать крѣпость.

Они встрѣтили не ласковый пріемъ. Генеральъ Селивановъ заявилъ имъ, что не будетъ обсуждать съ ними никакихъ условій, а будетъ только приказывать, они же должны будутъ исполнять его приказанія.

Извѣстіе о томъ, что сдача Перемышля ожидается къ 13 марта, дол-

Ворота одного из фортов крѣпости.

женъ признаться, меня нѣсколько удивило. Я жилъ въ это время довольно близко отъ знаменитой крѣпости и отъ выстрѣловъ ея большихъ орудій каждый день дрожали стекла въ моей комнатѣ. Мнѣ были извѣстны нѣкоторыя подробности веденія осады. Я зналъ, что была намѣчена высота, которую нужно было взять для устройства на ней наблюдательнаго пункта. Потомъ, когда эта высота была взята или, вѣрнѣе, передъ тѣмъ, какъ она была взята, пришлось принять нѣкоторое участіе въ организаціи вывоза раненыхъ. Вслѣдъ за занятіемъ высоты надо было ожидать усиленнаго обстрѣла нѣкоторыхъ фортовъ и затѣмъ штурма. Къ великому для насъ счастью этого штурма не послѣдовало, и крѣпость сдалась сама безъ лишняго кровопролитія.

Восьмого марта канонада приняла небывалые размѣры. Она длилась весь день и всю ночь. Я былъ увѣренъ, что

происходить рѣшительныя событія, быть можетъ штурмъ и только никакъ не могъ связать эту усиленную канонаду и, быть можетъ, штурмъ съ извѣстіемъ о подвозѣ провіанта къ 13 числу для прокормленія будущихъ плѣнныхъ.

Къ ночи пальба усилилась. На фонѣ темнаго неба, то и дѣло, взлетали ракеты, освѣщая мѣстность. Лучи прожекторовъ, точно огненные пальцы невидимаго великана, обшаривали небо и землю. Стекла въ домѣ дрожали, какъ никогда.

Къ утру все стихло. Чудный, чисто весенній день. Часамъ къ двѣнадцати или часу стало извѣстно, что Перемышль палъ.

Понятно, захотѣлось поскорѣе посмотрѣть вблизи на эту крѣпость, такъ долго задерживавшую движеніе нашихъ войскъ, на этотъ послѣдній оплотъ австрійскихъ защитниковъ Галиціи.

Дорога къ Перемышлю черезъ Радымно—прекрасное шоссе была запру-

жена безконечными толпами австрійскихъ плѣнныхъ. Точно широкая сѣрая рѣка вытекала изъ крѣпости, уходя въ неизвѣстную даль. Сѣрыя шинели, сѣрыя кепи, сѣрыя обертки у ногъ и сѣрая пыль дороги и покрытыя этой пылью сѣрыя лица. Наша коляска медленно пробиралась среди этой сѣрой живой рѣки.

Большинство плѣнныхъ—славяне, съ которыми наши солдаты легко объясняются. Изрѣдка попадаетъ нѣмецъ, и тогда приходится обращаться къ офицеру за помощью.

— Такъ что, ваше благородіе, этотъ и по-австрійски ничего не понимаетъ.

„По-австрійски“ называется невѣроятная смѣсь польскихъ, малорусскихъ и русскихъ словъ, посредствомъ которыхъ наши солдаты объясняются съ плѣнными.

Чѣмъ ближе къ Перемышлю, тѣмъ больше по сторонамъ дороги рытвинъ отъ упавшихъ снарядовъ, тѣмъ больше окоповъ и проволочныхъ загражденій. Впереди цѣпь пологихъ холмовъ, за которыми искусно скрыта первая цѣпь фортовъ крѣпости.

Часовой загораживаетъ намъ дорогу, спрашивая:

— Чтѣто пропускъ?

Я говорю ему сообщенное мнѣ въ Радымно магическое слово пропуска и дорога сія свободна.

За первымъ рядомъ фортовъ послѣ небольшого спуска передъ нами развѣтывается равнина версты на четыре, слегка поднимающаяся по направленію къ городу. Равнина эта оканчивается новой цѣпью холмовъ съ новымъ рядомъ фортовъ. т. Дальше къ городу и еще форты, и чѣмъ ъ дальше, тѣмъ выше. Еще дальше протекаетъ быстрый Санъ, раздѣляющій Перемышль на двѣ неравныя части, а надъ Перемышлемъ господствуетъ гора, съ которой можно обстрѣливать весь городъ и и подступы къ нему.

Чѣмъ ъ дальше я ѣхалъ, тѣмъ больше я радовался, что дѣло обошлось безъ штурма. и. Самоувѣренные слова австрійскаго офицера о неприступности Перемышля все чаще и чаще вспоминались мнѣ, и я не могъ не признать ихъ справедливости. И тѣмъ отраднѣе было сознать, что эта неприступная крѣпость ѣ наша, и что досталась она

Проволочныя загражденія по дорогѣ къ одному изъ фортовъ.

намъ такъ дешево, и что въ ней взята въ плѣнъ непріятельская армія втрое большая, чѣмъ осаждавшія крѣпость наши войска.

Мосты черезъ Санъ были взорваны австрійцами передъ сдачей крѣпости, и мнѣ пришлось оставить лошадей въ Засанѣ и перебраться черезъ рѣку по

улицы Адама Мицкевича — главной улицы города.

Австрійскіе офицеры, щеголевато одѣтые, чистенькіе, розовые, напоминающіе вербныхъ херувимовъ, побрякивая оставленными имъ саблями, съ особенной тщательностью отдають честь нашимъ. Идетъ взаимный обмѣнъ вѣжливости.

Наборъ рекрутовъ въ Австрію.

(Со старинной гравюры, найденной въ Перемышлѣ авторомъ статьи, А. М. Хирьяковымъ).

доскамъ, наскоро положеннымъ на связи опустившагося въ Санъ полуразрушеннаго взрывомъ желѣзнодорожнаго моста.

Въ домахъ, расположенныхъ недалеко отъ мостовъ, отъ взрывовъ вылетѣли стекла, пострадала и черепица на крышахъ. Но этимъ и ограничились разрушенія. Красивый городокъ нисколько не пострадалъ, и жители наслаждались хорошей погодой, прогуливаясь по бульвару надъ Саномъ и по тротуарамъ

Солдаты, тоже одѣтые во все новое, вытягиваются передъ нами, какъ на пружинахъ, и отдають честь съ такой стремительностью, какъ будто все ихъ существованіе зависитъ отъ быстроты отдачіи чести. Люди статскіе съ любопытствомъ разглядываютъ нашихъ, иногда вступая въ разговоры, кто по-польски, кто по-русински.

Если бы не закрытые большею частью магазины, нельзя было бы подумать, что

Набережная въ Перемышль н.

находишься въ городѣ, выдержавшемъ такую продолжительную осаду.

Въ городѣ попадаются очень красивыя зданія, храмы. На высокомъ холмѣ остатки стариннаго замка, построеннаго при Казиміръ Великомъ. Остатки эти основательно отремонтированы и внутри ихъ было устроено театральное зало. Безпорядокъ тамъ страшный: всюду разбросаны бутафорскія вещи, куски декорацій, книги, роли, поломанная мебель и т. п.

Среди этого хлама я обратилъ невольное вниманіе на валявшуюся гравюру неизвѣстнаго мнѣ художника. Гравюра эта, изображавшая молодого рекрута,

вынимавшаго жребій съ отчаяніемъ въ душѣ и въ присутствіи плачущей матери, показалась мнѣ какъ бы символическимъ объясненіемъ причины паденія Перемышля.

Въ самомомъ дѣлѣ, почему сдался Перемышль? ..?

Отъ недостатка съѣстныхъ припасовъ? Такое объясненіе кажется вполне удовлетворительнымъ. Но только на первыхъ порахъ. ПѣПеремышль сдался 9-го марта. Но вѣдь м можно было прорваться. Шансовъ на успѣхъ у Куспанека было очень много.

Но для дѣйствительнаго успѣха у него кой ч чего не хватало.

А. Хирьяковъ.

Первый урок мальчику улицы...

Къ очерку „Клубъ городскихъ дѣтей“.

КЛУБЪ ГОРОДСКИХЪ ДѢТЕЙ.

Очеркъ Л. А., со снимками для „Аргуса“ А. Федорова.

Вамъ—дѣти улицъ большихъ, холодныхъ городовъ, посвящено это благое дѣло.

Вамъ, неумытые, съ большими рахитическими головами, кривыми ножками, блѣдными, болѣзненными лицами.

Только грязь жизни, мерзость борющагося за кусокъ хлѣба челоѣчества и растлѣвающее дыханіе сѣрой, каменной улицы города хорошо знаете вы съ самаго ранняго, младенческаго возраста.

И какъ необычно, звучали въ вашихъ ушахъ слова привѣта, которыми позвали васъ совсѣмъ чужіе люди—изъ безпросвѣтной жизни къ новымъ, манящимъ впечатлѣніямъ.

Когда ушли къ нашей западной границѣ тысячи эшелоновъ запасныхъ предъ общественными дѣятелями съ кричащей ясностью всталъ вопросъ о необходимости всемѣрно помогать семьямъ борющихся за наше существованіе.

Разными путями пошли лучшіе русскіе люди къ осуществленію заботъ о семействахъ запасныхъ.

Совѣтъ Петроградскаго попечительства о бѣдныхъ устроилъ убѣжище для оставшихся безъ призора дѣтей запасныхъ,— клубъ дѣтей.

Задача этого клуба—отвлекать подрастающее поколѣніе отъ тлетворнаго вліянія улицы, давая имъ разумное времяпрепровожденіе подъ надзоромъ руководителей, въ свободное отъ школьныхъ занятій время. Сюда съ утра собираются ребятишки самыхъ разнообразныхъ возрастовъ, отъ едва умѣющихъ ходить и вплоть до свободныхъ отъ учебныхъ занятій гимназистовъ, и здѣсь проводятъ досуги свои.

Рабочій день клуба распределенъ на 4 смѣны. (Съ 9 до 12 часовъ утра въ клубъ приходитъ самая мелюзга, занятія съ ней не сложны—больше игры да рассказы. (Съ 12 до 2-хъ въ клубъ посѣщеній нѣтъ, такъ какъ въ это время предназначается для обѣда у себя дома. Отъ 2-хъ до 5-ти клубъ наполняется шумомъ и гамомъ, явившихся сюда послѣ занятій школьниковъ городскихъ училищъ. Приблизительно тотъ же контингентъ посѣдителей составляетъ и 3-ю смѣну отъ 5 до 8, хотя въ это время приходятъ дѣти и и старшаго возраста освободившіеся отъ ежедневныхъ обязанностей. 4-ю смѣну, отъ 8 до 11-ти, составляютъ юноши, приходящіе въ клубъ для бесѣды въ цѣляхъ самообразованія; въ это время можно встрѣтить и взрослыхъ, пришедшихъ съ фабрикъ почерпнуть свѣта у этого культурнаго очага.

Въ крайнѣйшій уголъ воспитательной системы въ клубъ положена мягкость и ласковое воздѣйствіе на неуспѣвшую еще

загрубѣть дѣтскую душу. Мрачнымъ волченкомъ глядитъ исподлобья на руководительницу впервые приведенный въ клубъ будущій его завсегдатай. Онъ слышалъ отъ бывшихъ товарищей по улицѣ, что тутъ тепло, и свѣтло, и весело, что тутъ не бьютъ, не треплутъ, не бранятъ, но затравленная на заднемъ дворѣ каменныхъ громадъ человѣческая личность его—съ недовѣріемъ относится къ противоестественному на его взглядъ, сердечному отношенію человѣка къ человѣку. Много нужно было любви, неподдѣльной преданности идеѣ и сочувствія къ дѣтскому несчастью, чтобы проломить ледъ дѣтскаго недовѣрія къ добру, чтобы смягчить озлобленность маленькаго человѣка противъ большого, чтобы выявить во всей ея привлекательности чуткую душу, пусть и уличнаго, ребенка.

Результаты на лицо. Едва попадаешь къ маленькимъ клубменамъ, хоръ привѣтливыхъ голосовъ привѣтствуетъ гостя.

— Здравьте, господинъ... Здравьте!..

— Здравствуй, пузырекъ. Гдѣ ваша руководительница?

— А, Варвара Михайловна Ньюшъ пальчикъ перевязываетъ. Изъ мелочной сегодня битую посуду выбрасывали, Ньюшка подняла, а пальчикъ-то и обрѣзала.

Въ большой, свѣтлой комнатѣ одна изъ руководительницъ показываетъ заинтересованнымъ ребятамъ приемы лѣпки изъ скульптурной глины. Дѣти ничего подобнаго никогда не видали, очень заинтересованы новой, занятой работой и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдятъ за ловкими пальцами инструкторши.

— Ну, дѣти, теперь лѣпите сами — каждый что хочетъ...

— Шура, Шура, ты что будешь?..

— А я буду деревню лѣпить.

Предложенная Шурой тема приходится по вкусу всей аудиторіи и къ концу занятій смѣны оказываются на столѣ у работающихъ десятки комочковъ глины, которой неумѣлые, слабые пальчики дѣтвора пытаются придать формы: гдѣ избы, гдѣ воза съ лошадей, гдѣ куръ, а гдѣ и фигуры самаго автора.

Съ шумомъ, со смѣхомъ бѣгутъ дѣти отмыкать отъ рукъ кусочки налипшей

Бумага, карандаши, кисть и краски... Рисуютъ...

Лепитъ фигурки изъ глины.....

глины. Сейчасъ они попьютъ чаю съ чернымъ хлѣбомъ и затѣмъ смѣна должна отправиться домой. Черезъ четверть часа придутъ дѣти слѣдующей смѣны, будутъ другія занятія, вновь 3 часа работы для руководителей, вновь кружка чая передъ отправленіемъ домой: и такъ въ теченіе цѣлаго дня, такъ день ото дня.

Пришла новая смѣна. Къ руководителю подбѣгаетъ семилѣтній карапузъ, на видъ кажущійся гораздо меньше.

— Балысынья буду дезульнымъ. Можно!

— И я : хочу... И я...

Руководительница соглашается.

— Ну, х хорошо. Будутъ сегодня дежурными Ш Шура и Коля.

Мальчуганы въ восторгѣ. Перегоняя другъ друга, бѣгутъ исполнять несложныя обязанности дежурнаго: сначала помочь прислугѣ, или, какъ здѣсь ее называютъ, нянѣ, разставить кружки чая, потомъ помочь перемыть кружки и убрать посуду.

Особенно старается одинъ изъ двухъ—Шура, блѣдный съ большой, какъ пивной котель, головой, съ отсутствующими передними молочными зубами. Методично онъ полощетъ кружку за кружкой въ лоханкѣ и тщательно вытираетъ ее полотенцемъ. Видно, что можетъ изъ него выдти основательный, трудящийся человѣкъ.

Другая смѣна занималась вышиваніемъ по бумажной канвѣ разныхъ звѣрей, цвѣтовъ, грибовъ. Съ особенной любовью этимъ занимаются дѣвочки—женщина сказывается во всемъ. Пятилѣтняя крошка, дѣвочка Нюша самымъ тщательнымъ образомъ тыкаетъ иголку въ отверстіе картонки, аккуратно вышивая бордюръ для контура таксы, который вышила ей старшая семилѣтняя сестра. Мальчики разрисовываютъ вы-

шитые контуры разными красками, хотя и дѣвочки охотно раскрашиваютъ картинки.

Среди занятій въ клубѣ много мѣста отведено и физическому труду: вышиваютъ лобзикомъ, дѣлаютъ рамки для картинъ. Всѣ стѣны помѣщенія клуба обвѣшаны самодѣльными рамами. Какъ-то разъ достали нѣсколько ящиковъ изъ подъ яицъ и смастерили изъ нихъ шкафъ для столярныхъ инструментовъ, очень удобный и, даже, изящный. Много вниманія воспитательнымъ персоналомъ клуба отведено и образовательной сторонѣ программы занятій клуба. Малышамъ читаютъ, въ популярной формѣ знакомятъ съ явлениями окружающаго міра, постепенно вводя ихъ въ кругъ болѣе сложныхъ понятій и идей. Для грамотныхъ организована библиотечка

„Запрещенная игра“.

Различныя рукодѣльныя работы дѣтей „клуба“.

и дѣти замѣтно пристрастились къ чтенію и требованія на книги для чтенія на домъ замѣтно возрастаютъ. Неграмотнымъ дѣтямъ преподають начала чтенія и письма, подготовляя ихъ, въ соотвѣтствующій возрасту, школы, причемъ для отстающихъ по разнымъ причинамъ дѣтей образованы особыя занятія съ спеціальными педагогами во главѣ.

Обязанности руководителей въ клубѣ приняли на себя нѣкоторые члены совета 19-го городского попечительства, многіе сочувствующіе идеѣ дѣтскаго клуба обитатели того района, а главнымъ образомъ, учащая молодежь высшихъ учебныхъ заведеній. Съ большимъ вниманіемъ, съ рѣдкою добросовѣстностью, удѣляютъ лица, взявшія на себя руководство занятіями дѣтей въ клубѣ, нужное для этого большее количество вре-

Интересная сказка.

„На броненосцѣ“.

мени, вкладываютъ въ свой трудъ безукоризненное терпѣніе и терпимость и зачастую матеріальныя средства.

Вопросъ объ этихъ послѣднихъ, какъ и въ большинствѣ нашихъ благихъ предприятий, такъ и здѣсь—самый больной вопросъ. Есть громадная потребность въ существованіи этого оригинальнѣйшаго для воспитанія дѣтей улицы учрежденія, есть идейные люди, готовые личнымъ трудомъ посильно служить одной изъ величайшихъ задачъ всякаго благоустроеннаго общества, воспитанію подрастающихъ гражданъ, но нѣтъ почти матеріальныхъ средствъ и нѣтъ возможности, такимъ образомъ, поставить дѣло на должную высоту. Главный руководитель клуба Д. С. Кира-Донжанъ подыскалъ уже и подходящее бесплатное помѣщеніе южнѣ Петрограда, гдѣ въ четыре смѣны всѣ

250 питомцевъ клуба могли бы по мѣсяцу провести на лонѣ природы, но средствъ на содержаніе ребятъ такъ мало, а ихъ нужно такъ много. И собираютъ преданные дѣлу люди, кое-что уже собрали и не надѣются, нѣтъ, а твердо вѣрять, что удастся все собрать.

Вѣдь, это дѣло перво-степенной важности, это долгъ общества передъ тѣми, погибшими отцами этихъ ребятъ, которые тамъ на далекихъ поляхъ Польши и склонахъ Карпатъ сложили свои головы за свой народъ. Это обязанность наша пе-

редъ подрастающимъ поколѣніемъ тѣхъ будущихъ русскихъ гражданъ, которые создадутъ мощь грядущей, обновленной Россіи.

Пусть тѣ миллионы, которые текли въ пасть злему божеству народнаго пьянства, потекутъ на дѣло воспитанія, вѣрнѣе, всеобщаго воспитанія русскихъ дѣтей. Пусть тѣ десятки тысячъ, которые свободно текли въ пользу и на процвѣтаніе клубовъ азарта, клубовъ нравственной гибели человѣка, потекутъ на пользу и на процвѣтаніе дѣтскихъ клубовъ,—клубовъ нравственнаго возрожденія русскаго народа.

Надо думать, что дѣтскому клубу не дадутъ зачахнуть. Уже многіе общественные дѣятели заинтересовались этимъ прекраснымъ начинаніемъ: дѣти нашихъ доблестныхъ героевъ будутъ обласканы родиной.

СМЕРТНОСТЬ ВЪ ПРОШЛЫЯ ВОЙНЫ.

- — убитые.
- ✕ — умершие отъ ранъ.
- — „ „ „ инфекціонныхъ болѣзней.

Графическое изображеніе смертности въ войскахъ, въ минувшія войны, наглядно показывающее, какіе огромные успѣхи за послѣднее время сдѣлало военно-санитарное дѣло. Кружками обозначены убитые въ бою, крестиками—умершіе отъ ранъ и квадратами—умершіе отъ инфекціонныхъ болѣзней. Въ первомъ столбцѣ слѣва потери Германской арміи во время ея войны съ Франціей, во второмъ—Английской и въ третьемъ Французской во время Крымской войны. Въ четвертомъ—потери Русской арміи въ Русско-Турецкую войну 1877—1878 годовъ и послѣдніе два столбца—меньшія, наши потери, а большіе—японскіе въ Русско-Японскую войну. Въ эту войну у насъ было убито 25.300 человѣкъ, умерло отъ ранъ—6.100 человѣкъ и отъ инфекціонныхъ болѣзней 12.90000 человѣкъ. Тогда какъ въ войну съ турками это соотношеніе рѣзко разнится въ сторону смертности отъ заболѣваній. Тамъ на 16.300 убитыхъ и 6.800 умершихъ отъ ранъ, отъ болѣзней умерло огромное количество—81.500 человѣкъ. Такимъ образомъ бичъ войны инфекціонныя болѣзни побѣждены человѣкомъ, вооруженнымъ наукой и ему удалось вырвать изъ когтетей смерти большее количество людей, чѣмъ ихъ можетъ уничтожить самый жестокой пулеметный огонь и самая огромная пушки.

„Пиръ во время чумы“.
Луиза.

Рис. А. Бенуа.

„Пиръ во время чумы“—эскизъ декораціи А. Бенуа.

ПУШКИНЪ ВЪ ХУДОЖЕСТВЕННОМЪ ТЕАТРѢ.

Сообщеніе АЛЕКСАНДРА БЕНУА, съ эскизами и его декораціи и костюмовъ.

За пятнадцать слишкомъ лѣтъ своего существованія, Московскій Художественный Театръ доказалъ всю исключительную мощь свою въ освѣщеніи сценическою правдой правды жизненной въ многоликихъ ея проявленіяхъ. Къ какому бы моменту, мѣсту или явленію не подходила творческая мысль дѣятелей этого театра, все оказывалось возможнымъ для ихъ достиженій: образы большой художественной красоты являлись намъ съ подмостковъ этого лучшаго, современнаго намъ, театра. Поэтому, когда вынужденные изъ-за переживаемыхъ событій отложить постановку Шиллеровой пьесы: „Коварство и Любовь“, руководители театра приступили къ работѣ надъ инсценировкой „Пушкинскихъ Драматическихъ Эскизовъ“, спокойные за успѣшный исходъ ихъ работы любители съ нетерпѣніемъ ожидали грядущихъ эстетическихъ наслажденій. И

поэтому тѣмъ болѣе чѣмъ неожиданны и непонятны показались отзывы представителей прессы, побывавшихъ на московскихъ спектакляхъ этого театра и почти единодушно отмѣтившихъ неудовлетворительное же съ ихъ точки зрѣнія разрѣшеніе поставленныхъ себѣ руководителями спектакля задачъ. „Пушкина не поняли въѣвъ Московскомъ Художественномъ Театрѣ, — говорили они, — вмѣсто легкой, условной, поэтической музы Пушкина намъ показали сложное, тяжелое сценическое произведеніе, обремененное излишнимъ драматизмомъ игры, обиліемъ деталей и въ постановкѣ, и въ исполненіи“.

Петроградѣ еще не пришлось видѣть этотъ спектакль, и потому наше сужденіе будетъ самостоятельнымъ лишь послѣ предстоящихъ здѣсь съ начала мая гастролей М Московскаго Художественнаго Театра. Но редакция журнала „Аргусъ“,

Моцартъ—рис. А. Бенуа.

получая отъ Александра Бенуа, автора и режиссера постановки Пушкинскаго спектакля, сдѣланные имъ эскизы декораций и рисунки костюмовъ, просила его освѣтить ходъ долгихъ работъ, продѣланныхъ и руководителями, и труппой до того момента, пока пьесы этого, во всякомъ случаѣ, выдающагося спектакля увидѣли свѣтъ рампы.

— Когда я рѣшился,—любезно сообщаетъ „Аргусу“ А. Н. Бенуа,—взять на себя работу по постановкѣ трехъ изъ драматическихъ эскизовъ Пушкина: „Каменный гость“, „Пиръ во время чумы“ и „Моцартъ и Сальери“, я понималъ всю тяжесть и отвѣтственность, взятой мною на себя задачи. Но я всегда считалъ себя вправѣ громогласно сказать то, во что вѣрю искренно, глубоко и честно, хотя бы мое пониманіе художественной правды величайшаго нашего генія и расходилось съ принятымъ научными авторитетами толкованіемъ нашего „классика“.

Горе нашихъ современниковъ въ томъ, что Пушкинъ возведенъ въ рангъ „образцовыхъ классиковъ“, поставленъ на недостижимый пьедесталъ, окруженъ сѣтью комментарій, толкованій и разъясненій почтенныхъ пушкинѣйцевъ. Вслѣдствіе этого, далеко скрылась отъ глазъ толпы простая, такая доступная, такая человѣчная творческая личность этого поэта.

Для меня Пушкинъ не „классикъ“, не образцовый писатель, а лишь любимый поэтъ, вѣрнѣе, любимый человѣкъ, такой ясный, такой „свой“, интимный другъ моей души. Поэтому и подходили мы къ нему просто, и безъ ходуль, повели его на сцену нашего театра.

И тѣ, которые должны были воплотить на сценѣ слова поэта,—тѣ прониклись психологіей его любимыхъ героевъ и выявили въ сценическомъ обликѣ задуманные Пушкинымъ образы.

Но если правильно исповѣдуемое Художественнымъ Театромъ убѣжденіе, что хорошій, настоящій театръ долженъ быть театромъ переживаній, то естественно и къ пьесамъ Пушкина нельзя было подойти съ инымъ руководящимъ началомъ. Мы и взглянули на эти пьесы такъ, какъ только могли взглянуть.

Шесть мѣсяцевъ продолжалась сложная, пытливая работа выясненія себѣ лаконически намѣченныхъ Пушкинымъ характеристикъ дѣйствующихъ лицъ: не шадя силы и времени приходилось, какъ бы, выхватывать типичныя черты, создавая постепенно психологическія облики героевъ. Хотя и указывалось нѣкоторыми, что легкій, какъ бы точеный стихъ Пушкина требуетъ такого легкаго отношенія и ко всему спектаклю, который долженъ быть скорѣе поэтиче-

кара небесъ за челоуѣческое своеволие. Эта смерть понятная, ясная, какъ понятна формула дважды два—четыре. Все сводится въ этой пьесѣ къ логическому построению: за преступленіемъ слѣдуетъ должное наказаніе.

Иначе обстоитъ дѣло съ той же проблемой смерти во второй пьесѣ „Пиръ во время чумы“. Здѣсь эта проблема нѣсколько сложнее, здѣсь нарождающийся вопросъ: за что? И хотя формула отвѣта и запутаннѣе предыдущей, но

„Каменный гость“ — третья картина — эскизъ декораціи А. Бенуа.

скимъ празднествомъ въ честь любимаго поэта, чѣмъ сложной сценической интерпретаціей его драматическихъ „опытовъ“, мы все же остались на прежней позиціи. И Сальери-Станиславскій не взлетаетъ легко на гору страстей и трагическихъ мученій, а медленно, уныло ползетъ на нее, отбѣняя игрой своей глубокую мысль Пушкина.

Во всѣ три пьесы Пушкина заключаютъ въ себѣ одинъ и тотъ же вопросъ бытія. Во всѣ они имѣютъ своей общей проблемой—отношеніе къ смерти.

Одна смерть, безбожнаго развратника донъ-Жуана, подносится поэтомъ, какъ

все же въ идеѣ „кары божьей“ можно найти законномѣрность, извѣстное равновѣсіе.

Третья пьеса „Моцартъ и Сальери“ гораздо сложнее подходитъ къ разрѣшенію этой волнующей поэта проблемы. Здѣсь все спутано, тутъ нѣтъ видимой справедливости, тутъ сложная философская задача. Къ этой, нелѣпой на первый взглядъ, кончинѣ генія отъ руки завистника Пушкинъ подходитъ такъ своеобразно, какъ могъ подойти только гениальный і поэтъ, какъ могъ подойти только Пушкинъ. У него смерть Моцарта является, какъ выраженіе закона

Монахъ. (Каменный гость) — А. Бенца.

высшей красоты, какъ необходимая искупительная жертва за гениальность; у него Моцартъ отлетаетъ, какъ Серафимъ, мистически уплываетъ въ высь.

Такъ уходятъ гени: Рафаэль, Моцартъ, такъ ушелъ самъ Пушкинъ.

Большая это была, серьезная, тяжелая работа. Но такая радостная, несущая душѣ большое удовлетвореніе. Каждая изъ пьесъ прежде всего подвергалась общему и рукодителей и артистовъ обсужденію.

„Пиръ во время чумы“, гдѣ главную роль взялъ на себя Леонидовъ, былъ предоставленъ разработкѣ самихъ участниковъ этой пьесы, подъ руководствомъ того же Леонидова. Къ сожалѣнію, не долгого представленія, Леонидова постигла болѣзнь. Роль его была передана молодому артисту изъ Студіи Художественнаго Театра Башкееву, дальнѣйшее же руководство работою артистовъ мнѣ пришлось взять на себя.

„Каменный гость“ тоже подвергся совмѣстному нашему обсужденію, послѣ чего В. И. Немировичъ-Данченко взялъ на себя „душевный массажъ“ артистовъ-участниковъ этой пьесы, какъ онъ называлъ бесѣды съ отдѣльными артистами для систематическаго облегченія вырѣзанія въ ихъ умѣ образовъ героевъ пьесы, сконцентрированія въ сознаніи ихъ всего, что должно было способствовать правильному воспроизведенію обликовъ. Послѣ этого, началась работа артистовъ со мною. Мнѣ пришлось вести общія сцены, работать съ отдѣльными артистами и вообще продѣлать всю обычную у насъ сложную режиссерскую подготовку пьесы. Когда заболѣлъ Леонидовъ и мнѣ пришлось взять на себя руководство „Пиромъ“, режесированіе „Гостя“ закончилъ В. И. Немировичъ-Данченко.

Веденіе репетицій „Моцарта и Сальери“ по разъ выработанному плану выпало на долю Москвина.

Какъ автору декорацій и костюмовъ Пушкинскаго спектакля, мнѣ пришлось рѣшить вопросы объ эпохѣ въ двухъ случаяхъ на основаніи указаній автора и лишь для „Каменнаго гостя“

выбрать эпоху до извѣстной степени свободно. Въ моей постановкѣ дѣйствіе „Каменнаго гостя“ происходитъ въ Мадридѣ во времена Филиппа II. По установившемуся взгляду сцена третья должна происходить на кладбищѣ у памятника Командора. Но такъ какъ у автора мѣсто дѣйствія этой сцены обозначено лаконически: „Памятникъ командора“ то я и рѣшилъ, что нѣтъ никакихъ основаній заставлять дону Анну хоронить своего усопшаго супруга на городскомъ кладбищѣ, а соотвѣтственнѣе съ господствовавшими въ ту эпоху нравами указать мѣсто упокоенія останковъ Командора въ притворѣ храма подъ грандіознымъ мраморнымъ монументомъ за обычной рѣшеткой, на что можно видѣть указаніе и у Пушкина въ словахъ Донъ Жуана: Рѣшетка заперта, одну минуту!!!.

Что касается двухъ другихъ пьесъ: то эпоха дѣйствія „Моцарта и Сальери“ ясна, дѣйствіе же „Пира во время чумы“, являющейся переводомъ пьесы англійскаго писателя Вильсона, относится къ великой лондонской чумѣ 1665 года. И такимъ образомъ мнѣ надлежало писать декорации и костюмы въ стилѣ эпохи Карла II.

* * *

— Пусть замыслы наши непоняты. Пусть сыпятся на насъ нелѣпыя обвиненія въ кощунствѣ надъ твореніями національнаго генія. Я знаю одно, что работали мы честно, беззавѣтно стремясь къ достиженію единой художественной и правды, и съ величайшимъ благоговѣніемъ къ не менѣе, чѣмъ нашими хулиителями, любимому нами Пушкину.

„Моцартъ и Сальери“. — А. ББенуа.

СМЕРТЬ ГОГОЛЯ

(по неопубликованному источнику).

Замѣтки В. Свѣтлова.

Въ богатомъ архивѣ Анатолія Федоровича Кони есть множество неразобранныхъ еще бумагъ его покойнаго отца, извѣстнаго литератора и театральнаго критика Федора Алексѣевича Кони. Въ средѣ этой массы „человѣческихъ документовъ“ попадаются письма его современниковъ, имѣющія большую цѣнность для всякаго историка литературы и театра. А. О. Кони, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, подарилъ мнѣ нѣсколько писемъ, очень интересныхъ для коллекціонера балетныхъ реликвій; напр., письмо танцовщицы Надежды Богдановой и письма балетомана сороковыхъ годовъ Адама Глушковскаго къ его отцу. Были въ этомъ архивѣ и такія цѣнныя вещи, какъ, напр., альбомъ Андріановой, съ наклеенными концами лентъ отъ поднесенныхъ ей букетовъ, и карикатура на нее Степанова (брошенная ей на сцену кошка). И альбомъ и карикатура были подарены Анатоліемъ Федоровичемъ Кони К. А. Скальковскому въ 1879 г. И хотя почти вся коллекція К. А. Скальковскаго послѣ его смерти перешла ко мнѣ, но въ ней этихъ вещей не оказалось.

Письмо балетомана Глушковскаго особенно интересно, какъ очевидца похоронъ Гоголя. Глушковскій начинаетъ письмо съ соображеній о роли танцов-

щика въ балетѣ и на двухъ страницахъ сокрушается объ умаленіи этой роли. „Нынѣ,—говоритъ онъ,—танцовщикъ въ танцахъ по большей части имѣетъ одно назначеніе быть подпоркой. Ихъ избираютъ плечистыхъ, сильныхъ, потому что у нихъ въ танцахъ другого дѣла нѣтъ, какъ кромѣ того какъ держать крѣпко танцовщицу, когда она становится въ группѣ на одной ногѣ на цыпочкахъ, имѣть силу поднять ее на воздухъ какъ можно выше, когда она хочетъ сдѣлать эффектную воздушную группу... Бывшіе славнѣйшіе танцовщики П. Вестрисъ, Дюпоръ и Антонинъ нынѣ бы не годились въ балетѣ, потому что они были не подпоркою въ однихъ танцахъ, а подпоркою цѣлаго балета; въ то время ихъ талантъ озарялъ балетъ, какъ лучи майскаго солнца озаряютъ землю“.

„Начало моего письма,—продолжаетъ Глушковскій,—вамъ покажется, можетъ быть, не очень интереснымъ,—и дѣлаетъ довольно неожиданный переходъ:—зато я васъ подъ конецъ удивлю горестнымъ событіемъ, случившимся у насъ въ Москвѣ: мы лишились такого человѣка, о которомъ, я думаю, всѣ любители литературы чрезвычайно сожалѣютъ—Николая Васильевича Гоголя. Это случилось 20 числа текущаго мѣсяца (20 фев-

раля 1852 г.) въ 8-мъ часу по утру. У насъ объ этомъ теперь чрезвычайно много толковъ: говорятъ, что денегъ осталось послѣ него очень не много — ни болѣе, ни менѣе, какъ ничего. Но похороны были великолѣпны. Главнымъ распорядителемъ всего былъ попечитель Московскаго учебнаго округа. Еще 21 числа, съ 8-ми часовъ пополудни, гробъ былъ перенесенъ въ университетскую церковь, гдѣ происходило и самое отпѣваніе. Вся Москва, по крайней мѣрѣ, все, что есть въ ней самаго важнаго и знаменитаго — все это стеклось въ университетскую церковь, чтобы поклониться праху самаго любимаго и знаменитаго поэта нашего времени. На отпѣваніи былъ графъ А. А. Закревскій и много генералитету. Прощаніе было трогательное. Изъ церкви вынесли гробъ профессора, а затѣмъ несли его до самой могилы студенты; за катафалкомъ тянулся длинный рядъ экипажей. Говорятъ, что многіе, видя такіа богатыя похороны, спрашивали: это должно быть хоронятъ графа или генерала, — отчего же не видно орденовъ. Имъ сказали, что это хоронятъ литератора, такого человека, который хорошо книги писалъ. Да, отвѣчали они, это стоитъ такой чести — такая почестъ, возданная творцу Мертвыхъ душъ, должна порадовать всякаго хорошаго литератора; это показываетъ, что и у насъ нынѣ умѣютъ цѣнить истинные таланты. Говорить, что за день до своей смерти онъ сжегъ очень

много изъ своихъ бумагъ, но, къ счастью, остались еще кое-какія: говорятъ вторая часть Мертвыхъ душъ уцѣлѣла. Это самый лучшій капиталъ, который онъ могъ, оставить для своихъ родныхъ, который имъ будетъ приносить огромные проценты (говорятъ, у него остались въ Полтавской губ. мать и двѣ сестры). Самъ онъ въ послѣднее время жилъ постоянно у насъ въ Москвѣ, въ домѣ Талызинаа, у одного изъ своихъ друзей, графа Толстого. Онъ погребенъ подлѣ любимаго своего друга Н. К. Языкова...

„Честь имѣю пребыть съ истиннымъ почтеніемъ и все совершеннѣйшею преданностью много васъ почитающій Адамъ Глушковскій. 1852 года Февраля 26 дня. Москва“.

Характерно, что въ этомъ письмѣ о такомъ событіи, какъ смерть Гоголя, общается и только въ концѣ, послѣ длиннѣйшихъ, разсужденій о роли танцовщиковъ въ балетныхъ спектакляхъ, восполняющихъ пропускъ въ статьѣ автора письма Гл. Глушковскаго, которую онъ предназначалъ въ журналъ *О. А. Кони*. Но, видно, таково уже свойство всѣхъ истинныхъ балетомановъ, бывшихъ и настоящихъ, — фанатическая, чуть не сектантская и преданность своему искусству. Ни одинъ родъ сценическаго искусства не знаетъ такихъ вѣрнопреданныхъ жрецовъ. Что касается второй части „Мертвыхъ душъ“, то, увы, мечты А. Глушковскаго остались неосуществленными.

В. Святловъ.

Еще принесу!..

Къ очерку „Дѣти и война“.

ДѢТИ НА ВОЙНѢ

Наблюденія В. УНКОВСКАГО. Иллюстраціи И. Гранди.

Когда нашъ санитарный поѣздъ, забравши раненыхъ отходилъ отъ галиційской станціи, находящейся недалеко отъ Львова, я увидѣлъ въ одномъ изъ вагоновъ крохотнаго мальчика, въ поношенномъ черномъ тулупчикѣ, сидящаго на колѣняхъ у раненаго солдата.

— Это кто такой?.. Что за птица,— спросилъ я.— Откуда взялся.

— Дозвольте, ваше Высокоблагородіе, ему съ нами проѣхать. Нашъ мальчикъ,— крикнуло сразу нѣсколько голосовъ.

— То есть, какимъ образомъ вашъ?

— Патроны намъ подносили на позиціяхъ.

Мальчикъ уже стоялъ передо мной, опустивъ руки по швамъ.

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Шесть.

— Великанъ! Домой ѣдешь?

— Такъ точно.

— Къ роднымъ—къ отцу и матери?

— Нѣту у меня родителей—померли... Къ брату въ Кіевъ ѣду и за ботинками.

— Жалуется-то онъ, что у него ботинки очень худые,— пояснили мнѣ. Араздобыть ихъ для него мы нигдѣ не могли: на позиціяхъ,—гдѣ взять дѣтскую обувь!

— Ботинки порвались, — пискнулъ мальчикъ.] Въ дыравыхъ холодно уже ходить.

Мальчикъ ѣхалъ до Кіева, примостившись і подѣ потолокомъ на верхней—боковой полкѣ для вещей. Ночью онъ спалъ на двухъ подушкахъ (вмѣсто матраса), свернувшись калачикомъ. Днемъ разгуливалъ по поѣзду. Раненые его ласкали, угощали сѣмьячками, конффектами.

— Маховнѣй, а работалъ чудесно,— говорили мнѣ про него солдатики. Цѣльные дни поодѣ пулями бѣгалъ, во многихъ сраженіяхъ ему пришлось участвовать. И не боится. Спокойно этакъ бѣгаетъ... Взрослый пулю понимаетъ, а мальчикъ вовсе о ней не размышляетъ... Ничего онъ не боялся... Конечно и убитымъ могъ быть, и рану получить, но уцѣлѣлъ—тѣкова его судьба...

Когда поѣздъ пришелъ въ Кіевъ, мальчикъ сталъ бѣгать по вагонамъ и прощаться і съ солдатами. Кричалъ во весь голосъ:

— Счастливо оставаться!..

Многіе егго хватали на руки, цѣловали, тормошили. Онъ отбивался, заявляя:

— Да я же не успѣю со всѣми попрощаться. Поѣздъ скоро трогается.

Я хотѣлъ дать малышу провожатого, но онъ отрицательно покачалъ головой.

— Не надо. У меня пятакъ есть. Я на трамвай сяду.

И дѣловитой походкой пошелъ по перрону.

Съ трудомъ пріотворилъ дверь на тугой пружинѣ и скрылся за нею.

На одномъ изъ пограничныхъ питательныхъ пунктовъ, я встрѣтилъ двѣнадцатилѣтняго героя, получившаго уже два Георгія: четвертой и третьей степени.

Съ виду онъ производилъ впечатлѣніе совсѣмъ маленькаго мальчика, не старше 8—9 лѣтъ. Поражалъ своею юркостью, развязностью, его худенькая крысиная мордочка не знала покоя, онъ непрерывно ворочалъ ею, точно голова у него была на шарнирѣ, сѣрые глаза такъ и бѣгали.

— Почему ты здѣсь теперь?—спросилъ я.

— Былъ раненъ, лежалъ въ госпиталѣ, поправился и ѣду обратно на позицію.

— Что жъ, родители у тебя есть?

— Сирота. Учился у сапожника. Не хотѣлъ у него оставаться, когда войну объявили. Чего ради... Кто усидитъ въ такое время?..

Этотъ георгіевскій кавалеръ много разъ участвовалъ въ развѣдкахъ, вмѣстѣ съ солдатами. Но неоднократно и единолично—вызывался охотникомъ.

Солдаты, знающіе его, — имъ восхищались:

— Полезный мальчонка, охъ и полезный!.. Завсегда умѣетъ разнюхать все, что требуется. Не даромъ два Георгія получилъ. Храбрый, бестія... Не задумываясь, хошь куда пойдетъ, словно на него пуль нѣтъ. Въ опасныя развѣдки завсегда просится: „возьмите молъ“, обязательно брали его, такъ какъ безпремѣнно хорошую службу сослужить можетъ. Махонькій онъ, ну, и незаметно подползаетъ куды нужно, лучше всякаго взрослого; все высмотрѣтъ умѣетъ. Солдатъ, что называется—первый сортъ.

Одного Георгія онъ получилъ за то, что самолично обнаружилъ австрійскій отрядъ, численностью въ 200 человекъ. Отрядъ былъ окруженъ и взятъ въ плѣнъ.

На питательномъ пунктѣ, юный герой возбуждалъ всеобщее вниманіе. Раненые окружали его постоянно тѣснымъ кольцомъ... Похвалы ему такъ и сыпались:

— Ишь ты молодчина.

— Этакій карапузъ, а совсѣмъ вояка.

— Наполеонъ—одно слово...

— А пуль не боишься,—спрашивали.

— Нисколько. Да онѣ вреда мнѣ рѣдко сдѣлать могутъ. Ростъ у меня не великій, а пули повыше летаютъ, норовятъ—то взрослыхъ бить. Меня не замѣчаютъ.

Солдаты покатывались со смѣху:

— Ну и шутъ гороховый.

— Вѣрное слово говорю, — восклицалъ мальчикъ. Когда случается пальная низко пролетитъ, залузыришь ей вслѣдъ: „эй ты, не суйся, куда не просятъ то... съ суконнымъ рыломъ, да въ калачный рядъ“. Такимъ крикомъ всѣхъ ихъ и распужаешь за мое почтеніе.

Солдаты хохотали:

— Распужаешь... Нашелся чародѣй!

— Вродѣ, какъ значить, оракуль!

— А можетъ быть ты нули еще и заговаривать умѣешь, на манеръ того, какъ крысъ и мышей.

Занятный мальчонка!..

На позиціи уѣхалъ онъ съ однимъ изъ эшелоновъ, помѣстившись на открытой товарной платформѣ у пулеметовъ.

Я видалъ, какъ онъ стоялъ тамъ въ важной позѣ и солидно козырялъ направо и налево всѣмъ не уѣзжавшимъ.

Я съ нѣсколькими солдатами пелъ по полю, на которомъ недѣли за три до того, разыгрался бой. Снѣгъ бѣлой пеленой покрывалъ землю, обгавленную человѣческой кровью.

Почти всѣ слѣды, которые здѣсь оставила по себѣ война, скрыла зима. Окопы тянувшіеся у опушки лѣса, походили на межевой ровъ. Воронки, вырытыя

снарядами, наполовину были засыпаны снѣгомъ и трудно, а часто совсѣмъ невозможно ихъ было отличить отъ обыкновенныхъ колдобинъ. И только пустыя коробки отъ консервовъ, на которыя то и дѣло натыкался сапогъ—наводили на мысль о происходившихъ здѣсь недавно событіяхъ.

Мы шли, проваливаясь по колѣно въ снѣгъ, взбирались на пригорки, спускались въ лощины.

Вдругъ я увидалъ нѣсколько холмиковъ съ воткнутыми на макушкахъ длинными бѣлыми шестами.

— Братскія могилы! — сказали въ одинъ голосъ солдаты.

Мы подошли, сняли фуражки и перекрестились.

У одного изъ холмиковъ, я замѣтилъ маленькій крестикъ, сколоченный изъ неоструганныхъ досокъ, и спросилъ:

— А это, что за крестъ?

— Полковой мальчикъ тутъ похороненъ, — отвѣчали солдаты.

И сейчасъ же стали рассказывать.

— Откуда онъ взялся неизвѣстно.

— Гришей звали. Приблудился просто. Онъ въ окопы воду для питья постоянно носилъ. Этакое у него ведро, небольшое было. Набереть въ него воды и тащить. Чижало ему бывало: годковъ 7 ему было не больше, — а все же тащить. И хошь пули летали, хошь снаряды—онъ не обращалъ на нихъ вниманія. Выпьютъ солдаты всю воду, онъ поглядитъ, что ничего болѣе нѣтъ и тихонькимъ, тоненькимъ голоскомъ говоритъ:

— Еще привнесу.

И побѣжитъ прочь.

Глядишь черезъ полчаса опять тащить.

Мы любили его, ангельской душой звали. Какъ увидимъ, что Гришутка идетъ, такъ на душѣ свѣтлѣй становилось. Словно солнышко проглянуло.

— И всякъ норовить его приласкать. Всякъ бывало кличетъ къ себѣ:

— Гришутка, Гришутка. Гришутка...

„Ласковенькій этакій былъ. Когда поранить кого-то, подойдетъ и спрашиваетъ:

— „Боложно дяденька“...

А у самаго личико сурьезное, печальное.

Ну, какъ-то онъ бѣжитъ со своимъ ведеркомъ и и вдругъ снарядъ упалъ возлѣ него, разорвался, осколокъ въ голову попалъ. И И убилъ наповалъ.

Охъ, и і пожалѣли мы его. Конечно постарались досокъ раздобыть на крестъ, могилку сдѣлали честь честью. И когда Гришутку у хоронили, многіе плакали.

Всякъ съ чувствовалъ, что Гришутка великаго сі спасибо достоинъ. Самъ-то онъ своей охотой къ намъ пришелъ—помогать.

Германцы съ самаго утра обстрѣливали деревеню.

Мы, я и и другой врачъ, шли по пустынной, ухаистой улицѣ, стараясь держаться я поближе къ постройкамъ.

Подъ нашими ногами валялись осколки снарядовъ: мы проходили мимо избъ, поврежденныхъ и опаленныхъ артиллерійскимъ огнемъ; проходили мимо воронокъ. і. вырытыхъ въ землѣ разорвав-

Мотилъ „полкового мальчика“.

шимися гранатами, мимо деревьевъ, расщепленныхъ пополамъ, или скопленныхъ у корня.

Пробѣжала собака съ оторванной ногой, дорогу преградилъ трупъ лошади съ вывороченнымъ задомъ. Бросилось въ глаза посрединѣ улицы на снѣгу огромное, кровавое пятно—кого это была кровь—человѣка или животного, неизвѣстно. Но кто-то на этомъ мѣстѣ пострадалъ.

Жутко становилось на сердцѣ...

И вдругъ недалеко отъ околицы, мы увидали 5—6 лѣтнюю дѣвочку, спокойно стоящую у рѣшетки полисадника, сосредоточенно жующую яблоко.

Возлѣ никого не было.

Мы были поражены. Обратились съ разспросами:

— Чего ты здѣсь? Гдѣ твоя мама?

— ...Какъ ты сюда попала?

Но дѣвочка молчала, исподлобья глядя на насъ.

И вдругъ лицо у нея искривилось въ гримасу, губы запрыгали.

Дѣвочка колотилась въ дверь...

Мы переглянулись:

— Милая, ты насъ не бойся. Мы тебѣ ничего дурного не сдѣлаемъ.

Но дѣвочка громко заплакала и побѣжала во дворъ.

Съ визгомъ пронесся снарядъ и разорвался гдѣ-то въ сторонѣ. А дѣвочка колотилась въ дверь, выкрикивая что-то...

— Ги-и-и-и... Ги-и-и-и! прямо оглушала она насъ.

Громъ орудій для нея былъ пустымъ звукомъ. Она насъ испугалась.

Въ одно морозное утро я ходилъ межъ костровъ, расположенныхъ у опушки лѣса, вокругъ которыхъ грѣлись бѣженцы. Мужчины, женщины, дѣти, укутанные во что попало. Тяжело было глядѣть на этихъ дѣтей: голодныхъ, съ посинѣвшими отъ холода лицами. Одни сидѣли почти неподвижно, другія наоборотъ прыгали, капризничали, грудные младенцы кричали истерическимъ плачемъ... Дѣти просили ѣсть, просились домой, не понимая, что дома у нихъ уже нѣтъ.

Тутъ же среди мужчинъ, женщинъ и дѣтей, валялась всякая рухлядь, домашній скарбъ; каждый бѣженецъ хватилъ то, что прежде попало въ руки, иногда совершенно никчемное и ненужное. И вдругъ среди разнаго тряпья, узловъ съ поношенной одеждой, котомокъ, чемодановъ, посуды, я замѣтилъ возлѣ маленькой голубоглазой дѣвочки съ нѣжными льняными кудрями—дорогую роскошную куклу.

Я остановился. Мать дѣвочки—худенькая полъка, съ тоскливыми, огромными глазами, прочтя на моемъ лицѣ выраженіе любопытства, сказала:

— Ванда куклы ни за что не хотѣла оставить... Мы не взяли ни одной перемѣны бѣлья, а куклу тащимъ. И чуть было не попали въ руки нѣмцевъ, изъ-за этой куклы. Надо было бѣжать не медля ни минуты, а Ванда вдругъ подняла крикъ:

— „А куклу!.. Кукла гдѣ, кукла?“

Уперлась и ни съ мѣста. Пришлось искать, а кукла, какъ на зло запропастилась куда-то. Я была въ отчаяніи,

Дѣти бѣженцы...

но Ванда сама гдѣ-то нашла ее и подняла радостный визгъ:

— „Вотъ она, вотъ!“

Чуть было не попали въ руки нѣмцевъ и все изъ-за тебя, Ванда.

— Ну, посуды мама,—сказала Ванда, какъ бы я могла ее оставить. Это было бы безжалостно. Мы же не какіе-нибудь варвары.

Мать расхохоталась:

— Ну и шельма!.. Ну, какъ тебя не расцѣловать!

И схватила дѣвочку въ объятія, та стала отбиваться. Вся улыбающаяся мать, глядя на меня проговорила:

— Какая она прелесть!.. Неправдали!.. А съ дѣтской психологіей надо считаться, ничего не подѣлаешь. Что для нихъ война, громъ орудій: они живутъ своимъ особымъ міромъ, который только и признають.

Пока не вступили русскіе, въ городѣ царило полное безначаліе.

Австрійцы отступили наканунѣ. И лишь

только городъ покинулъ послѣдній австрійскій солдатъ, мѣстная голытьба, разные подонки населенія и хулиганы, стали громить лавки, и магазины и частныя квартиры.

Забирали цѣнныя вещи, то, что можно было съ собою унести. Вспарывали перины, подушки и съ радостнымъ гиканьемъ выпускали пухъ; били зеркала, посуду, рѣзали ножками картины, проламывали топорами, ломомъ крышки роялей.

Русскимъ войскамъ, вошедшимъ въ городъ, прѣдставилась картина дикаго разгрома. Мостовыя были усыпаны осколками стеколъ битой посуды, всюду валялась поломанная мебель, пухъ носился въ воздухѣ; перепившіеся хулиганы спали подъ заборами, подъ стѣнами домовъ.

Я пріѣхалъ въ этотъ городъ нѣсколько дней спустя. Улицы уже были убраны, хулиганы притаились въ своихъ трущобахъ и боялись показываться на Божій свѣтъ; ; только бросалось къ глаза обиліе разбитыхъ стеколъ.

— Вотъ она, моя кукла!

На одной изъ глухихъ улицъ я увидалъ двухъ маленькихъ дѣтей: мальчика и дѣвочку, одѣтыхъ въ поношенныя ватныя пальто и въ барашковыхъ шапочкахъ: онъ въ черную, она въ бѣлую.

Дѣти сидѣли другъ противъ друга и играли, очевидно, въ какую-то выдуманную ими самими игру.

У каждого въ рукахъ было по клавишу отъ рояля. И этими клавишами они легонько, по очереди ударяли другъ

друга по лбу и громко хохотали: мальчикъ раскатисто, дѣвочка, восхищенно взвизгивая.

Я долго стоялъ въ отдаленіи и глядѣлъ на нихъ. Картина событій происходившихъ нѣсколько дней назадъ въ этомъ городѣ — ярко нарисовалась въ моемъ воображеніи. Дѣти мирно играли, не чувствуя, что ихъ игра краснорѣчивѣй всякихъ словъ, воскрешала минувшее.

В. Унковскій

У нихъ и у насъ.

ВОЕННЫЕ СТРАНИЦЫ „АРГТУСА“.

Французскій военный автомобиль украшенный шуточными рисунками и надписями солдатъ, съ указаніемъ маршрута „Парижъ—Берлинъ“.

НА ВОСТОЧНОМЪ ФРОНТѢ.

Наши плѣнные.

Плѣнный нѣмецъ просить у нашихъ солдатъ пищи.

НА ВОСТОЧНОМЪ ФРОНТЪ.

Наши окопы на берегу рѣки Б.

Трупы нашихъ враговъ на другомъ беререгу рѣки Б

ПИСАТЕЛЬНИЦА Н. А. ТЭФФИ.

Извѣстная писательница Н. А. Тэффи недавно вернулась съ передовыхъ позицій, гдѣ она работала въ качествѣ сестры милосердія. На нашемъ снимкѣ писательница представлена съ нашими трофеями, привезенными ею съ полей битвъ.

ВЕСЕЛЫЯ СТРАНИЦЫ „АРГУСА“.

ЦЕНЗУРА.

— Смотри, Мама,—Гарри прислалъ газету, въ которой корреспондентъ рассказываетъ о его подвигахъ. Вотъ-то теперь онъ прославится на весь миръ! Газета пишетъ: „Вчера въ битвѣ у деревни Б..., поручикъ Н-ская полка Х..., бросился съ ротой въ атаку и перерубилъ отрядъ немцевъ“.

(Английскій юморъ).

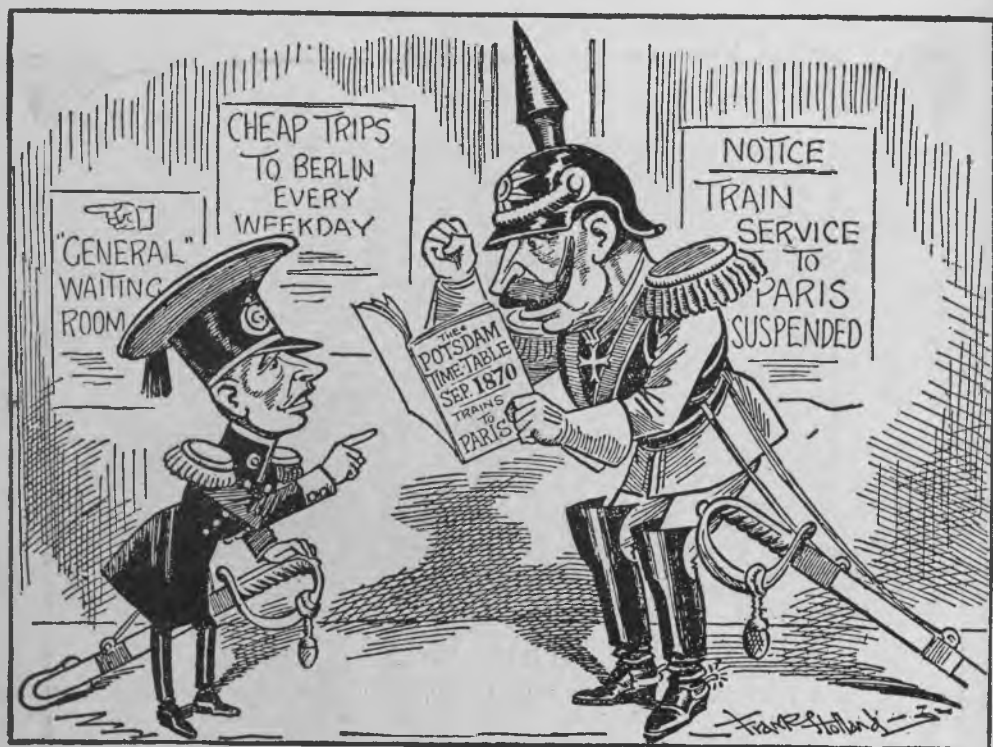
Английскій доброволецъ.—Меня не берутъ изъ-за зубовъ г-нъ полковникъ... Но сами разсудите: вѣдь не кусаться же мнѣ придется на войнѣ, а драться!

Солдаты отпускали на нѣкоторое время домой отдохнуть и дали ему свидѣтельство на даровой проѣздъ... Дома онъ успѣлъ жениться и когда поѣхалъ обратно, то нечаянно вынулъ въ вагонѣ вмѣсто дорожнаго свидѣтельства брачное..

Контролеръ улыбнулся.

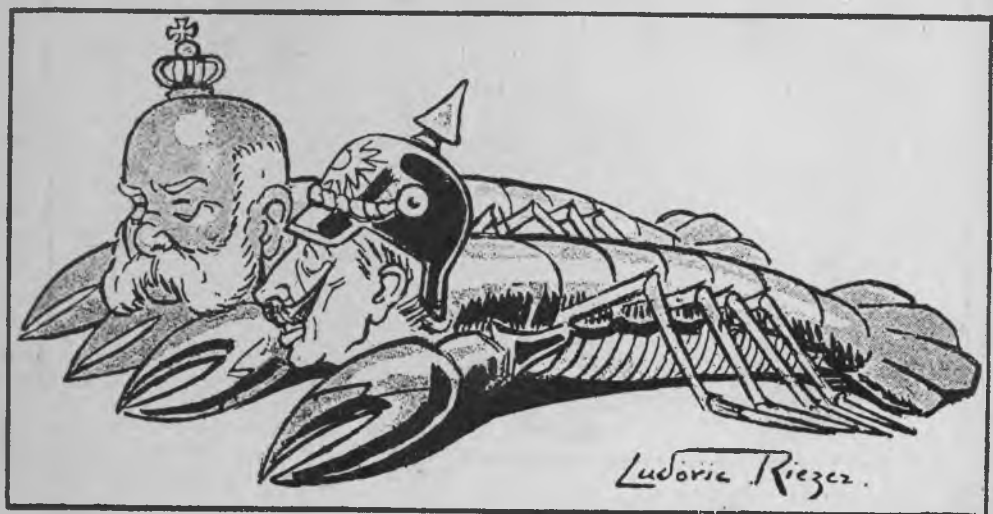
— Это билетъ на очень долгое и утомительное путешествіе!..—сказалъ онъ.— Но только не по нашей линіи...

Однажды редакторъ получилъ письмо отъ одного изъ своихъ юныхъ читателей. „Не можете ли вы сказать, отчего дѣвушка всегда закрываетъ глаза, когда ее цѣлуешь?“. ... Отвѣтъ редактора: „Пришлите вашу карточку и мы вамъ отвѣтимъ, почему у*!..“

Кайзеръ.—Этотъ Потсдамскій Путеводитель совершенно невѣрнъ... Судя по нему мы уже давно должны были быть въ Варшавѣ.

Клоунпринцъ.—Но отецъ, ты все спуталъ!.. Это у тебя Путеводитель 1870 года!

„Мы идемъ въ Варшаву!..“

НѢМЕЦКОЕ ДѢТИЩЕ.

(Перевернуть).

ЛИХОЙ БѢГЪ НА МѢСТѢ.

Военно-спортивный аппаратъ, изобрѣтенный французскимъ главнокомандующимъ ген. Жоффромъ.

Кайзеръ.—Бога бомбардировать я не могу, такъ по крайней мѣрѣ разрушу его храмы ..

НѢМЦЫ ВЪ ОСТЕНДЕ.

— Итакъ дѣти мои, Англія теперь передъ нами!

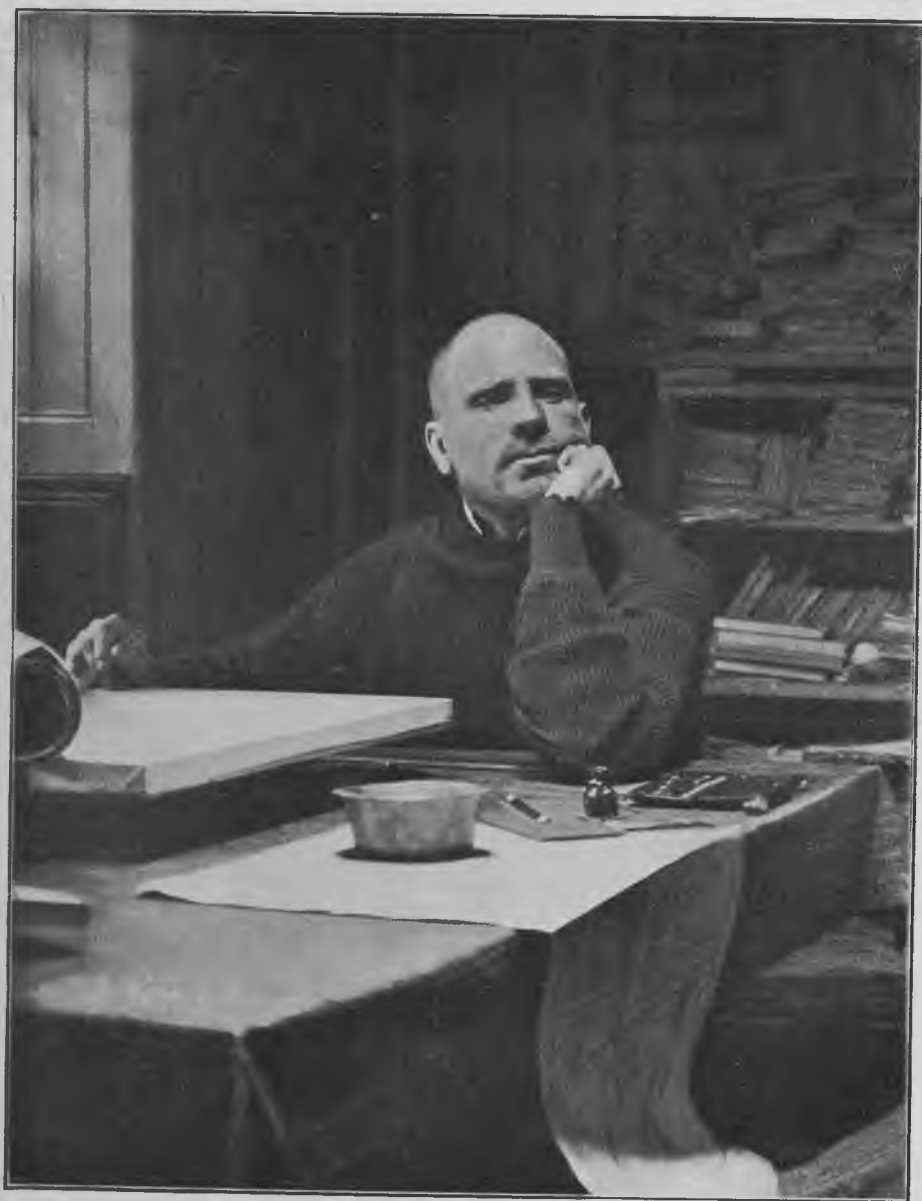

ДОБРЫЙ СОВѢТЪ.

— Вотъ, ваше-величество, форма, которую лучше всего придать вашимъ хлѣбцамъ К. К..!

Ловкаяя дама (Италія).—Моя правая не знаетъ, что о дѣлаетъ лѣвая!..

ГЕОРГИЙ ЯКОВЛЕВИЧЪ СЪДОВЪ

† 20 Феврала 1913 г.

Къ очерку „Памяти Съдова“.

Полярная ночь—снимокъ при лунѣ.

ПАМЯТИ СЪДОВА.

Очеркъ участника съдовской экспедиціи П., съ кино-снимками.

„...То люди первородные, избранники судьбы,
Въ скитаніяхъ свободные, въ мечтаніяхъ рабы...“

Бальмонтъ.

Если бы не исключительныя обстоятельства смерти самого Съдова, трагически погибшаго на пути къ полюсу, — цѣли его давнишнихъ стремленій, — возвращеніе, съдовской экспедиціи въ самый разгаръ міровой войны, прошло бы, вѣроятно же всего, незамѣченнымъ.

Дѣйствительно, что значить гибель одного героя, положившаго жизнь за честь страны, теперь, когда каждый день несетъ вѣсть о гибели тысячъ человѣкъ?..

Однако и въ это, полное тревоги, время смерть Съдова не могла не остановить вниманія общества, — всѣмъ и каждому сдѣлалось очевиднымъ, что въ даль-

нихъ пустыняхъ сѣвера погибъ въ расцвѣтѣ силъ большой человѣкъ, человѣкъ недюжиннаго характера, образецъ воли и смѣлости, достойный гражданинъ могучей Россіи.

Маленькая „историческая справка“.

Экспедиція Съдова вышла изъ Архангельска 14 августа 1912 года на парусно-паровомъ суднѣ „Св. мученикъ Фока“, путешествіе ея длилось 2 года.

При отправленіи экспедиціи не мало скептиковъ и досужихъ людей предсказывали гибель экспедиціи въ самомъ ближайшемъ будущемъ, но время, союзникъ крѣпкихъ духомъ, показало лишній разъ, что не всѣ предсказанія сбываются.

„Св. Фока“ вернулся и плаваніе его протекало нормально для тѣхъ странъ,

„Фока“ пробивается через лёд.

гдѣ бѣда и опасность ежеминутно сторожить неопытныхъ, вернулся несмотря на то, что экспедиція снаряжена была на ничтожныя средства, сравнительно съ затрачиваемыми обычно на подобныя предпріятія.

Сѣдовъ въ первый годъ не могъ достигъ Земли Франца Іосифа, откуда онъ намѣревался двинуться на собакахъ къ полюсу.

Непроходимые въ тотъ годъ льды окружали неприступнымъ кольцомъ эту землю, и „Св. Фока“, въ безуспѣшныхъ попыткахъ пробиться, былъ затертъ ими у береговъ сѣверной части Новой Земли.

„Св. Фока“ оправдалъ ожиданія Сѣдова и оказался не только надежнымъ судномъ, способнымъ противостоять напору льдовъ, но и вполне приспособленнымъ для жилья.

Первая зимовка протекала благополучно.

Сѣдовъ и члены экспедиціи использовали ее въ широкихъ размѣрахъ для изученія необслѣдованнаго доселѣ сѣвернаго острова Новой Земли.

Только черезъ годъ разорвались ско-

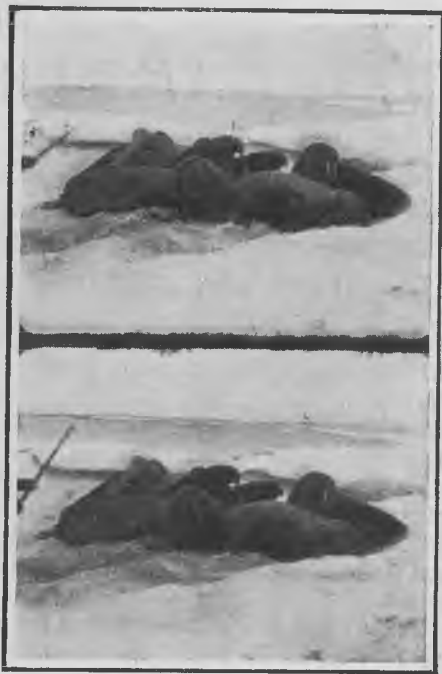
вывавшіе „Фоку“ ледяныя цѣпи, и съ новыми надеждами повелъ Сѣдовъ судно на сѣверъ.

Послѣ многодневной борьбы со льдами на этотъ разъ „Фокъ“ удалось пробиться къ Землѣ Франца-Іосифа, но побѣда была одержана цѣною всѣхъ запасовъ топлива и зимовка 1913—1914 года прошла подъ знакомъ холода, а слѣдовательно и сырости и связанныхъ съ ними лишеній и болѣзней.

Напрасно, подходя къ мысу Флоры, искалъ Сѣдовъ глазами вспомогательное судно или складъ, —напрасно!—все говорило, что просьба его о топливѣ и собакахъ не исполнена, и экспедиція предоставлена своимъ силамъ и своей судьбѣ. —Только испуганныя стада моржей выставляли свои чудовищныя головы изъ чернильно-зеленого моря и оглашали прозрачный воздухъ ревомъ.

Впереди была вторая долгая зима!

Полярная вѣчная ночь тяжело дѣйствуетъ на всякаго выросшаго въ культурной средѣ человѣка, —на этотъ же

Стадо моржей на льдинѣ (кинематографъ).

разъ условія были особенно неблагоприятными.

Температура воздуха въ каютахъ была отъ $+5^{\circ}$ до -10° . Понятно, что при такихъ условіяхъ цынга, бичъ полярныхъ странъ, не замедлила заглянуть въ убогое жилище путешественниковъ, въ поискахъ жертвы себѣ.

Вѣчная, почти полугодовая ночь, однообразная пища—вотъ обстановка, среди которой Съдовъ ждалъ просвѣта, чтобы двинуться дальше!

Единственнымъ развлеченіемъ монотонной жизни были взятые изъ берлоги убитой медвѣдицы питомцы — медвѣжата. Заботливо воспитывались любимцы, всякій приберегалъ свою порцію консервированнаго молока для питомцевъ, и трогательно было наблюдать какъ какой нибудь бородатый матросъ, подобно нѣжной нянюшкѣ, заботливо кормилъ самодѣльной соской бѣлаго сердитаго звѣрька.

Въ кинематографической лентѣ непрерывно тянувшейся экспедиціи есть много моментовъ ихъ жизни, игра и проказъ, тѣмъ болѣе, что во время зимовокъ воспитанники жили на полной свободѣ и только весной 1914 года были посажены на цѣпь, не столько за свои похождения и склонности къ кражѣ мясныхъ запасовъ, сколько за особое медвѣжье любопытство. Всякій новый предметъ, оставленный безъ присмотра, подвергался ихъ всестороннему обследованію. Особеннымъ вниманіемъ съ ихъ стороны почему-то пользовалась метеорологическая станція.

Термометры, оставлявшіеся для измѣренія температуръ на снѣгу, нерѣдко находили унесенными далеко и зарытыми въ снѣгъ. И однажды, когда ими былъ сломанъ лучший термометръ, чаша терибніа переполнилась — Съдовъ приказалъ посадить ихъ на цѣпь!..

Благодаря постоянному общенію съ людьми медвѣди стали совершенно ручными—они откликались на клички „Васька“, „Полянѣ“, „Торосъ“, и при прибытіи „Фоки“ въ Архангельскъ спокойно брали лакомства изъ рукъ любопытныхъ и позволяли ласкать себя даже дѣтямъ.

Питомцы экспедиціи — медвѣжата.

Добыча.

Питомцы экспедиціи.

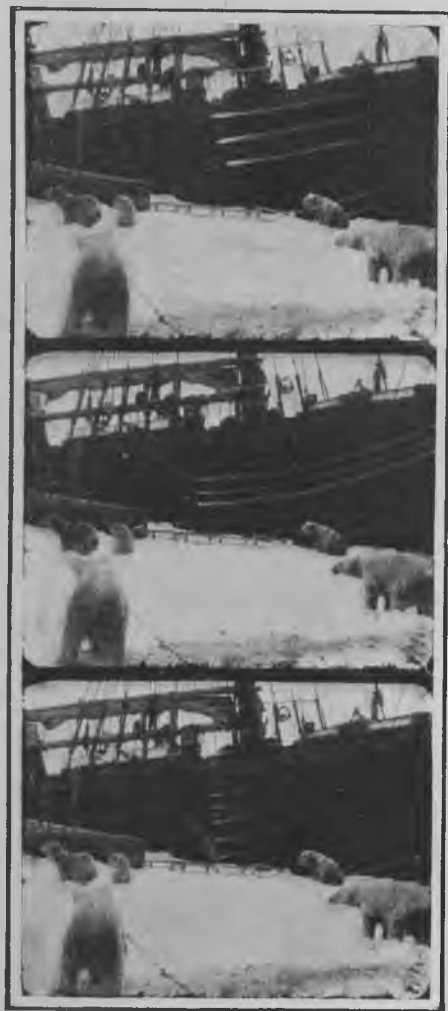
Въ настоящее время эти медвѣди находятся въ Петроградскомъ Зоологическомъ Саду.

Они даже приучены были, подобно собакамъ, ходить въ упряжи и Сѣдовъ одно время предполагалъ использовать ихъ колоссальную силу и способность къ долговременному голоданію въ путешествіи къ полюсу, тѣмъ болѣе, что изъ 80 собакъ черезъ годъ осталось только 25. Изъ всѣхъ собакъ выжили — наиболѣе приспособленныя, сибирскія собаки; взя-

тыя же изъ Архангельска погибли частью отъ холода, частью отъ дракъ.

Собачье общество имѣетъ свои законы: одинъ изъ нихъ гласитъ—не имѣющій достаточно силъ вырвать у другого кусокъ, или, по крайней мѣрѣ, отстоять его отъ посягательствъ, теряетъ и послѣднюю силу и неминуемо будетъ разорванъ въ клочки во время драки, когда вся стая бросается рвать упавшаго.

Сибирскія собаки вѣками приспособились къ суровому закону жизни.

Медвѣжата на льду.

Г. Я. Сѣдовъ.

(Кинематографъ).

Охота на медвѣдя. Раненый медвѣдь спасается въ промоину, чтобы звѣрь не пропалъ, нырнувъ подъ лёдъ, охотники набросили на шею его петлю.

Собаки везутъ убитую тюленя.
(Изъ кинематографической ленты).

И онѣ же оказались лучшими охотниками на медвѣдя. Когда медвѣдь подходилъ къ судну или къ палаткѣ среди пустыни—вся стая, забывъ свои ссоры, какъ одинъ, кидалась на врага, окружала его, какъ рой комаровъ, и не давала Мишкѣ убѣжать, пока не подходилъ охотникъ и мѣткая пуля не кончала эту травлю.

Единственный путь спасенія медвѣдя отъ собакъ—была открытая вода. Если ея не было вблизи, они могли держать звѣря часами, съ изумительнымъ проворствомъ спасаясь отъ страшныхъ ударовъ лапъ и прыжковъ этого тигра Сѣвера. Если же медвѣдю и удавалось схватить менѣе проворную, то у него на шеѣ и на спинѣ въ тотъ же моментъ оказывалась вся стая и бѣднягѣ приходилось бросать свою жертву...

* * *

Подробности смерти Съдова хорошо извѣстны.

Еще солнце не взошло, а онѣ больной, сильный только духомъ, отправился къ своей завѣтной цѣли...

Это было 2 Февраля 1914 года.

Недолгой была на этотъ разъ борьба съ суровой безпощадной природой—20 Февраля онѣ скончался на рукахъ матросовъ.

Но ни минуты не думалъ онѣ объ измѣнѣ любимой идеѣ и послѣдніе дни, уже не имѣя силъ двигаться, лежа, привязанный сверхъ груза, на саняхъ, онѣ держалъ компасъ въ холодѣющихъ рукахъ и направлялъ курсъ на сѣверъ, только на сѣверъ!..

Необычнымъ даже для популярныхъ путешествій было возвращеніе „Св. Фоки“ на родину. Безъ топлива, безъ капитана и механика (также павшаго жертвой цыгн), оставшіеся сумѣли привести его въ Россію, и даже спасти остатки экспедиціи Брусилова, оставшихся въ живыхъ изъ партіи, покинувшей „Св. Анну“.

Корабль снежной пустыни.

— Но изъ 11 человекъ Брусилова въ живыхъ осталось только двое; штурманъ Альбановъ и матросъ Конрадъ...

Болѣе мѣсяца изнуренные путники провели въ напряженной работѣ, прежде чѣмъ увидѣли гранитные берега Мурмана.

Когда поясъ льдовъ остался позади и представилась возможность пользоваться парусами на „Фокъ“ не оставалось ничего горючаго. Даже верхнія части мачтъ, бортовъ, всѣ каюты а также нѣкоторые внутреннія укрѣпленія пошли въ топку для поддержанія пара.

* * *

Такъ закончилась экспедиція: сѣверный полюсъ остался такимъ же загадочнымъ, какъ и раньше, но масса научнаго матеріала, собраннаго Сѣдовымъ и его спутниками, съ избыткомъ покрываетъ тѣ ничтожныя средства, на которыя была снаряжена экспедиція.

П.

Похороны товарища (кинематографъ).

ДАМСКАЯ СТРАНИЧКА „АРГУСА“.

Не такъ давно юбки сѣживались до минимума, дошло до того что бѣдныя наши дамы не могли ступить шагу.

Въ настоящій сезонъ капризная мода бросилась въ другую крайность: юбки дѣлаютъ все шире и шире—уже окружность ихъ доходитъ до 4—5 аршинъ.

„Мы только начинаемъ!!“—сказала надняхъ мнѣ одна изъ самыхъ нашихъ кокетливыхъ модницъ.

Можно разсчитывать, что въ теченіе всего сезона юбки будутъ дѣлаться шире и шире

Костюмъ весенняю сезона.

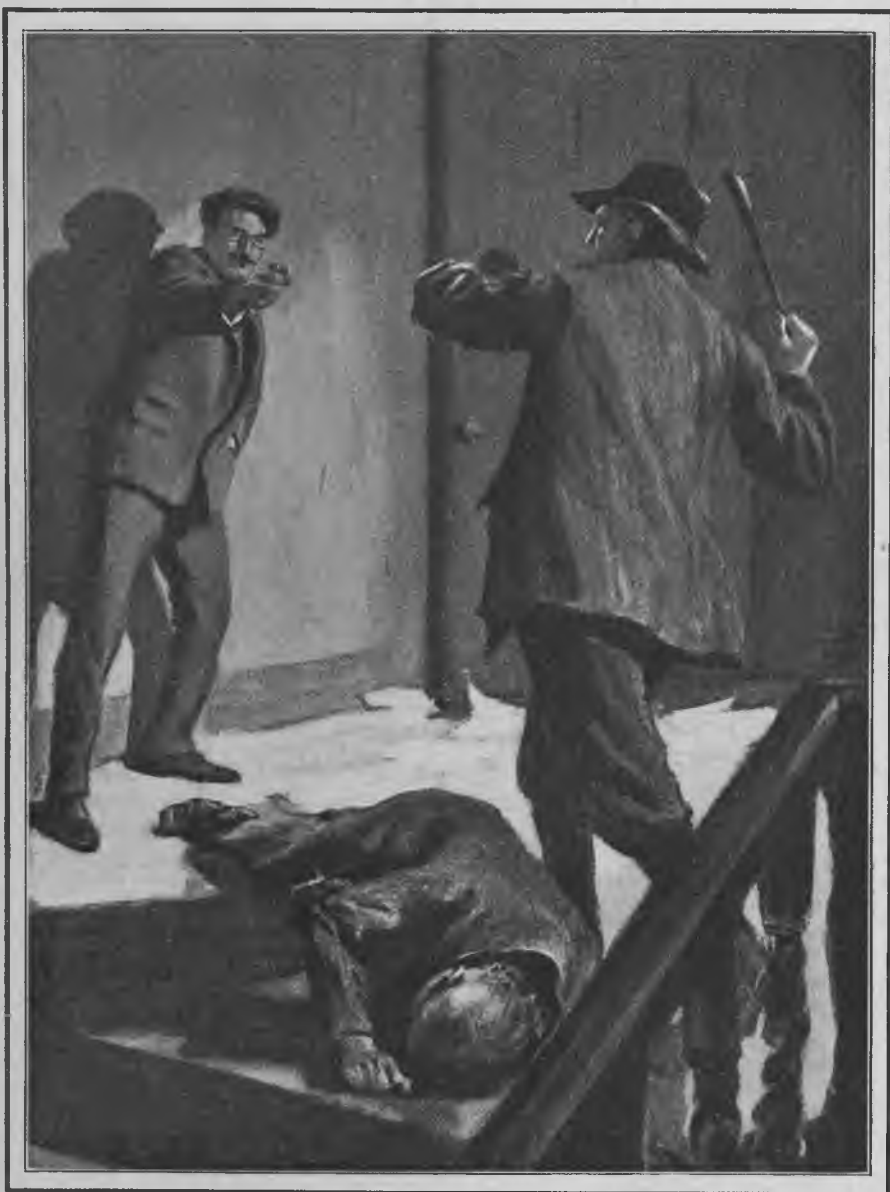
Такъ одѣваться въ нынѣшнемъ сезонѣ—не модно.

и кто знаетъ не захочетъ ли капризная мода къ будущей зимѣ нарядить всѣхъ нашихъ дамъ въ кринолины ихъ жеманныхъ прабабушекъ.

Лѣтнія модели шляпъ—всѣ маленькихъ размѣровъ съ небольшою отдѣлкой. Паради, эспри и. т. п. встрѣчаются рѣже, гладкій фасонъ съ однимъ куто или изящно согнутымъ крылышкомъ выглядитъ особенно элегантно при нынѣшнихъ костюмахъ, отличающихся изысканной простотой.

Особенное вниманіе въ этотъ сезонъ дамы обращаютъ на обувь т. к. юбки носятъ очень короткія, чуть не на $\frac{1}{2}$ аршина отъ земли и изящно обутая ножка со стройно обтянутой шиколодкой остается совершенно открытой. Но объ обуви въ слѣдующій разъ.

Л. К.

— Посмѣйте только прикоснуться ко мнѣ и я снесу вамъ голову...

(Стр. 122).

ДОЛИНА УЖАСА.

НОВѢЙШАЯ ПОВѢСТЬ А. КОНАНЪ Д'ОЙЛЯ.

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ.

Перепечатка воспрещается.

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩИХЪ ГЛАВЪ.

(См. №№ 21, 22 1914 г. и 1, 2, 3 1915 г. „Аргуса“).

Въ первыхъ главахъ новой и очень интересной повѣсти знаменитаго Конанъ Д'Ойля описывается: какъ не менѣе извѣстный Шерлокъ Холмсъ получилъ разъ, утромъ, шифрованное письмо, изъ котораго узналъ, что какая то опасность грозитъ Дугласу, богатому помѣщику въ Суссексъ. Почти сразу же вслѣдъ за письмомъ упомянутый Дугласъ былъ убитъ въ своемъ замкѣ въ Бирльстонѣ. У него на груди лежало орудіе убійства, ружье со спиленнымъ дуломъ, а вблизи карточка съ таинственными буквами В. В. и числомъ 341. Голова убитаго была совершенно разможена. На его рукѣ замѣтили очень странный выжженный знакъ: треугольникъ съ кругомъ посрединѣ. Обручальное кольцо убитаго исчезло.

Слѣдовъ преступленія оказалось мало: только кровавый слѣдъ на подоконникѣ. Холмсъ замѣтилъ, что одинъ изъ шаровъ гимнастическаго аппарата Дугласа исчезъ.

Сесиль Баркеръ, близкій другъ Дугласа, при допросѣ казался очень смущеннымъ. Отъ дворецкаго Эймса Холмсъ узналъ, что въ роковой вечеръ на ногахъ Баркера были ночные туфли. Подошва одной изъ этихъ туфель подошла къ кровавому слѣду на подоконникѣ и, такимъ образомъ, убійца зачѣмъ-то пробирался ко рву...

Холмсъ сказалъ своему другу доктору Ватсону, что, по всей вѣроятности, Баркеръ и жена Дугласа знаютъ очень многое о совершившемся преступленіи... Баркера заранѣе предупреждаютъ, что ровъ завтра будетъ обысканъ. Притаившись въ кустахъ, сыщики, Холмсъ и его другъ увидѣли, какъ, „Баркеръ высунулся изъ окна, и шевелилъ чѣмъ то во рту. Потомъ потянулъ какой то круглый предметъ, который и втащилъ немедленно къ себѣ въ комнату“...

Тогда всѣ сыщики, съ Холмсомъ во главѣ, бросаются въ домъ и тамъ Холмсъ, достаетъ изъ круглаго свертка пару сапогъ, ножъ, платье, со штепелемъ американскаго портного и недостающій шаръ отъ гимнастическаго аппарата! Объясненія Холмса всѣхъ изумляютъ своей неожиданностью и изумленіе усиливается, когда на сцену появляется Дугласъ, котораго всѣ считали убитымъ.

Дугласъ рассказываетъ, что онъ все время прятался въ тайникѣ, тутъ же въ домѣ, съ тѣхъ поръ, какъ изъ самозащиты убилъ человѣка, проникшаго къ нему въ домъ. Убитый имъ преслѣдовалъ его уже цѣлые годы, и сходство съ нимъ самимъ побудило его переодѣть трупъ и выдать за себя самого. Сходство между ними еще увеличилось тѣмъ, что на рукахъ обоихъ были одинаковые выжженные знаки. Баркеръ сдѣлалъ все, чтобы помочь своему другу. Сидя въ своемъ невольномъ заточеніи, Дугласъ написалъ исторію своей жизни и отдалъ рукопись доктору Ватсону, чтобы тотъ прочелъ ее и потомъ опубликовалъ...

ЧАСТЬ II.

Вторая часть повѣсти переноситъ читателя въ Америку, дѣтъ за двадцать назадъ и героемъ здѣсь является нѣкій Макъ Мурдо изъ Чикаго, членъ стариннаго Общества Свободныхъ Людей. Онъ считался въ Чикаго фальшивомонетчикомъ и, кромѣ того, убилъ товарища, который собирался его выдать. Въ Вермиссу онъ долженъ былъ бѣжать, чтобы его не арестовали. Такъ онъ рассказываетъ всѣмъ, кто съ нимъ знакомится. Въ меблированныхъ комнатахъ, въ которыхъ онъ поселился, онъ влюбляется въ дочь хозяина, которая, отвѣчаетъ ему взаимностью. Но отецъ ея предупреждаетъ Макъ Мурдо, что за дочерью его ухаживаетъ уже Тедъ Болдвинъ, членъ опасной шайки убійцъ. Молодая дѣвушка признается въ томъ же и уговариваетъ Макъ Мурдо увести отсюда ее и ея отца.

— Я защищу тебя передъ всѣми, но только непременно здѣсь!—сказала Мурдо...

— Но отчего же мы не можемъ уѣхать?

— Я не могу!...—отвѣчала Макъ Мурдо.

Въ то время, когда Эти уговаривала Макъ Мурдо покинуть Долину, въ которой невозможно оставаться изъ за царящихъ въ ней ужасовъ, въ комнату неожиданно вошелъ Тедъ Болдвинъ. Между двумя молодыми людьми завязывается ссора. Потомъ, когда Болдвинъ уходитъ, Макъ Мурдо торопится пойти къ Босу-Макъ-Джинти, чтобы рассказать ему, въ чемъ дѣло. Босъ задаетъ Макъ Мурдо нѣсколько вопросовъ, изъ которыхъ убѣдился, что послѣдній дѣйствительно членъ Ложы Свободныхъ Людей. Когда въ баръ пришелъ Болдвинъ и выказалъ непріязнь къ Макъ Мурдо, Босъ заставилъ ихъ примириться.

— Вотъ вамъ моя рука,—обратился Макъ Мурдо къ Болдвину.— Я скорѣ на ссору, но скорѣ и на примиреніе...

— Теперь, братъ Макъ-Мурдо, должны вамъ сказать, что официальный пріемъ въ нашу Ложу произойдетъ завтра... Наши правила отличаются отъ правилъ Чикагской Ложы, вы это сами увидите, братъ Макъ-Мурдо!..

ГЛАВА III.

Ложъ 341. Вермисса.

На слѣдующій день Макъ Мурдо уѣхалъ отъ старика Шафтера и поселился у вдовы Макнамара, на противоположномъ концѣ города. Сканланъ, рабочій, съ которымъ онъ познакомился въ поѣздѣ, теперь тоже переѣхалъ въ Вермиссу и жилъ съ Макъ Мурдо. Другихъ жильцовъ не было, и хозяйка, очень покладистая особа, позволяла имъ дѣлать, что угодно, и принимать, кого они пожелаютъ. Шафтеръ разрѣшилъ Макъ Мурдо приходить иногда къ нему обѣдать, и потому Этти и онъ видѣлись часто и сошлись еще ближе.

Спальня Макъ Мурдо представляла уютный, защищенный отъ лишнихъ глазъ уголокъ, и потому онъ могъ тамъ на свободѣ дѣлать свои монеты и снабжать ими братьевъ Ложы. Каждый изъ нихъ пришелъ къ нему хоть разъ и унесъ съ собой на память нѣсколько монетъ, сдѣланныхъ такъ хитро, что онѣ легко сходили за настоящія. Но работалъ онъ втайнѣ и никому не позволялъ присутствовать при работѣ, а на вопросы товарищей онъ резонно отвѣчалъ, что, если бы онъ не принималъ предосторожностей, то полиція уже давно бы его выслѣдила.

И, дѣйствительно, одинъ изъ полицейскихъ уже узналъ его, но этотъ эпизодъ неожиданно доставилъ Макъ Мурдо только лишнюю славу.

Съ тѣхъ поръ, какъ онъ представился Макъ Джинти, рѣдкій вечеръ проходилъ безъ того, чтобы онъ не навѣщалъ

„Салона“, чтобы ближе сойтись съ „молодцами“, какъ назывались члены ужасной шайки.

Его открытыя манеры и смѣлость въ разговорѣ уже внушили имъ большую симпатію, а послѣ того, какъ онъ далъ рѣзкій отпоръ нѣсколькимъ изъ потороннихъ, онъ рѣшительно сдѣлался любимцемъ. Слѣдующій случай еще болѣе возвысилъ его въ ихъ мнѣніи.

Какъ-то вечеромъ, когда собралось особенно много народу, дверь въ Салонъ распахнулась, и туда вошелъ человѣкъ въ формѣ Угольно-Желѣзной полиціи. Онъ принадлежалъ къ отряду, который организовали желѣзная дорога и владельцы угольныхъ копей на помощь полиціи отъ правительства, которая не могла справиться съ опаснымъ Обществомъ, наводившимъ ужасъ на населеніе.

При входѣ полицейскаго, по собранію пронесся предостерегающій шопотъ и посѣтителы переглянулись. Но подобная вещь никого не удивила, такъ какъ въ Америкѣ отношеніе между полиціей и преступниками совершенно особое. Не удивился и Макъ Джинти, когда полицейскій подошелъ къ стойкѣ.

— Стаканчикъ виски не повредитъ въ такую ночь, не правда ли?—обратился къ хозяину полицейскій офицеръ.—Кажется, мы съ вами не видались, Совѣтникъ,—продолжалъ онъ.

— Вы новый капитанъ?

— Вотъ именно... И мы желали, чтобы вы и другіе почетные граждане города пришли къ намъ на помощь... Мое имя: капитанъ Марвинъ, инспекторъ Желѣзнодорожной полиціи.

— Мы и безъ васъ обошлись бы,—холодно возразилъ Макъ Джинти.—У насъ есть собственная городская полиція и въ другихъ мы не нуждаемся!.. Вы не что иное, какъ оплаченное орудіе капиталистовъ для того, чтобы вѣшать и притѣснять бѣдняковъ ремесленниковъ!..

— Ну, ну, объ этомъ спорить не будемъ,—отвѣтилъ полицейскій добро-

душно.—Мы будемъ исполнять то, что отъ насъ требуется, вотъ и все... А на это разные люди смотреть разными глазами...

Онъ выпилъ свой стаканъ и повернулся, чтобы уйти, когда его глаза нечаянно встрѣтились съ глазами Макъ-Мурдо.

— А ты здѣсь!—вскричалъ онъ.—Какъ-же, какъ-же, Джекъ Макъ Мурдо, мой старый знакомый!..

Тотъ отшатнулся.

— Никогда не считалъ васъ и вамъ подобныхъ моими знакомыми!—заносчиво отвѣтилъ онъ.

— Да, не всегда знакомые бываютъ пріятелями,—возразилъ, усмѣхаясь, капитанъ.—Ты—Джекъ Мурдо изъ Чикаго, не отпѣкивайся!..

Макъ Мурдо пожалъ плечами.

— Да я и не отпѣкиваюсь... Неужели вы думаете, что я своего имени стыжусь?..

— Да и слѣдовало бы!..

— Что вы хотите этимъ сказать?—вскричалъ Макъ Мурдо, стискивая кулаки.

— Не выходи изъ себя понапрасну, Джекъ!.. Я служилъ въ Чикаго раньше, чѣмъ попалъ въ эту дыру, и знаю всѣхъ Чикагскихъ мошенниковъ.

Гнѣвъ Макъ Мурдо упалъ.

— Вы Марвинъ изъ Центральной?..

— Я самый... Тамъ мы еще не забили убійства Джонаса Пинто...

— Это не я его застрѣлилъ!..

— Въ самомъ дѣлѣ?.. Ну, во всякомъ случаѣ, его смерть подоспѣла замѣчательно во-время, такъ какъ онъ не преминулъ бы донести на васъ. Ну, да объ старомъ вспоминать не будемъ, и я даже по-дружески могу предупредить, что противъ васъ не нашлось явныхъ уликъ, и потому ты могъ бы туда спокойно вернуться...

— Мнѣ и здѣсь хорошо!..

— Я же тебѣ услугу дѣлаю, а ты огрызаешься, молодецъ!..

— Ну, спасибо, коли такъ,—нехотя призналъ Макъ Мурдо.

— Пока ты будешь смиренно сидѣть, я тебя не трону, но зато, если начнешь по-старому, то берегись... А пока прощай, прощайте и вы, Совѣтники!..

Онъ ушелъ изъ бара, сдѣлавъ предварительно изъ Макъ Мурдо положительнаго героя. О похожденияхъ его въ Чикаго перешептывались и раньше, но на всѣ вопросы онъ отвѣчалъ улыбкой человѣка, не желавшаго хвастаться. Теперь же это подтвердилось официально... Посѣтители бара столпились вокругъ него и каждый желалъ ему пожать руку. Теперь онъ могъ чувствовать себя здѣсь въ полной безопасности... Прежде онъ могъ пить лишь слегка, но зато въ этотъ вечеръ онъ напился такъ, что если бы не Скэнланъ, то герой вечера ночевалъ бы подъ баромъ!..

Въ субботу вечеромъ Макъ Мурдо былъ введенъ въ Ложу. Онъ думалъ, что это будетъ продѣлано безъ особенныхъ церемоній, какъ это дѣлается въ Чикаго и другихъ мѣстахъ, но въ Вермиссѣ все было по другому, чѣмъ члены Ложы немало гордились...

Члены встрѣтились въ большой залѣ Общественнаго Собранія. Собралось около шестидесяти человѣкъ, но это были далеко не всѣ, такъ какъ въ Долинѣ существовало еще нѣсколько Ложъ, съ которыми они и обмѣнивались услугами въ случаѣ нужды, напримѣръ, если требовалось преступленіе было совершено кѣмънибудь, живущимъ не въ данной мѣстности. Всѣхъ членовъ въ Долинѣ было не менѣе пятисотъ.

Всѣ сидѣли вокругъ длиннаго стола. Въ сторонѣ стоялъ другой столъ, уставленный бутылками и стаканами и на него частенько поглядывали члены Общества... Макъ-Джинти возсѣдалъ во главѣ, въ плоской, черной, бархатной шапочкѣ на пышныхъ кудряхъ и въ пурпуровомъ шарфѣ, обернутомъ вокругъ шеи, и сильно напоминалъ языческаго жреца, въ ожиданіи исполненія какого-нибудь дьявольскаго ритуала.

Направо и налево отъ него сидѣли старшіе члены, и между ними виднѣлось красивое, розовое лицо Теда Болдвина. Всѣ въ залѣ имѣли на себѣ какой-нибудь знакъ Общества въ видѣ шара или медальона. По большей части это были люди въ лѣтахъ, но была и молодежь отъ восемнадцати до два-

дцати пяти лѣтъ, и они были самыми дѣтельными и отважными членами, исполнявшими то, что имъ приказывали старшіе... Между пожилыми было нѣсколько звѣрскихъ лицъ, но по большей части они были скорѣе добродушны, и трудно вѣрилось, что это члены самой опасной шайки, люди, готовые на все, убійцы, хваставшіе своими дѣлами и преклонявшіеся передъ своимъ начальникомъ за то, что онъ „чисто обдѣлывалъ дѣла“!..

Эти исковерканныя натуры считали дѣломъ достойнымъ похвалы приносить вредъ людямъ, которые ничѣмъ не оскорбили ихъ и которыхъ они часто даже никогда не видѣли... Послѣ совершенія убійства они ссорились изъ-за того, кто нанесъ первый ударъ, и забавляли остальныхъ разсказами, какъ кричала и стонала ихъ жертва...

Первое время они старались совершать свои дѣла втайнѣ, но потомъ, привыкнувъ къ безнаказанности, они открыто говорили о нихъ, такъ какъ знали, что, во-первыхъ, никто не посмѣетъ донести на нихъ изъ риска быть самому убитому, а, во-вторыхъ, къ услугамъ ихъ были фальшивые свидѣтели, которые всегда могли доказать, что они были въ моментъ преступленія въ совершенно другомъ мѣстѣ, а въ худшемъ случаѣ, за деньги Общества, они всегда могли найти лучшихъ защитниковъ въ Штатахъ...

За десять долгихъ лѣтъ еще обвиненъ никто не былъ и единственную опасность для членовъ Шайки представляла сама жертва, которой могло удасться отмѣтить какимъ-нибудь знакомъ своего убійцу!..

Макъ-Мурдо былъ предупрежденъ, что ему предстоятъ испытанія, но какія именно, ему никто не говорилъ. Его ввели теперь двое угрюмыхъ братьевъ въ слѣдующую комнату. Черезъ неплотно прикрытыя двери онъ могъ слышать голоса въ залѣ. Нѣсколько разъ ему показалось, что упоминали его имя, и онъ понималъ, что обсуждаются его шансы на кандидатуру... Потомъ въ комнату вошелъ еще братъ, съ зеленымъ съ золотомъ кушакомъ.

— По повелѣнію Главнаго Мастера, ты долженъ быть связанъ, ослѣпленъ и допущенъ къ испытаніямъ!.. — сказалъ онъ.

Затѣмъ всѣ трое сняли съ Макъ-Мурдо пиджакъ, обнажили его правую руку и, пропустивъ веревку черезъ локти, закрѣпили ее узломъ. Потомъ на голову ему накинули плотный черный капюшонъ такъ, что онъ закрылъ верхнюю часть лица. Теперь, когда онъ ничего не могъ видѣть, его повели обратно.

Подъ повязкой было темно и душно. Онъ слышалъ отдаленный рокотъ голосовъ. Потомъ заговорилъ Макъ-Джинти, и его голосъ тоже звучалъ глухо и издалека.

— Джонъ Макъ-Мурдо, — сказалъ Главный Мастеръ, — состоите ли вы уже членомъ Стариннаго Ордена Свободныхъ Людей?

Макъ-Мурдо утвердительно кивнулъ головой.

— Ваша Ложка номеръ двадцать девять. Чикаго?

Онъ снова кивнулъ.

— Темныя ночи неблагопріятны. — сказалъ голосъ.

— Да, для нутешественниковъ...

— Облака сгустились...

— Да, и буря близка!..

— Довольны ли братья?.. — спросилъ Главный Мастеръ.

Послѣдовалъ одобрителный шопотъ.

— Мы знаемъ, братъ, по твоему лозунгу, что ты принадлежишь къ намъ. — сказалъ Макъ-Джинти. — Но у насъ и въ сосѣднихъ Ложкахъ существуетъ особый ритуалъ при принятіи, и на нашихъ членовъ, кромѣ того, накладываются особыя обязанности... Готовъ ли къ испытанію, братъ?

— Да...

— Выдержишь ли ты его?

— Да...

— Тогда начинайте!

И тотчасъ же Макъ-Мурдо почувствовалъ, что къ его глазамъ прижаты два острія, и если онъ двинется впередъ, то они вопьются въ него... И все же онъ заставилъ себя шагнуть впередъ, и острія исчезли.

Снова слышались знаки одобренія...

— А ты здѣсь!—вскричалъ полицейскій.—...Джекъ Макъ Мурдо, мой старый знакомый!.. (Стр. 115).

— Онъ стоекъ!..—заявиль голосъ. — Можешь ли ты выдержать боль?

— Все что угодно...

— Испытайте его!..

Онъ собралъ всѣ свои силы, чтобы не закричать отъ жгучей боли, такъ какъ къ его правой рукѣ прикипили горячіе щипцы. Онъ почти потерялъ сознание отъ невыносимой боли, но закусилъ губы и это помогло ему придти въ себя.

— Я могу вынести и больше этого,—сказалъ онъ.

Послышались оглушающіе аплодисменты. Ни разу ни одинъ изъ испытуемыхъ не проявилъ еще столько мужества.

Его похлопали по спинѣ, и капюшонъ былъ сдернутъ съ головы.

Онъ стоялъ, моргая глазами и улыбаясь на поздравленія братьевъ.

— Еще одно слово,—сказалъ Макъ-Джинти,—и послѣднее: вы клялись уже, братъ Макъ-Мурдо, въ вѣрности, а знаете ли вы, что за нарушеніе тайны слѣдуетъ немедленная смерть?..

— Да...—сказалъ Макъ-Мурдо.

— И вы подчиняетесь власти Главнаго Мастера?..

— Да...

— Итакъ, отъ имени Вермиской Ложи 341 я привѣтствую васъ, братъ, и даю вамъ всѣ полномочія!.. Поставьте къ намъ ликеры, братъ Сканланъ, и выпьемъ за новаго собрата!..

Макъ-Мурдо принесли одежду, но прежде онъ посмотрѣлъ на свою правую руку, все еще очень болѣвшую... На ней, выше локтя, ясно вырисовывался выжженный знакъ: кругъ съ треугольникомъ въ серединѣ. Нѣкоторые изъ ближайшихъ сосѣдей тоже засучили рукава и показали точно такіе же знаки Ложи.

Макъ-Мурдо, привыкшій къ простымъ формальностямъ Чикагской Ложи, наблюдалъ, что было силъ, и хотя былъ приготовленъ ко многому, но все-же внутри удивлялся.

— Прежде всего, на сегодняшнемъ листѣ стоять дѣло Мастера Виндли... Мы должны прочитатъ его письмо изъ Мертонской Ложи 249. Вотъ оно:

И Макъ-Джинти прочелъ вслухъ:

„Милостивый Государь!.. Предстоитъ работа надъ Андрю-Раемъ изъ Угольной Компаніи: „Рай и Стумашъ“. Вы, можетъ быть, припомните, что вы должны намъ возвратить услугу за тотъ разъ, въ дѣлѣ охранителей, когда наша Ложа одолжила двухъ своихъ братьевъ... Если можно, пошлите двухъ людей къ нашему казначею Хиггинсу и онъ имъ укажетъ, что дѣлать.

Вашъ Д. Виндли. Г. М. В. Л.“.

— Виндли никогда не отказывалъ, когда мы просили у него помощи, и мы должны поступить такъ же...

Макъ Джинти замолчалъ и испытующимъ взглядомъ обвелъ комнату.

— Кто пойдетъ на работу?

Нѣсколько юношей подняли кверху руки. Главный Мастеръ смотрѣлъ на нихъ съ одобрительной улыбкой.

— Ты пойдешь, Кормакскій Тигръ. Если ты проведешь это дѣло такъ же хорошо, какъ послѣднее, ты не потеряешь!.. А ты, Вильсонъ?

— У меня нѣтъ револьвера,—отвѣтилъ мальчикъ, лѣтъ шестнадцати на видъ.

— Ты въ первый разъ?.. Ну надо же и тебѣ когда-нибудь окреститься кровью! Что же касается револьвера, то онъ потомъ будетъ у тебя, это я обещаю... Вы можете пойти туда въ понедѣльникъ. А послѣ мы встрѣтимъ васъ съ честью!..

— Награда?—спросилъ Кормакъ, коренастый, съ темнымъ, грубымъ лицомъ, за свою жестокость получившій прозвище Тигра.

— О наградѣ не думайте, работать надо изъ-за чести. Но, можетъ быть, когда все будетъ кончено, то нѣсколько долларовъ и найдется для васъ.

— А что этотъ человѣкъ сдѣлалъ?—спросилъ съ любопытствомъ юный Вильсонъ.

— А вотъ это ужъ совсѣмъ не ваше дѣло!.. Разъ человѣкъ осужденъ, все для него кончено... Мы должны дѣлать то, что намъ скажутъ, и то же самое сдѣлаютъ они для насъ... Значить, на

той недѣлѣ къ намъ явится двое братьевъ изъ Мертонской Ложи.

— Кто они?—спросилъ кто-то.

— Лучше не спрашивать... Если вы ничего не знаете, то вы и показать ничего не можете!.. А есть люди, которые живо допытываются, въ чемъ дѣло, если дать имъ время!..

— Вообще, здѣшніе выбиваются изъ рукъ,—замѣтилъ Тедъ Болдвинъ.—Еще недавно трое изъ нашихъ были обмануты флякеромъ... Ну да, впрочемъ, онъ свое получилъ!..

— Получилъ что?—шопотомъ спросилъ Макъ Мурдо своего сосѣда.

Тотъ громко расхохотался.

— Пулю, конечно!.. Что вы теперь думаете о нашихъ законахъ, братъ?..

Преступная душа Макъ Мурдо, очевидно, оцѣнила по достоинству рѣшительность законовъ Ложи...

— Хорошая школа для мальчиковъ!—одобрительно замѣтилъ онъ.

Остальнымъ это очень понравилось.

— Что тамъ такое?—спросилъ Главный Мастеръ съ другого конца стола.

— Да вотъ, нашъ новый братъ насъ вполне одобряетъ,—отвѣтили ему. Макъ Мурдо поднялся.

— Я говорю, что если нашъ возлюбленный начальникъ найдетъ, что для дѣла нужны люди, то я съ радостью помогу Ложѣ...—

Послѣдовало бурное одобреніе. Рѣдко бывало, чтобы вновь поступившій самъ просился въ дѣло. Нѣкоторымъ изъ старшихъ такой прогрессъ показался слишкомъ поспѣшнымъ.

Я бы сказалъ,—началь секретарь Ложи, Гирвай, съ жестокимъ лицомъ и сѣдой бородой,—что братъ Макъ Мурдо долженъ ждать, пока Ложѣ заблагоразсудится выбрать его, а не выступать самому...

— Я это и хотѣлъ сказать,—поторопился отвѣтить Макъ Мурдо,—я вполне въ вашихъ рукахъ...

— Ваше время придетъ,—успокоилъ его председатель.—Мы отмѣтили васъ, какъ достойнаго человѣка, и вѣримъ, что вы оправдаете наше мнѣніе. На сегодня есть маленькое дѣльце, въ ко-

торомъ вы можете принять участіе, если хотите!..

— Я подожду чего-нибудь позначительнѣе!..

— Но пока можете пойти и на это, по крайней мѣрѣ познакомитесь съ нашимъ образомъ дѣйствій... Потомъ я сообщу, что именно... Теперь же я долженъ представить собранію два дѣла. Прежде всего я обращусь къ нашему казначею, чтобы узнать, какъ обстоятъ наши финансовыя дѣла. Вдовѣ Джима Карнавейса надо назначить пенсію. Онъ погибъ, работая для Ложи, и Ложа должна позаботиться, чтобы съ его смертью жена ничего не потеряла.

— Джима пристрѣлили въ прошломъ мѣсяцѣ, когда убивали Честера Вилькокса изъ Марлейкрука...—пояснилъ Макъ-Мурдо его ближайшій сосѣдъ.

— Фонды стоятъ хорошо,—возвѣстилъ казначей, передъ которымъ лежала счетная книга.—Фирмы послѣднее время уплачивали аккуратно... Максъ Линдербъ и Ко. заплатили пятьсотъ, чтобы только ихъ оставили въ покоѣ... Братья Волкеры—сто фунтовъ стерлинговъ, но я вернула ихъ имъ, прося добавить еще четыреста. Если до пятницы они объ этомъ не позаботятся, то нужно будетъ принять мѣры... Придется поджечь нѣсколько строеній, авось, это сдѣлаетъ ихъ благоразумнѣе!.. Потомъ Западная Угольная Компанія сдѣлала свой ежегодный взносъ. Итакъ, на расходы деньги у насъ пока есть!..

— А что, какъ Арчи Свиндонъ?..

— Онъ продалъ свою часть и уѣхалъ отсюда... Этотъ старый плутъ оставилъ намъ записку, въ которой пишетъ, что онъ предпочитаетъ сдѣлаться трубочистомъ въ Нью-Йоркѣ, чѣмъ имѣть богатые угольные копи здѣсь и быть объектомъ шантажа!.. Хорошо, что онъ уѣхалъ прежде, чѣмъ его письмо дошло до насъ!.. Иначе бы ему не поздоровилось!.. Къ намъ въ Долину онъ небось теперь не покажется!..

Пожилой, чисто выбритый человѣкъ, съ добродушнымъ лицомъ и высокимъ лбомъ, поднялся съ своего мѣста какъ разъ противъ кресла председателя.

— Господинъ казначей, — началъ онъ. — Могу я узнать, кто купилъ мѣсто человѣка, котораго мы заставили уѣхать отсюда?

— Можете, братъ Морисъ!.. Оно куплено Мертонской Желѣзнодорожной Компаніей.

— А кто купилъ участокъ Тодмана и Ли, которыхъ мы изнали угрозами въ прошломъ году?

— Та же компанія, братъ Морисъ!..

— А желѣзные копи Шумана и Ванъ Дерера кому теперь принадлежать?

— Они принадлежатъ Западной Гильмертонской Угольной Компаніи...

— Я не понимаю, къ чему вамъ нужно знать, братъ Морисъ, — вступился председатель, — кто купилъ участки тѣхъ, кого мы нашли нужнымъ удалить отсюда?..

— Я думаю, господинъ председатель, что, наоборотъ, это дѣло должно очень занимать насъ. То же самое продѣлывается уже десять лѣтъ и мы постепенно выживаемъ изъ Долины мелкихъ собственниковъ, передавая ихъ владѣнія крупнымъ торговымъ фирмамъ, заправили которыхъ живутъ въ Нью-Йоркѣ или Филадельфій и ничего съ нами общаго не имѣютъ. Мы можемъ выгнать отсюда ихъ представителей, но на ихъ мѣсто посылаются другіе. Мы, помогая имъ, призываемъ бѣду на наши же головы!.. Мелкіе владѣльцы намъ не причиняли вреда... У нихъ не было ни силы, ни средствъ бороться съ нами, и пока мы ихъ не прижимали черезчуръ сильно, они не противорѣчили. Большія же компаніи, наоборотъ!.. Если онѣ увидятъ, что мы стоимъ между ними и ихъ прибылями, то онѣ не пожалѣютъ средствъ, чтобы поймать насъ и заставить исчезнуть окончательно...

По собранію пронесся гулъ, лица нахмурились, глаза засверкали гнѣвомъ и угрозой... Они все настолько привыкли къ своей власти, что имъ и въ голову не приходило, что она могла когда нибудь кончиться. Слова пожилого Мориса пробудили ихъ и заставили призадуматься.

— Мой совѣтъ, — продолжалъ братъ Морисъ, — не особенно прижимать мел-

кихъ людей, такъ какъ вмѣстѣ съ ними исчезнемъ и мы!..

Правда не всегда пріятна... Въ отвѣтъ на слова Мориса послышались крики недовольства. Макъ-Джинти всталъ съ нахмуреннымъ лбомъ.

— Братъ Морисъ, — сказалъ онъ. — Вы всегда были дурнымъ предсказателемъ. Пока все члены Ложи стоятъ одинъ за другого, никакая власть въ Штатахъ не въ силахъ расторгнуть нашего союза. Развѣ мы не судились?.. Наоборотъ, я думаю, что большія компаніи и платить будутъ больше, но также охотно, какъ маленькія, когда увидятъ, что бороться съ нами опасно... А теперь, братья!.. — и Макъ-Джинти приподнял свою бархатную шапочку, — Ложа на сегодняшній вечеръ закончила свои дѣла, кромѣ одного, небольшого... Но его мы можемъ рѣшить и потомъ, передъ уходомъ. Пока же мы можемъ освѣжиться и подкрѣпиться!..

Странна въ самомъ дѣлѣ человѣческая натура... Здѣсь собрались люди, для которыхъ убійство было обычнымъ дѣломъ, которые спокойно убивали отца семейства, не причинившаго имъ лично никакого вреда и вовсе не думая объ его осиротѣвшихъ дѣтяхъ и женѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ музыка и пѣніе нѣжныхъ романсовъ трогали ихъ до слезъ... У Макъ-Мурдо былъ очень пріятный теноръ и послѣ того, какъ онъ спѣлъ нѣсколько простыхъ пѣсенокъ, онъ окончательно завоевалъ сердца окружающихъ.

Потомъ, когда люди выпили достаточно виски, для того, чтобы ихъ страсти вспыхнули сильнѣй, председатель всталъ и снова обратился къ присутствующимъ:

— Молодцы! — началъ онъ. — Здѣсь въ городѣ есть человѣкъ, который заслуживаетъ хорошаго урока... Я говорю про Джемса Стангера, редактора Вѣстника. Вы видѣли, что онъ опять попробовалъ бороться съ нами!..

Макъ-Джинти вынулъ изъ кармана газету.

— Вотъ статья, озаглавленная „Западное Общество“. „Царство террора

въ Желѣзноугольной долины... Двѣнадцать лѣтъ прошло со времени первыхъ убійствъ, которыя доказали намъ, что среди насъ имѣется преступная организація. Съ тѣхъ поръ деспотизмъ этого Общества продолжалъ все увеличиваться и, наконецъ, дошелъ до невозможнаго... Неужели для того принимаетъ наша великая страна жертвъ деспотизма, бѣжавшихъ изъ Европы, чтобы мы сами, здѣсь, у себя на родинѣ, сдѣлались такими же жертвами террора преступной шайки?.. Члены этой шайки извѣстны всѣмъ!.. До которыхъ же поръ мы будемъ терпѣть ихъ тиранію?.. "... Ну, и такъ далѣе!—воскликнулъ предсѣдатель, комкая газету и бросая ее на столъ.—Довольно съ васъ?.. И вотъ теперь я васъ спрашиваю, что намъ съ нимъ сдѣлать?..

— Убить его! — крикнула дюжина злобныхъ голосовъ.

— Противъ этого я протестую снова! — возразилъ пожилой рабочій, поднимаясь еще разъ.— Я говорю вамъ братья, что наша рука и такъ слишкомъ тяжело легла на Долину и скоро дойдетъ до того, что изъ самозащиты всѣ поднимутся противъ насъ... Джемсъ Стангеръ старый человѣкъ... Его слова цѣнятся, ему вѣрятъ... Если мы убьемъ его, это произведетъ огромное впечатлѣніе по всѣмъ Штатамъ и повлечетъ съ собой начало конца нашей организаціи!..

— А какимъ это образомъ они ее разрушатъ, господинъ трусъ?..—освѣдомился язвительнымъ тономъ Макъ-Джинти.—Черезъ полицію?.. Но она наполовину подкуплена, на половину запугана нами. Судомъ?.. Но развѣ не случалось, что мы судились и что же изъ этого выходило?..

— Можетъ наступить и чередъ Судьи Линча!—замѣтилъ братъ Морисъ.

Это предположеніе вызвало бурю негодованія.

— Мнѣ стоить только пошевелить пальцемъ, — воскликнулъ Макъ-Джинти,—и двѣсти человѣкъ ворвутся въ городъ и очистятъ его съ начала до конца!..

Потомъ онъ неожиданно возвысилъ голосъ и нахмурилъ густыя брови.

— За вами, братъ Морисъ, я слѣжу уже давненько!..—Въ васъ нѣтъ мужества и вы хотите лишить его и остальныхъ!.. Но берегитесь... Можетъ настать время, когда ваше имя появится въ нашемъ спискѣ и вамъ тогда придется не сладко!.. И отъ меня зависитъ помѣстить его туда, хотъ сейчасъ!..

Морисъ смертельно поблѣднѣлъ и колѣни подогнулись подъ нимъ. Онъ упалъ въ кресло и дрожащей рукой поднесъ стаканъ къ губамъ. Потомъ онъ отвѣтилъ:

— Извиняюсь передъ вами, господинъ предсѣдатель, и передъ всѣми братьями!.. Очень можетъ быть, что я сказалъ черезчуръ многое... Но я вѣрный членъ Ложи и только страхъ за нее и заставилъ меня произнести тѣ боязливыя слова... Но конечно, возлюбленный начальникъ, я знаю, что вамъ судить вѣрнѣе!.. И я общаю больше никогда не оскорблять васъ своими совѣтами!

Гнѣвъ главнаго мастера упалъ.

— Хорошо,—снисходительно заявилъ онъ.—Мнѣ самому было бы непріятно, братъ Морисъ, примѣнять наши средства противъ своего же члена.—Но вотъ что, братья,—обратился онъ снова къ компаніи.—Отчасти братъ Морисъ и правъ, и убійство Стангера вызвало бы слишкомъ много толковъ. Всѣ редакторы стоятъ одинъ за другого, и газеты Долины подняли бы опасный шумъ... Но проучить его все таки надо... Братъ Болдвинъ, вы возьмете это на себя?..

— Я готовъ!—заявилъ тотъ съ охотой.

— Сколько людей вамъ нужно?

— Шестерыхъ, и двое должны охранять двери. Вы, Говеръ, пойдите со мной и вы, Манзель, и вы Сканланъ, и двое Вилиабайсовъ.

— Я общалъ новому брату, что онъ тоже пойдетъ,—замѣтилъ предсѣдатель.

Тедъ Болдвинъ кинулъ Макъ-Мурдо взглядъ, по которому можно было судить, что онъ ничего не забылъ и не простилъ...

— Пусть идетъ, если желаетъ,—кислымъ тономъ согласился онъ.—Теперь довольно, и чѣмъ скорѣе мы кончимъ работу, тѣмъ лучше!..

Вся компанія съ криками и пѣснями высыпала на улицу. Большая часть пошла кончать вечеръ въ баръ.

Назначенные на работу отдѣлились и по двое, по трое, чтобы не привлекать на себя вниманіе, отправились въ сторону редакціи газеты. Ночь была холодная и на небѣ сіяла полная луна и сверкали холоднымъ блескомъ звѣзды. Люди сбились въ кучку у дома, на которомъ видѣлась большая вывѣска: „Вермисскій Вѣстникъ“. Окна дома были ярко озарены и изъ нихъ доносился шумъ типографскихъ станковъ.

— Вы останетесь здѣсь, — обратился Болдвинъ къ Макъ-Мурдо, — и будете наблюдать за тѣмъ, чтобы нашъ путь къ отступленію оставался свободнымъ... Съ вами можетъ остаться Артуръ Вилябю. Остальные пойдутъ со мной... Не бойтесь ничего, молодцы, потому что завтра же найдете дюжину свидѣтелей, которые подтвердятъ, что въ это время вы были въ барѣ!..

Было близко къ полночи и улица была пуста, если не считать нѣсколькихъ запоздавшихъ прохожихъ, горопившихся къ себѣ домой.

Дверь распахнулась и вся компанія бросилась на лѣстницу. Только Макъ-Мурдо и Вилябю остались внизу. Изъ комнаты наверху послышался крикъ, зовы на помощь, и потомъ топотъ ногъ и шумъ падающихъ столовъ и стульевъ. Мгновеніемъ позднѣе, на улицу выбѣжалъ человѣкъ съ сѣдыми волосами. Его схватили тотчасъ же и его очки упали къ ногамъ Макъ-Мурдо. Потомъ послышался шумъ отъ паденія тяжелаго тѣла и стонъ. Старикъ лежалъ теперь на землѣ, лицомъ внизъ и на его голову и спину сыпались безчисленные удары палками. Онъ судорожно извивался, пытаясь встать и стараясь избѣжать ударовъ, но это нисколько не помогало... Наконецъ, все остановилось и только одинъ Болдвинъ съ жестокой улыбкой готовился нанести еще одинъ, ужасный ударъ по затылку, который напрасно старался защитить руками безпомощный старикъ. Его сѣдые волосы испещрились пятнами крови. Болдвинъ все еще

стоялъ нагнувшись и выбирая мѣсто для удара, когда Макъ-Мурдо схватилъ его за руку и оттащилъ назадъ.

— Бросьте!.. Вы убьете его! — ска-
заль онъ.

Болдвинъ съ удивленіемъ уставился на него.

— Будьте вы прокляты! — воскликнулъ онъ наконецъ. — Какое право имѣете вы отмѣнять постановленіе Ложи, когда вы едва приняты туда!.. Сами вы убиваетесь!..

Онъ поднялъ свою дубинку, но Макъ-Мурдо вынулъ изъ кармана револьверъ и прицѣлился въ него.

— Посмѣйте только прикоснуться ко мнѣ и я снесу вамъ голову! — крикнулъ онъ. — Что же касается Ложи, то ея приказъ былъ проучить человѣка, такъ какъ убивать его было бы вредно прежде всего для насъ самихъ, а вы что же дѣлаете, какъ не убиваете его?..

— Онъ вѣрно говорить! — замѣтилъ одинъ изъ толпы.

— Окна напротивъ освѣщаются и еще минута и улица будетъ полна народа! — крикнулъ другой. И дѣйствительно слышались крики и наверху лѣстницы показалась кучка сотрудниковъ и рабочихъ, стоявшихъ пока нерѣшительно, но могущихъ каждую минуту набраться храбрости и броситься на разбойниковъ. Оставивъ неподвижное тѣло редактора лежать на мостовой, толпа преступниковъ разсѣялась по улицамъ. Достигнувъ бара, нѣкоторые смѣшались съ посѣтителями Салона и шопотомъ передавали Макъ-Джинти объ успѣшномъ дѣлѣ. Нѣкоторые же, и въ ихъ числѣ Макъ-Мурдо, пошли домой окольными путями, чтобы сбить преслѣдователей, если таковые найдутся...

Глава IV.

Долина ужаса.

Когда на слѣдующее утро Макъ Мурдо проснулся, посѣщеніе имъ наканунѣ Ложи вспомнилось особенно ярко — голову ломило отъ выпитаго вина, а рука, на которой былъ выжженъ знакъ, вспухла и покраснѣла.

Работа у него была особая, не требовавшая регулярной усидчивости и потому свободенъ онъ бывалъ часто. Такъ и теперь, онъ поздно позавтракалъ и принялся за длинное письмо къ своему другу. Потомъ онъ прочиталъ „Ежедневный Вѣстникъ“. Тамъ была большая статья, отпечатанная позже другихъ, въ которой рассказывалось вчерашнее происшествіе. Кончалось это слѣдующимъ:

„Дѣло это теперь въ рукахъ полиціи, но врядъ ли можно надѣяться на лучший результатъ, чѣмъ это бывало въ прошломъ,—хотя нѣкоторые изъ нападавшихъ были узнаны и быть можетъ ихъ удастся уличить... Но несмотря на то, что редакторъ жестоко пострадалъ (къ счастью, его увѣчья не смертельны), его собратъ горячо стоитъ за правое дѣло и раздѣляютъ его возмущеніе противъ низкой шайки, держащей весь округъ въ повиновеніи“...

Дальше говорилось, что редакція охраняется теперь отрядомъ Желѣзно-Угольной полиціи, вооруженной винчестерскими винтовками.

Макъ Мурдо отложилъ въ сторону газету и дрожащей рукой закурилъ трубку. Послѣ вчерашняго кутежа врядъ ли можно было ожидать особой твердости руки!.. Какъ разъ въ это время послышался стукъ въ дверь. Хозяйка подала ему записку, только что принесенную какимъ-то мальчикомъ. Подписана она не была. Вотъ что въ ней стояло:

„Мнѣ хотѣлось бы переговорить съ вами, но только не у васъ въ домѣ... Вы найдете меня у мачты на Мельничномъ Холмѣ. Если вы придете, то я имѣю нѣчто важное передать вамъ и услышать отъ васъ“.

Макъ Мурдо съ удивленіемъ перечелъ записку дважды. Онъ не могъ себѣ представить, кто бы это могъ быть... Если бы рука была женская, дѣло объяснилось бы просто, раньше не мало у него бывало такихъ исторій... Но почеркъ былъ мужской и писалъ видимо человѣкъ образованный. Подумавъ, Макъ Мурдо рѣшилъ изслѣдовать дѣло до конца.

Мельничный Холмъ былъ дурно со-

держимымъ городскимъ садомъ. Находился онъ въ центрѣ города и по лѣтамъ былъ любимымъ мѣстомъ прогулокъ горожанъ, но зимой онъ обыкновенно бывалъ пустыннымъ. Макъ Мурдо поднялся на самую вершину, откуда разстилался видъ не только на весь городъ, но и на Долину съ ея шахтами и горнами. По неширокой дорожкѣ онъ приблизился къ заброшенному лѣтнему ресторану. Недалеко отъ него, у мачты для флага, стоялъ какой-то человѣкъ въ нахлобученной на носъ шляпѣ и поднятомъ воротникѣ пальто. Когда онъ повернулся, Макъ Мурдо узналъ въ немъ брата Морисса, возбудившаго накануне гнѣвъ Главнаго Мастера Ложи. Они обмѣнялись Знаками Ложи, необходимыми при встрѣчѣ ея членовъ.

— Мнѣ нужно бы обмѣняться съ вами словами двумя,—началъ Моррисъ, слегка колеблясь.—Какъ хорошо, что вы пришли...

— Но отчего вы не подписались?

— Приходится быть осторожнымъ!.. Въ наши времена никто не знаетъ, что изъ этого выйдетъ!.. Не знаешь и того, кому вѣрить, а кому нѣтъ...

— Но братьямъ Ложи вѣрить конечно можно?..

— Нѣтъ, нѣтъ, не всегда!—съ волненіемъ воскликнулъ Моррисъ.—Все, что мы говоримъ и даже думаемъ, доходить до Макъ Джинти!

— Слушайте:—твердо началъ Макъ Мурдо,—только сегодняшней ночью какъ вы сами знаете, я клялся, что буду преданъ Главному Мастеру... Что же, вы хотите, чтобы я нарушилъ эту клятву?

— Ахъ если вы такъ на это смотрите!..—печально возразилъ Моррисъ.—Въ такомъ случаѣ могу только извиниться, что напрасно васъ потревожилъ... Плохое время наступило, если двое свободныхъ гражданъ не могутъ говорить между собой откровенно!..

Макъ Мурдо, внимательно наблюдавший своего собесѣдника, измѣнилъ тонъ:

— Конечно я говорю только за себя... Я здѣсь новичекъ и обычаевъ вашихъ не знаю. Я рта не открою, когда это не будетъ нужно, господинъ Моррисъ, и

если вы имѣете что либо мнѣ сказать, то я васъ слушаю...

— А потомъ все перескажете Макъ Джинти?..

— Право же вы несправедливы ко мнѣ! — горячо запротестовалъ Макъ Мурдо.

— Я останусь вѣренъ Ложѣ и прямо вамъ это говорю... Но тѣмъ не менѣе я былъ бы подлецомъ, если бы выдалъ другимъ то, что вы скажете мнѣ втайнѣ!.. Дальше меня ваша тайна не пойдетъ, но впередъ говорю, что вы можете быть не найдете во мнѣ ни симпатіи, ни поддержки...

— Ахъ я уже давно и думать забылъ, какъ о томъ, такъ и о другомъ! — вздохнулъ Моррисъ. — Въ ваши руки я отдаю мою жизнь, но думаю, что хотя, судя по вчерашней ночи вы и окажетесь хуже худшаго изъ нихъ, все же здѣсь вы новичекъ и не потеряли еще совѣсти, какъ въ здѣшніе!.. Вотъ почему я и говорю съ вами...

— Но что же вы хотите сказать?

— Если вы выдадите меня, то будьте вы прокляты!..

— Вѣдь я уже сказалъ, что нѣтъ!..

— Я спрашиваю васъ, что когда вы приносили присягу въ вашей Ложѣ въ Чикаго, въ томъ что вы будете вѣрны и добродѣтельны, думали ли вы тогда, что это приведетъ васъ къ преступленію?..

— Если это называть преступленіемъ...

— Называть преступленіемъ!.. — страстно воскликнулъ Моррисъ. — Не много же вы знаете, если можете такъ говорить!.. По вашему тоже не было

преступленіемъ, когда сегодня ночью безпомощнаго старца, годившагося вамъ въ отцы, избили до полусмерти!..

— Нѣкоторые назовутъ это войной!.. — возразилъ Макъ Мурдо — борьбой двухъ классовъ, средства для которой не разбираются...

— Но вы это знали, когда поступали въ вашу Ложу? — допытывался Моррисъ.

— Нѣтъ, сознаюсь!..

— И я также не зналъ, когда поступалъ туда, въ Филадельфію... Я думалъ только, что это благотворительный клубъ, мѣсто для встрѣчи людей, одинаковыхъ мнѣній!.. Потомъ я услышалъ о здѣшнихъ мѣстахъ, да будетъ проклятъ тотъ часъ, когда я это услышалъ! И думалъ, что здѣсь будетъ еще лучше... Лучше!.. Я привезъ сюда мою жену и дѣтей и занялся торговлей. Дѣла пошли хорошо и скоро разнеслось по округѣ, что я принадлежу къ союзу Свободныхъ Людей. Тогда меня принудили присоединиться къ здѣшней Ложѣ, какъ это сдѣлали вчера съ вами, и я также ношу теперь на рукѣ позорное клеймо, а на душѣ еще кое что похуже!.. Я увидѣлъ, что я нахожусь въ рукахъ злодѣя и долженъ принимать участіе въ его преступленіяхъ... Что я могъ сдѣлать!.. Все, что я осмѣливался сказать, принималось за измѣну, вы сами слышали это сегодня ночью... Уѣхать отсюда я не могу, такъ какъ буду разоренъ!.. Если я уйду изъ Ложы, я буду убитъ въ тотъ же день и не только я, но и жена и дѣти. О Боже, какъ это все ужасно, ужасно!..

И Моррисъ, закрывъ руками лицо, застоналъ и не говоря больше ни слова качался отъ невыразимой муки.

А. Конанъ Д'Ойль.

«Долина ужаса» — новѣйшая повѣсть Конанъ-Д'Ойля —
продолженіе въ слѣдующемъ — № 5 «Аргуса».

СОДЕРЖАНИЕ № 2-го 1915 г.

На сторожѣ. Очеркъ греч. посланника И. Драгумиса за храбрость и вѣрность. Очеркъ М. Д. Навождение. Разсказъ С. Гусева-Оренбургскаго, иллюстраціи В. Сварога.
 Научный столпъ. Разсказъ кн. В. В. Барятинскаго, иллюстраціи Ре-ми.
 Бурная лама. Бурятская легенда. Д. Имшенецкаго, иллюстраціи С. Лодыгина.
 Свѣтлое рѣшеніе. Разсказъ Сергея Ауслендера, иллюстр. Е. Шильниковскаго.
 Тайна стѣнъ. Разсказъ Р. Минцова, иллюстраціи П. Бучкина.
 Могикане искусства. (43 выставка передвижниковъ). Очеркъ Л. Аннибала.
 Мудрая жена. Киргизская сказка А. Степного, иллюстраціи С. Лодыгина.
 Его свѣтлость карнавалъ. Очеркъ А. Демидова, со старинными иллюстр.
 Военныя страницы. У нихъ и у насъ: Корреспонденціи, эпизоды войны, снимки собственныхъ корреспондентовъ.
 Веселыя страницы „Аргуса“. Карикатуры, шаржи Л. Катцеля и др.
 Мои первые литературные шаги. Набросокъ А. Конанъ д'Ойля.
 Театральное. Женская страничка.

Спеціальное приложение къ № 2 „Аргуса“:

„Долина ужаса“. Новая повѣсть А. Конанъ д'Ойля, съ иллюстраціями.

СОДЕРЖАНИЕ № 3-го 1915 г. (ПАСХАЛЬНАГО).

Пасха 1915 года. Стихотвореніе Георгія Иванова.
 Пасхальный привѣтъ солдатамъ. Рисунки для „Аргуса“. „Вѣсточка съ родины“. Проф. Н. Са-

мокиша; „Сонъ въ свѣтлую ночь“. Худ. Дряпаченко; „Первая трезвая пасха въ деревнѣ“. Акад. Богоанова-Бильскаго; „Да спасетъ Господь польскую деревню“. Худ. К. Вроблевскаго. „Бодрствуйте“. Проф. Ю. Клевера; „Царьградъ долженъ быть нашъ!“ Худ. В. Зарубина; „Молись, Польша!“ Г. Лукомскаго; „Военные анекдоты“. Худ. Н. Реми; „Христосъ Воскресе!“ Ю. Клевера (сына).

Ранняя пасха. Очеркъ А. Ефимова, со снимками.
 Красное яичко. Снимки галлицкихъ писанокъ.
 Пророчество. Стих. Дмитрія Пензора.
 „Какъ женился Панасюхъ“. Разсказъ Арк. Аверченко, иллюстраціи Ре-ми.
 Удивительная женщина Разсказъ Юрія Слезкина, иллюстраціи Е. Шильниковскаго.
 Застывшія сказки. Очеркъ М. Стрѣва, со снимками.
 Навстрѣчу колоколамъ. Разсказъ А. Кортуса, иллюстраціи Бюттля.
 Баллада. Стих. Тэффи, иллюстраціи С. Лодыгина.
 Крикъ во тьмѣ. Разсказъ Ал. Гудищева, иллюстраціи В. Сварога.
 Благовѣщеніе. Фото-этюды А. Федорова.
 Подъ знаменемъ Краснаго Креста. Очеркъ Н. Гука и Энге, со снимками.
 Прогулка по старому Львову. Очеркъ Г. К. Лукомскаго, съ иллюстраціями автора.
 Каприфолій. Стих. А. Куприна.
 Пѣвцы войны. Очеркъ Л. Аннибала, со снимками.
 Чудо-поѣздъ. Замѣтка А. З., со снимками.
 „Военныя страницы „Аргуса“.
 Свѣжая струя въ кинематографѣ. Статья К.

Спеціальныя приложения къ № 3 „Аргуса“.

- 1) „Долина ужаса“. Новѣйшая повѣсть А. Конанъ д'Ойля, съ иллюстраціями.
- 2) „Сестра милосердія“—открытое письмо.

(Содержаніе предыдущихъ №№ См. обложку стр. 2-я).

Изданіе Акц. 0-ва „БЮХРОМЪ“. Петроградъ, Б. Конюшенная, д. 5.

ОТКРЫТЫЯ ПИСЬМА ЕВРОПЕЙСКОЙ ВОЙНЫ.

Портреты и автографы выдающихся государственныхъ дѣятелей, сатирическія, карты войны и др. Вышло всего 30 сюжетовъ по 5 коп. каждый.

ПЕРВАЯ СЕРІЯ (Русскимъ воинамъ).

№№	№№
1. Портретъ и автографъ С. Д. Сазонова.	7. Портретъ и автографъ Гр. Конрада де-Бюиссерэ.
2. " " А. А. Нератова.	8. " " М. И. Спалайко-вича.
3. " " Г. Н. Трубецкаго.	9. " " Радко-Дмитріева.
4. " " М. В. Родзянко.	10. " " Барона Мотоно.
5. " " Сэра Джоржа Бьюкенена.	
6. " " Палеолога.	

ВТОРАЯ СЕРІЯ (Европейская война).

№№	№№
11. Карта—Западный фронтъ.	16. Карта—Граница объедин. Польши.
12. " " Восточный фронтъ (Австрійскій).	17. Реймскій Соборъ.
13. " " Восточная Пруссія.	18. Портретъ Пуанкарэ.
14. " " Восточный фронтъ (Польша).	19. " " Японскаго императора.
15. " " Червоная Русь.	20. " " Бельгійскаго короля.

ТРЕТЬЯ СЕРІЯ.

№№	№№
1. Верховные вожди союзныхъ государствъ.	6. На стражѣ Франціи.
2. Портретъ Верховнаго Главнокомандующаго.	7. Индійскія войска во Франціи.
3. „Казачи черезъ рѣку“.	8. Крокодиловы слезы (сатир.).
4. Раненые герои въ частномъ лазаретѣ.	9. Кронпринцъ-мародеръ (сатир.).
5. „И мы на войну“.	10. Мечты Вильгельма (сатир.).

Цвѣтные діапозитивы „БІОХРОМЪ“.

Изобрѣтеніе С. М. ПРОКУДИНА-ГОРСКАГО.

Собственность Акц. О-ва „БІОХРОМЪ“. Петроградъ.

Эти цвѣтные діапозитивы предназначены, главнымъ образомъ, для слабыхъ источниковъ свѣта. Они могутъ быть показываемы обыкновеннымъ **школьнымъ фонаремъ**, для котораго они специально изготовляются. Дуговыя лампы **не пригодны** для этихъ позитивовъ; для нихъ хороши обычные лампы накаливанія, лампы Нейста, газоспирто-керосино-калильные лампы и тому подобные источники свѣта.

Отличительными особенностями цвѣтныхъ діапозитивовъ „БІОХРОМЪ“ являются: а) чрезвычайная прозрачность, б) прочность цвѣтовъ, состоящихъ изъ новаго химическаго соединенія, в) ихъ дешевая цѣна.

При показываніи очень важно слѣдить, чтобы обѣ стороны діапозитива были чисты, напр. не захватаны пальцами, такъ какъ всякая грязь будетъ видна на полотнѣ экрана.

Акціонерное Общество „БІОХРОМЪ“ имѣетъ огромную **коллекцію снимковъ Россіи съ натуры въ цвѣтахъ**, исполненную С. М. Прокудинъ-Горскимъ.

Съ этихъ снимковъ нынѣ изготовляются цвѣтные діапозитивы. Каталогъ снимковъ высылается за 2 десятикоп. марки. Цѣна отдѣльнаго цвѣтнаго діапозитива 8×8 сантим. одинъ рубль (1 р.) безъ пересылки. Всѣмъ учебнымъ заведеніямъ и земствамъ, присылающимъ заказы непосредственно Акц. О-ву „БІОХРОМЪ“, дѣлается скидка въ 30%. При одновременныхъ массовыхъ заказахъ скидка можетъ быть увеличена.

Спеціально оборудованная лабораторія О-ва принимаетъ заказы на изготовленіе діапозитивовъ съ цвѣтныхъ оригиналовъ (рисунковъ, предметовъ и т. п.), но при заказѣ не менѣе 25 экземпляровъ каждаго сюжета, что зависитъ отъ самаго процесса изготовленія. Стоимость негатива при этомъ не включается въ плату за діапозитивы и исчисляется отдѣльно, въ зависимости отъ предмета съемки.

Со всѣми запросами обращаться: Петроградъ, Б. Конюшенная, 5. Акц. О-во „БІОХРОМЪ“. Телеф. 224-00.

Телеграфный адресъ: БІОХРОМЪ. ПЕТРОГРАДЪ.

Рисунок Н. ИЗЕНБЕРГЪ.

Лучшія въ мірѣ столовыя и единственныя
натуральныя минеральныя воды СЪ ЕСТЕСТВЕННОЙ
углекислотой.

Жарзанъ

== **ЕССЕНТУКИ № 20.** ==
УНИЧТОЖАЕТЪ ОТРЫЖКУ, ИЗЖОГУ, ТОШНОТУ.
ПРЕВОСХОДИТЪ Аполлинарисъ, Гисюберъ (Матони) и пр.
ПРОДАЮТСЯ ВЕЗДѢ.

БАТАЛИНСКАЯ слабительная.
ЗДѢЛЫВАЕТЪ ВОДЫ: Франца Іосифа, Викторія, Апента,
Гуниади-Іанось, Ракочи и др.

== **ЕССЕНТУКИ № 17 и 18.** ==
ПРЕВОСХОДЯТЪ источники: Карлсбада, Киссингена, Виши,
Эмса, Вильдунгена, Шавинцы и др.

ЕССЕНТУКСКАЯ СОЛЬ для приготовленія воды Ессентуки № 17. = ЩЕЛОЧНЫЯ ЛЕПЕШКИ уничтожаютъ изжогу, кислую отрыжку.
ЛЕЧЕБНЫЯ ВОДЫ продаются во всѣхъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ.

НОВЫЯ КНИГИ:

Б. Нагорская:

- ИИ. Ром. 1 р. 50 к.
- ЛОННАДА. Ром. 1 р.
- ОВОЙ ДВЕРИ. Ром. 1 р. 50 к.
- ДИОНИСА. Ром. Изд. 9-е. 1 р. 50 к.
- р. рассказы. Изд. 5-е. 1 р.
- А МИКРОБОВЪ. Ром. Изд. 3-е. 1 р.
- И НОЧЬ. 1 р.
- И.—50 коп.

М. Кузминъ:

- ПЛАВАЮЩІЕ—ПУТЕШЕСТВУЮЩІЕ. Ро-
манъ. 1 р. 50 к.
- „ПОКОЙНИЦА ВЪ ДОМѢ“ и др. раз-
сказы. 1 р. 25 к.
- „ГЛИНЯНЫЯ ГОЛУБКИ“. Стихи. 1 р. 50 к.

Ник. Шебуевъ:

- УТѢХА ВОИНА. Разск. 1 р.
- ВЕРСИФИКАЦІЯ (искусство писать стихи.
Руководство). 1 р. 25 к.
- ДЬЯВОЛИЦА. Ром. изъ угол. хрон. 1 р. 25 к.
- БЕРТА БЕРСЪ (Въ сѣтяхъ шпіонажа). Ро-
манъ. 1 р.

- Юр. Юркунъ. Шведскія перчатки. Ро-
манъ съ предисл. М. Кузмина. 1 р. 25 к.
- Маріэтта Шагинянъ. Узкія врата.
Разсказы. 1 р. 25 к.
- Ю. Муромскій. Пустыя души. Ро-
манъ. 1 р. 25 к.
- Мар. Оду. Мари Клеръ. Ром. 80 к.
- Филиппъ. На днѣ Парижа. Ром. 1 р.
- Гольдебаевъ. Томъ III. 1 р.
- Моравская. Стихи о войнѣ. 20 к.
- Гильомень. Исповѣдь простого чело-
вѣка. 1 р. 25 к.
- Рони. Гибель земли. Романъ. 60 к.
- Рони. Борьба за огонь. Ром. 1 р. 25 к.
- Феликсъ Гра. Революція. Ром. 1 р.
- Терроръ. Ром. 2 р. Бѣлый терроръ.
Ром. 1 р. 50 к.

„ПЕТЕРБУРГСКІЕ ВЕЧЕРА“.

Литературн. сборники при участіи
Е. Нагорской, Т. Краснопольской,
М. Кузмина, А. Бобрищева-Пуш-
кина, А. Рославлева и др. Кн. I и
II по 1 р., кн. III и IV по 1 р. 50 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО. М. И. СЕМЕНОВА. ПЕТРОГРАДЪ,
Телефонъ № 242-94. 5 Рождеств., д. 9, кв. 12.

Книги продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ и въ кіоскахъ желѣзныхъ дорогъ.
Выписывающіе изъ издательства на три и болѣе руб. за пересылку не платятъ.

КАТАЛОГИ ПО ТРЕБОВАНІЮ БЕЗПЛАТНО.

МАРКУСЪ ЗАКСЪ

КОРСЕТЫ

НОВЫЕ
ИЗЯЩНЫЕ
ФАСОНЫ

ВЯЗАННЫЕ
КОРСЕТЫ
„ПЛАСТИКЪ“
ТРЕБУЙТЕ
ПРЕЙСКУРАНТЫ

С-П-Б.

ЛИТЕЙНЫЙ 45
vis-à-vis БАСЕЙНОЙ
ТЕЛ. 438-40

П. Н. МАЛАФЪЕВЪ.

ЗАБАЛКАНСКІЙ пр., 38. Тел. 474-14.

ЭЛЕГАНТНАЯ ОБУЗЪ.

по 5 р. 50 к

9 р.

по 4 р.

2 р. 2 р. 50 к. 2 р. 50 к.

торгово-фабрич. т-во спбурж. И. ВИНУКОВЪ и Н. СИНИЦКІЙ Садовая 29.

Гостиницы Дворъ (у глав. вѣр) НЕВСКІЙ ПРОСПЕКТЪ №15.

ТРЕБУЙТЕ БЕЗПЛАТНО ОПТОВЫЕ ПРЕЙСКУРАНТЫ

СЪ ИЛЛЮСТРАЦІЯМИ ВСѢХЪ МУЗЫКАЛЬН. ИНСТРУМЕН. И ГРАММОФОНОВЪ.

ЦѢНЫ ОПТОВЫЯ ВСѢМЪ

ВОЛОСЫ и УХОДЪ за НИМИ

ОКРАСКА ВОЛОСЪ растительн. безвредной краско ГАРЕМА* (порошокъ) въ желат. Р. С. Достигнута возможность снятія темныхъ пятенъ съ волосъ, явившихся въ результатѣ окрашиванія жидкими химическими красками, красящими лѣпиль.

M-LE DOSS ПОСТИШЬ СЕЗОНЪ

Петроградъ, Николаевская ул.

Брошюра „Секретъ Гарема“ (Уходъ за волосами) высылается за 10-ти копѣеч. марки. Тел. 229-76.

ИДЕАЛЪ ЖЕНЩИНЫ ≡ ЕСТЬ и ОСТАЕТСЯ БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ

Приготовленный въ Лабораторіи А. ЭНГЛУНДЪ.

Березовый Кремъ, косметическое средство, придаетъ кожѣ лица естественную свѣжесть и нѣжность, ОСТАЕТСЯ ДО СИХЪ ПОРЪ НЕЗАМѢНИМЫМЪ.

Цѣна фарфоровой банки высшаго качества: туалетный 3 руб., съ пересылкою 3 р. 50 к.; цѣлѣбный 1 р., съ пересылкою 1 р. 50 к.; полбанки 60 к., съ пересылкою 1 р.

Для предупрежденія поддѣлокъ прошу обратить особенное вниманіе на подписи А. Энглундъ красными чернилами и марку Петроградской Косметической Лабораторіи. Получать можно во всѣхъ лучшихъ аптекахъ, аптекарскихъ и парфюмерныхъ складахъ Россійской Имперіи.

Главный складъ для всей Россіи А. ЭНГЛУНДЪ, Петроградъ, Новая Деревня, 15.